

ЖЕНСКИЙ РОМАН

Иоанна
Хмелевская

ВСЕ КРАСНОЕ,
ИЛИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В АЛЛЕРОДЕ

ДЕТЕКТИВ

Annotation

«Все красное» – так метко Иоанна перевела с датского название местечка Аллерод в Дании и, как говорится, «накаркала». Название оказалось провидческим.

На веселой вечеринке польских друзей происходит загадочное убийство. Несчастный пытается предупредить хозяйку дома Алицию о чем-то очень важном, но не успевает... Алиция становится мишенью для серии следующих «неудачных» покушений. Объединив усилия, Иоанна и Алиция путем логики, азарта и прекрасного знания людской природы находят убийцу.

Конечно же, эта книга не для любителей «крутых» детективов, хотя количество «живых» трупов внушительно. Роман прежде всего привлекает читателя своим искрометным юмором и иронией. Иоанна Хмелевская способна прозреть иронию и гротеск в самых непривычных ситуациях.

Роман «Все красное» по праву признан одним из самых ярких и динамичных произведений польской писательницы.

- [Иоанна Хмелевская](#)
 - [Действующие лица, живые, мертвые и потерпевшие](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
- [notes](#)

Иоанна Хмелевская

Всё красное

Действующие лица, живые, мертвые и потерпевшие

1. Алиция – невероятно гостеприимная хозяйка дома.
2. Зося – подруга Алиции, приглашенная провести скучный отпуск в ее доме.
3. Павел – сын Зоси, молодой человек, только что окончивший школу.
4. Эдик – старый поклонник Алиции, приехавший по ее приглашению, но раньше назначенного срока.
5. Лешек – друг Алиции, приехавший без приглашения.
6. Эльжбета – дочь Лешака, самостоятельная молодая дама, в Дании проездом.
7. Эва – красавица полька, жена датчанина, постоянно проживающая в Дании.
8. Рой – муж Эвы, обожающий жену сверх всякой меры.
9. Анита – журналистка, ведущая весьма активный образ жизни.
10. Генрих – датский муж Аниты с ангельски спокойным характером.
11. Герр Мульдгорд – датский полицейский со знанием польского языка.
12. Казик – жертва любви к Эльжете.
13. Тип в красной рубашке – таинственная личность, то и дело путается по ходу действия.
14. Владя – знакомый Алиции, вроде бы приглашенный ею вместе с женой.
15. Марианна – швейцарская жена Влады.
16. Агнешка – неприятельница Эльжеты, приглашенная Алицией вынужденно.
17. Тетя – поразительно энергичная датская старушка, вовсе не приглашенная.
18. Кенгуриха – австралийская родственница, проявляющаяся только в телефонных разговорах, зато в самое неподходящее время.
19. Грета – датская кузина Алиции, вызывающая противоречивые чувства.

20. Бобусь – сначала друг, а потом враг Алиции, прибывший из Англии.

21. Белая Глиста – любовница Бобуся, приехавшая из Польши.

22. Фру Хансен – домработница Алиции, безвинная жертва собственной фамилии.

23. Торстен – племянник Алиции, чрезвычайно приятный молодой человек.

24. Совершенно посторонний мужчина, которого просто подвезли на машине.

25. Херберт – сын знакомых Алиции, ниспосланный Провидением.

26. Анна-Лиза – жена Херберта.

27. Авторша – подруга Алиции, приехавшая по ее приглашению, но с опозданием.

Действие происходит в Дании

– «Аллерод» вовсе не значит «все красное», – раздраженно возразила Алиция. – Не понимаю, как такая идиотская мысль пришла тебе в голову.

Вот чуть ли не первые слова, какими встретила меня лучшая подруга, когда я сошла с поезда на маленькой датской станции Аллерод. Мы с Алицией стояли на привокзальной площади в ожидании такси. Умей Алиция угадывать будущее, она наверняка еще энергичнее восстала бы против моего перевода названия «Аллерод».

– А что значит? – спросила я. – «Род» – «красный», «алле» – «все».

– На каком языке, хотела бы я знать?

– На среднем между немецким и английским.

– Ах, среднем... Скажи на милость, чем набит твой чемодан?

– Твоим бигосом, твоей водкой, твоими книгами, твоей колбасой...

– А своего у тебя там ничего нет?

– Как же, пишущая машинка. «Род» означает «красное», и баста, я так решила!

– Ничего подобного! «Род» означает нечто вроде вырубки. Знаешь, такой вырубленный лес. Рос лес, а потом вырубил – и не стало леса.

Подъехало такси, шоферу удалось затолкать в машину и мой багаж, и нас с Алицией. Ехать было всего минуты три, но невероятная тяжесть чемодана совершенно исключала всякую мысль о возможности добраться пешком. А я продолжала отстаивать свою трактовку перевода.

– «Род» значит «красный», и все это знают, а о дурацкой вырубке никто не слышал. Раз не стало, то и говорить не о чем. «Аллерод» означает «все красное»!

– Сама ты красная! – вспыхнула Алиция. – Не веришь – посмотри в словаре и перестань молотить ерунду.

Бросалось в глаза, что она вообще была какая-то нервная и излишне легко раздражалась. Почему – я не успела узнать, так как время в пути у нас целиком заняло «все красное», а когда приехали,

оказалось, что дом Алиции переполнен гостями и поговорить с ней не было никакой возможности. Тем более, что я с ходу заразила их «всем красным» и они сразу же согласились с моей трактовкой. Это ухудшило и без того плохое настроение Алиции.

– Располагайся, помойся с дороги, вообще делай, что хочешь, только оставь меня в покое, – сказала она раздраженно. – С минуты на минуту должны явиться остальные гости.

Остальные гости! Не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять – я угодила на какое-то на редкость грандиозное сборище, вот только пока неясно: кто из гостей проживает в доме, а кто – гость проходящий; из проживающих же – кто приехал надолго, а кто лишь на несколько дней. Информацию я получила от Павла, сына Зоси, нашей общей с Алицией подруги. Сама Зося, неимоверно замотанная, была по уши занята на кухне и у нее не нашлось ни секунды для общения со мной.

– Когда мы приехали, Эльжбета уже тут жила, – просвещал меня Павел. – И сейчас живет. Эдик приехал сразу же после нас, три дня назад, а Лешек сегодня утром.

Приходящих четыре штуки: Анита с Генрихом и Эва с этим... как его... Роем. Алиция психует, мать психует, а Эдик пьет.

– Все время?

– Похоже, все.

– А сегодня Содом и Гоморра по какому случаю?

– Обмываем лампу.

– Какую еще лампу?

– Такой фонарь на длинной ножке, для садика, ну, знаешь, вроде торшера. А поставили эту лампу на террасе. Алиции на именины подарил ее, кажется, Енс, а может, еще какой родственник, хочешь не хочешь, пришлось поставить. На террасе. Датское обмывание уже состоялось, сегодня наше, польское.

Прибыли ожидаемые гости, и я с радостью встретилась с Эвой и Анитой, которых не видела почти два года. Обе очень похорошели. По сравнению с подчеркнуто беленькой Эвой сильно загоревшая худенькая Анита с большой шапкой черных вьющихся волос выглядела мулаткой. Ее датский муж Генрих, обычно добродушный и спокойный, показался мне как будто немного вздрюченным. Рой, датский муж Эвы, высокий, худой, очень светлый блондин,

беспрестанно открывал в улыбке ослепительные зубы и смотрел на жену с еще большим обожанием, чем два года назад. Я подумала: похоже, Эва хорошеет в атмосфере окружающих ее нежных чувств, а Анита – в атмосфере скандалов и ссор. Каждой свое.

После ужина гости переместились на террасу, и торжество достигло апогея. Виновница торжества светила красным светом на высоте не более метра от земли, освещая лишь ноги расположившихся вокруг нее в креслах гостей. Большой приплюснутый абажур, черный сверху, не пропускал вверх ни малейшего луча света, так что головы и бюсты сидящих тонули в глубоком мраке, и все остальное пространство также окутывала непроглядная чернота. Экспозиция из одних пурпурных ног, лишенных своих хозяев, представляла весьма странное, но тем не менее эффектное зрелище.

И еще я подумала, что это торжество по поводу приобретения новомодного светильника лишь тогда имело бы смысл, если бы хоть минутку посидела в его свете с гостями сама Алиция. Ноги представляли самый выигрышный элемент ее фигуры, и Алиция имела полное право демонстрировать их по всякому поводу и без, а тут такой повод! А кто из присутствующих дам мог это сделать? Зося, Анита и Эльжбета были в брюках, Эва – в высоких лакированных сапожках, прикрытых каким-то длинным одеянием до пят. Оставалась я, но на одну меня тратить целую лампу глупо, я бы сказала – непозволительная роскошь. Так что Алиция просто обязана была посидеть с нами.

Алиция же тем временем без конца курсировала между кухней и террасой, с каким-то мазохистским упорством обслуживая гостей. Я изловила ее в дверях:

– Сядешь ты, наконец, когда-нибудь? Меня уже начинает мутить от того, что ты без конца снуешь туда-сюда! У гостей все есть, а если что и потребуется, сами себе принесут.

Алиция безуспешно пыталась вырваться от меня и удалиться сразу в нескольких направлениях, бормоча при этом:

– Апельсиновый сок. Кажется, стоит в холодильнике...

– Я принесу! – вызвался Павел, внезапно материализовавшись из темноты.

– Вот видишь, он принесет, сядь же, наконец, ради бога!

– Принесет, как же! Он раскроет холодильник и будет пялиться, как в телевизор. Ну, ладно, Павел, принеси сок, а в холодильнике разглядывать нечего!

Глаза Павла как-то странно блеснули, и он скрылся в дверях дома.

Дом и сад тонули в глубокой темноте. Нарушали ее лишь красный круг под торшером да свет в кухне, время от времени пробивавшийся в комнату, когда отбрасывалась портьера, прикрывающая вход в кухню.

Оттащив Алицию на террасу и затолкав ее в кресло, я уселась рядом и потребовала объяснений, чрезвычайно заинтригованная ее замечанием:

– Почему Павел обязательно должен пялиться? Что там у тебя в холодильнике такое?

Алиция со вздохом облегчения вытянула ноги и взялась за сигарету. Между креслами на террасе мы порасставляли ящики, пуфики и прочие предметы, исполняющие роль столиков, на которых разложили все нужное гостям.

– Да ничего там особенного нет, – ответила она. – Просто холодильник нельзя долго держать открытым, иначе придется размораживать. Надо открыть дверцу, взять, что нужно, и сразу закрыть. А он раскроет холодильник и примется искать сок...

Из темноты внезапно вынырнули ноги Павла, а под лампой появилась его рука с бутылкой молока.

– Ты что принес?! – набросилась на сына Зося. – Не валяй дурака, мы ждем апельсиновый сок!

– Ой! – огорчился Павел. – Промазал! Я схватил с закрытыми глазами, Алиция не велела смотреть...

– Да не с закрытыми глазами, можно быстренько взглянуть и вынуть, что надо, – возразила Алиция, делая попытку встать с кресла. – Я говорила, что этим кончится.

– Ты говорила совсем другое. Сиди спокойно!

– Сиди! – поддержала меня Зося. – Я принесу.

Но Павел воспротивился:

– Я сам. Теперь я уже не промахнусь, выбор там небольшой.

Эва и Анита произнесли одновременно – Анита: – Молоко оставьте, Генрих его с удовольствием выпьет.

Эва: – Твои клипсы просто изумительны в этом освещении! Ну, прямо рубины.

Следует заметить, что вот так же, перебивая и не слушая друг друга, говорили и все остальные. Одиннадцать человек толпились вокруг обмываемого светильника и метались в черном пространстве между кухней и террасой. В обычно тихом и спокойном доме Алиции в этот вечер царил шум и столпотворение. Поскольку среди гостей находились два аборигена – Рой и Генрих, разговор велся сразу на нескольких языках. Воспользовавшись тем, что Алиция на минуту оказалась в кресле рядом со мной, я, улучив момент, тихонько потребовала ответа на вопрос, который интересовал меня с самого начала:

– Почему в твоём доме живет столько народу? Ты что, спятила, приглашая сразу такую прорву? Или это просто катаклизм?

– Катаклизм! – с горечью вырвалось у Алиции. – Никакой не катаклизм, просто каждый поступает так, как ему вздумается. Я все распланировала, каждый должен был приехать в положенное время, по очереди, тогда все было бы в порядке. Но им, видите ли, так удобнее, вот и приезжают, когда захотят. Сейчас очередь Зоси с Павлом, и только они приехали по плану. Эдика я запланировала на сентябрь, а ты, не в обиду будь сказано, должна была приехать еще в прошлом месяце. У нас какой сейчас?

– Август, середина.

– Вот именно! А ты должна была приехать в конце июня.

– Должна была, но не смогла. Я влюбилась...

– А Лешек должен был...

Разогнавшаяся Алиция вдруг прервала себя на полуслове:

– Что ты сделала? – спросила она, будто не доверяя собственным ушам.

– Влюбилась, – сокрушенно повторила я.

– Как, опять? Ты сошла с ума!

– Возможно. Но что я могу поделать?

– И в кого же ты влюбилась?

– Так, в одного, ты его не знаешь. Похоже, тот самый роковой блондин, которого мне гадалка предсказала. Впрочем, это длинная история, я тебе расскажу все как-нибудь в другой раз. Так откуда же взялись Лешек и Эльжбета?

– Лешек и Эльжбета... Послушай, а он что? Он в тебя тоже влюбился?

– Вроде влюбился, хотя я и боюсь поверить. Знаешь ведь, какая я невезучая. Ну так что с Лешekom и Эльжбетой?

– Так вот, они... А чем дело кончилось? Ты разлюбила и поэтому смогла приехать ко мне?

– Наоборот. Я утвердилась в своих чувствах. И поэтому смогла приехать. Так значит, Лешек...

– А кто он такой?

– Бог с тобой, ты что, Лешека не знаешь? Отец Эльжбеты, вон они оба, сидят рядом с тобой. Кшижановские их фамилия.

– Балда! Я спрашиваю о твоём хахале. Что же касается Лешека, то он прибыл сюда на яхте на несколько дней, а Эльжбета сама по себе приехала из Голливуда. Тоже на несколько дней, на будущей неделе отправляется в Стокгольм. Может, на яхте, вместе с отцом, я точно не знаю. По правде говоря, они приехали без приглашения, и если бы я их меньше любила...

– А почему Эдик вместо сентября приехал сейчас? У меня-то уважительная причина, а у него что?

– А он должен сообщить мне нечто страшно важное и срочное, не терпящее отлагательства. Так по крайней мере он заявил. Потому и приехал срочно. Вот уже три дня, как приехал, а все никак не может сообщить это нечто важное, все не представляется случай.

– Почему же не представляется случай?

– Потому что ему никак не удастся протрезветь.

Испытывая противоречивые чувства, взглянула я на вытянутые ноги Эдика. Его кресло стояло в некотором удалении от лампы, так что освещены были лишь ботинки и до колен брюки. Ботинки и брюки вели себя спокойно, не производили впечатления пьяных, но я-то знала, что в данном случае впечатление может быть очень даже обманчиво. Основным занятием Эдика чуть ли не всю сознательную жизнь было злоупотребление алкоголем. Именно по этой причине в свое время Алиция, не посчитавшись с собственными юными чувствами, отказалась связать с ним судьбу, ограничившись сердечной дружбой. А может, теперь юные чувства понемногу возрождаются?

– А он по-прежнему так же сильно пьет? – поинтересовалась я, ибо у меня к Эдику был свой интерес. – Не прекратил?

– Еще как пьет! Уже успел высосать половину того, что привез.

Со дня смерти Торкиля, датского мужа Алиции, прошло уже столько времени, что Алиция имела полное право проявить интерес к другому мужчине. Однако если Эдикова склонность к спиртному оттолкнула ее в свое время, вряд ли теперь Алиция пересмотрела свое мнение. Хотя, с другой стороны, она ведь всегда питала к нему слабость. Впрочем, и слабость и градусы – ее дело, у меня же были свои личные причины интересоваться Эдиком. И для меня было очень важно, чтобы он хоть ненадолго протрезвел.

Я еще собиралась спросить Алицию, не догадывается ли она, что именно хотел ей Эдик сообщить, но Алиция покинула свое кресло прежде, чем я успела запротестовать, и исчезла во тьме.

Павел с Зосей все никак не могли найти апельсиновый сок, и Анита отправилась к ним на помощь. Эва вдруг вспомнила, что они с Роем купили сегодня несколько банок разных соков, которые еще не успели вынуть из багажника машины, и погнала Роя за ними. Апельсиновый сок вдруг стал предметом всеобщего интереса, все только им и занимались, казалось, все пространство вокруг нас наполнилось апельсиновым соком, и я бы не удивилась, если бы он вдруг пролился на нас в виде осадков.

Отыскала сок все-таки Алиция, и не в доме, а в чулане, где она держала запасы пива. С соком наконец дело уладилось, но тут Эльжбета вдруг почувствовала голод, пошла на кухню и принесла себе бутерброды, да такие аппетитные, что голод немедленно ощутили Павел и Лешек. Алиция помчалась на кухню, чтобы наготовить побольше бутербродов, тем более что ее уже беспокоило, чем это Анита так долго там занимается. Зося принялась искать вторую банку с кофе. Эва настойчиво требовала для Роя крепчайших польских сигарет «Экстра» – пронесся слух, что у кого-то из польских гостей они есть. Анита по ошибке налила Генриху молока в пиво.

Вечер явно удался и становился все оживленнее. Гости проявляли невероятную изобретательность по части придумывания все новых и новых желаний и, безжалостно опустошая запасы Алиции, наперебой изъявили готовность принести любые продукты и напитки, так что большая часть присутствующих находилась в неустанном и хаотичном движении.

В неподвижности пребывали под красным абажуром лишь три пары ботинок. Две из них принадлежали Лешеку и Генриху, которые,

сидя в соседних креслах, вели оживленную беседу на потрясающей смеси английского и немецкого о недостатках и достоинствах разных типов яхт. Беседа была столь увлекательна, что они совершенно не обращали внимания на все остальное. Третья пара ботинок принадлежала Эдику. Он тоже не покидал своего кресла под лампой, запасшись заблаговременно необходимыми напитками, которыми и пользовался в неумеренных дозах, благо они находились под рукой.

– Алиция! – неожиданно проревел он могучим басом, покрывшим царящий на террасе шум. – Алиция!!! Тебе грозит опасность! Почему ты так неосторожна?!

Рев прорезал темноту столь неожиданно, вопрос прозвучал столь странно, что все онемели. Издав рев, Эдик тоже онемел, и воцарилась гнетущая тишина. На вопрос Алиция не ответила – может быть, потому, что ее в тот момент не было на террасе.

– Ну вот, уже набрался! – послышался откуда-то со стороны дома голос Зоси.

– Алиция! – опять проревел Эдик и для пущего эффекта грохнул кружкой с пивом по ящику, служившему ему столиком. – Алиция, черт возьми, почему ты так неосторожна?!

В красном свете лампы появились ноги Алиции, которой, по-видимому, донесли об Эдиковых выкриках. Эдик сделал было попытку встать с кресла, но свалился обратно.

– Алиция! Почему ты... – затынул он свое, но Алиция не дала ему закончить.

– Эдик, не дури! Ты перебудуешь весь Аллерод! Успокойся!

– Почему ты так рискуешь? – упорствовал Эдик, правда, уже немного тише.

– Зачем пускаешь в дом таких людей? Ведь я же тебе писал...

Мрак вокруг красного абажура взорвался разноголосым шумом. Собравшиеся, уяснив состояние Эдика, сочли нужным заглушить его выкрики – неизвестно ведь, что еще он вздумает проорать, лучше, щадя Алицию, сделать вид, что не услышишь. Усилия девяти человек увенчались успехом. Голос Эдика потонул в общем гаме. Лешек кричал Генриху что-то о стенах и форштевнях, Анита настойчиво предлагала всем доесть два оставшихся бутерброда, Зося голосом валькирии заставляла Павла открывать бутылки пива.

Алиция присела на ручку кресла к Эдику и попыталась его образумить.

– Веди себя прилично, ты ведь находишься в Дании, здесь не принято кричать.

– Но я же писал тебе, чтобы ты была осторожна! Я тебя предупреждал! Ведь я же писал...

– Может, и писал, но я не читала.

– Алиция, вскипел чайник! – позвала из темноты Эльжбета.

– Ну так я тебе сейчас скажу, – Эдик упорно придерживался темы. – Если ты не читала моего письма, я тебе скажу сейчас своими словами. И ему тоже скажу... А почему ты не прочла мое письмо?

– Потому что оно куда-то подевалось, и я не успела. Ну, хорошо, хорошо, ты мне все скажешь, но не сейчас же, когда у меня гости!

– Нет, сейчас же! Вот именно сейчас же!

– Ну ладно, пусть сейчас же, только минутку подожди, пока я приготовлю тебе кофе.

Я бестактно подслушивала их разговор, который представлял для меня исключительный интерес. Алиция пошла готовить кофе, а я взялась ей помогать, чтобы она поскорее управилась и продолжила прерванную беседу. Мы быстро приготовили кофе, но потом понадобилось принести сливки, потом сахар, соленые палочки, пиво, коньяк, швейцарские шоколадки и польский сырник, сигареты и фрукты. В освещенном проеме дверей материализовывались из темноты и в ней же растворялись какие-то фигуры, под торшером появлялись и исчезали какие-то ноги. Эдик получил свой кофе, успокоился и умолк, возможно, утомленный коротким, но изматывающим выступлением.

– И ведь это еще не все, – мрачно сообщила Алиция, опустившись на минуту в кресло рядом со мной. – Еще приедут Владя с Марианной.

– Господи боже мой! И тоже к тебе?

– Также ко мне. Если до этого Лешек с Эльжбетой уедут, будет, где их положить, если нет – мне придется снять для них номер в гостинице. Того и гляди у меня кончится постельное белье. Самое же плохое, я не знаю точно дня их приезда, так как они путешествуют.

– Где путешествуют? – автоматически поинтересовалась я, хотя мне было до лампочки, где именно путешествуют Владя с Марианной.

Меня ошеломило это форменное нашествие на Аллерод. Ужасно, что из своего путешествия они приедут именно сюда!

Алиция тем не менее удовлетворила мое любопытство:

– Кажется, в Бельгии.

– Ну, тогда им и в самом деле по пути, ведь из Бельгии в Швейцарию иначе как через Данию не попадешь!

– Они вовсе еще не возвращаются в Швейцарию, им надо в Норвегию. Как ты думаешь, он заснул?

Я взглянула на пурпурные ноги Эдика. Они были неподвижны.

– Похоже, спит. Показательные выступления утомили его. Будешь будить или оставишь его так спать до утра?

– Пока не знаю. Интересно, что он мне писал в своем письме?

– А ты хоть получила это его письмо?

– Получила, но не прочла. Меня кто-то отвлек, когда принесли почту, а потом письмо куда-то задевалось. Ума не приложу, куда я его могла сунуть. Пыталась разыскать перед приездом Эдика, неудобно все-таки, да без толку. Понятия не имею, что он такое хотел сказать. Говорит, важное, но ведь по пьяной лавочке что угодно можно наговорить.

Стоит ей сейчас сообщить о моем деле к Эдику? Может быть, оно как-то связано с его выкриками? Да и вдруг сама Алиция что-нибудь знает? Подумав, я решила пока подождать, сейчас не самый подходящий момент для серьезного разговора, в этой обстановке вряд ли она в состоянии уяснить что бы то ни было. Все равно потом придется повторять, только лишний труд.

Была уже полночь, когда хорошо воспитанная Эва подала сигнал к окончанию вечера – к большому огорчению гостей. Алиция включила свет по другую сторону дома, над дверью у калитки. Наконец-то стало светлее. Вся банда вывалилась на улицу, к машинам Роя и Генриха. Под торшером остался один Эдик, мирно спящий в своем кресле.

– Ну наконец-то тихо! – измученным голосом произнесла Зося, когда мы с ней вернулись на террасу.

– Оставь, я сейчас уберу. Павел, за работу! И включи свет в комнате. Алиция, оставь посуду, говорю тебе, лучше займись Эдиком!

– Эдика советую приберечь на конец, – сказала я Алиции, собирая на подное посуду. – Сначала приготовь ему ложе, а потом мы его туда перетащим.

– Дайте мне в помощь Павла – постель принести, – попросила Алиция с тяжким вздохом. – Какое счастье, что больше нечего обмывать!

Эльжбета под нажимом отца приступила к мытью посуды. Мы с Зосей наводили порядок на террасе. Лешек с Павлом перенесли в комнаты часть стульев и кресел и помогли Алиции приготовить для всех спальные места.

– Кто спит на катафалке? – тихонько поинтересовалась я у Зоси, убирая вместе с ней ящики и пуфики, игравшие роль столиков.

– Спал Эдик, – так же тихо, чтобы не услышала Алиция, ответила Зося. – Но думаю, сегодня его лучше уложить здесь, на диване. До катафалка ведь придется тащить его или через весь дом и потом по лестнице, или через сад и опять же по ступенькам.

– Так посоветуй это Алиции.

Катафалк стоял на возвышении в бывшей мастерской Торкиля, в свое время пристроенной им к дому со стороны садика.

Разумеется, это был не настоящий катафалк, а просто очень сложной конструкции кровать, приобретенная заблаговременно гостеприимными хозяевами дома в заботе о возможных больных гостях. Торжественность и высота этого сооружения, на которое приходилось взбираться, как на верхнюю полку в спальном вагоне, неизбежно ассоциировались с погребальными свечами и запахом ладана.

Выглядело это спальное место, прямо скажем, не очень уютно, но при ближайшем знакомстве оказывалось неожиданно весьма удобным. Алиции почему-то очень не нравилось, что мы между собой прозвали его катафалком, поэтому из уважения к чувствам хозяйки мы старались не произносить в ее присутствии этого слова.

– Может, ты и права, – согласилась Алиция с Зосей, бросив взгляд на Эдика, спящего в своем кресле, свесив голову. – Пожалуй, так и в самом деле будет проще.

– А кто же тогда будет спать на катафалке? – вырвалось у Павла. – Тьфу, я хотел сказать – на постаменте.

– Павел! – укоризненно прикрикнула на него Зося, подметив гневный блеск в глазах Алиции.

– Ну, на этом... как его... для больных гостей... операционном столе?

– Павел!!

– Ну ладно, молчу, молчу.

Я попыталась загладить бестактность Павла:

– А кто до этого спал на диване?

– Эльжбета, – Зося с готовностью приняла мою помощь. –

Поэтому она пусть перейдет на пьедестал... то есть, я хочу сказать, на ту кровать...

– Эльжбета! – позвала Алиция, обескураженная всеми этими сложностями. – Будешь спать в гробу?

– Могу, – ничуть не удивившись, согласилась Эльжбета, появляясь в проеме кухонной двери с тарелкой в руках. – А у тебя есть гроб?

– Есть. В мастерской.

– Какое-нибудь новое приобретение? – вежливо поинтересовалась Эльжбета.

– Вроде ничего такого у тебя раньше не было.

– Было. Катафалк, – Алиция ядовито посмотрела на нас. – Раз уж они уперлись называть это ложе катафалком, могу я себе позволить сделать следующий шаг?

– А, катафалк! Ну так бы и сказала. Пожалуйста, я могу спать на этом памятнике. Мне никогда не снятся сны.

Поскольку у меня нет никакого опыта в обращении с пьяными, к тому же я жутко устала – ведь прямо с дороги угодила на званый вечер – я не предложила своих услуг для транспортировки Эдика. Меня не было на террасе, когда Алиция, Зося и Лешек приступили к ней. Из дому я выскочила лишь на крик Зоси, столкнувшись в дверях с Павлом.

В свете, падавшем из комнаты, отчетливо предстало смертельно бледное запрокинутое лицо Эдика и его неподвижные широко раскрытые глаза, уставившиеся в черное небо.

Эдик был мертв.

Утром мы собрались в кухне, измученные бессонной, невыразимо тяжелой ночью. Алиция уже, наверное, в сотый раз что-то объясняла по телефону полицейским властям. Надо сказать, что полицейские власти взялись за нас с энергией, превосходящей всякие ожидания. С полвторого ночи до пяти утра через сад и дом Алиции протопали целые табуны полицейских в поисках орудия преступления – пока еще точно не известно, какого. Все их усилия установить с нами контакт на датском языке оказались тщетными, хотя они вновь и вновь предпринимали попытки. Результаты как поисков орудия преступления, так и попыток получить от нас хоть какие-нибудь сведения оказались плачевными, а измотаны мы были страшно. Слабым утешением служило лишь сознание того, что и четверым уехавшим гостям тоже не дали спать и что их тоже, в Роскилле и Видовре, терзают вопросами стражи порядка.

В нашем доме убили человека. Смертельный удар был нанесен сзади. Острое орудие пробило пиджак и рубашку, прошло между ребрами и достигло сердца. В доме не удалось найти ничего похожего на такое орудие. От потрясенных и растерянных друзей погибшего ничего узнать не удалось, ни у одного из нас никаких подозрений не зародилось.

Алиция держалась неплохо, главным образом благодаря Лешеку, который уже многие годы служил ей поддержкой и опорой. Возможность выплакаться ему в жилетку очень ей помогла. Лешек и Эльжбета сохраняли философское спокойствие – их отличительная фамильная черта. Зося, напротив, никак не могла взять себя в руки, и у нее все из них валилось. Павлу стоило больших усилий скрывать расправившее его чувство восторга от сопричастности к сенсации. Меня же неожиданное убийство Эдика повергло в полную прострацию – по разным причинам. Нет, не для того я приехала на несколько недель в Аллерод, чтобы в самом начале наткнуться на труп!

Очередной звонок из полиции принес новую информацию.

– Эдика пырнули сзади, удар нанесен профессионально, каким-то особенным острым, тонким и не очень длинным орудием, – положив трубку, со вздохом сказала Алиция.

– Вертел! – вырвалось у Павла.

– Оставь вертел в покое, – раздраженно попросила я, а Алиция добавила:

– Никакой не вертел, они говорят – стилет. Возможно, пружинный. Не знаю, существуют ли пружинные стилеты, но у полицейских есть основания считать его таковым. И сейчас они приедут сюда, чтобы искать его, потому что ночью поиски были некачественными. Давайте ешьте скорее!

– Откуда они могут знать, что стилет, да еще пружинный? Ведь в Эдике ничего не было, – недоверчиво произнесла Зося.

– На это указывает, по их словам, характер ранения. Ешьте скорее!

– Ну, конечно, сейчас самое разумное – подавиться завтраком нам всем сразу! Или ты считаешь, у полиции еще мало работы?

– Ешьте скорее! – механически повторила Алиция, совершенно не способная воспринимать никакие доводы здравого смысла.

В соответствии с ее пожеланиями мы быстро проглотили завтрак и навели порядок на кухне. И оказалось, торопились совершенно напрасно, ибо датские фараоны прибыли лишь через полтора часа. Интересно все-таки, как они намерены с нами общаться?

Языковые трудности минувшей ночи, как выясилось, заставили их пошевелить мозгами, в результате чего для общения с нами был делегирован некий господин Мульдгорд – очень худой, очень высокий, совершенно бесцветный и абсолютно скандинавский полицейский.

Господин Мульдгорд, служебное звание которого навсегда осталось для нас тайной, отличался от других датских полицейских тем, что среди предков у него были поляки – достаточное основание предполагать и у него знание польского языка. Во всяком случае, его начальство очень надеялось, что ему удастся с нами объясниться. И действительно, мы в большинстве случаев понимали вопросы герра Мульдгорда, хотя его польский был весьма оригинальным. Он несколько расходился с принятой у нас повсеместно грамматикой и почему-то сразу заставил вспомнить Библию.

Нас же господин Мульдгорд понимал значительно лучше, чем мы его, что для следствия было, конечно, важнее. А поскольку господин Мульдгорд произвел на нас весьма благоприятное впечатление, мы сразу же захотели ему помочь и очень старались.

Господин Мульдгорд приехал в сопровождении нескольких подчиненных, которых разослал по всему дому и саду, велел им искать тонкий и острый предмет из стали, а нас собрал в самой большой комнате, усадил вокруг стола, сел сам, раскрыл большой блокнот и приступил к допросу. Поскольку Алиция должна была присутствовать при обыске, за столом оказались люди, совершенно не знающие датского. И господин Мульдгорд, знающий польский.

Первый вопрос был задан приятным, доброжелательным тоном, причем в голосе полицейского явственно слышался живой человеческий интерес:

– Воистину на вече'ря было чловецех, яко песку морского?

Мы дружно вытаращили на него глаза. Павел издал звук, как будто чем-то поперхнулся, Зося застыла с сигаретой в одной руке и зажигалкой в другой. Лешек и Эльжбета, до удивления похожие друг на друга, с непроницаемым выражением, не мигая смотрели на него. На вопрос никто не ответил.

– Воистину на вече'ря было чловецех, яко песку морского? – терпеливо повторил господин Мульдгорд.

– Да что же это значит? – не выдержал Павел.

– Думаю, он просто интересуется, сколько нас было, – неуверенно предположила я.

– Да, – с благодарностью кивнув мне, подтвердил полицейский. – Аз глаголю – сколько штука вкупе?

– Одиннадцать, – вежливо ответил Лешек.

– Кто суть оные?

С трудом продираясь сквозь форму задаваемых вопросов, мы старались вникнуть в их суть, чтобы удовлетворить любопытство следователя. Не будучи твердо уверенными, на каком языке надо отвечать – хотелось, чтобы собеседник понял нас как можно лучше, – мы все-таки смогли довести до его сведения не только общее количество присутствовавших в момент убийства, но и сообщить их анкетные данные. Более того, мы уточнили и степень их знакомства с Эдиком. Господин Мульдгорд все старательно записал в своем блокноте. Потом опять начались трудности.

– Во оноже время, – сформулировал следователь свой следующий вопрос, – што она твориху?

– Кто «она»? И почему он спрашивает только о женщинах? – возмутилась Зося.

Лешек ее успокоил:

– Он имеет в виду нас всех. И пусть каждый из нас по очереди расскажет, что он запомнил.

– Я – ноги, – не задумываясь, выпалил Павел. – Я помню только ноги.

– Токмо ноги? – заинтересовался герр Мульдгорд. – Какова ноги? Павел недоуменно смотрел на него, не понимая смысла вопроса.

– Ну откуда мне знать какие? Чистые, наверное...

– Пошто? – категорически прозвучал вопрос дотошного полицейского.

Павел был окончательно сбит с толку.

– Чтоб я лопнул, откуда мне знать, почему? Моют, наверное. Тут все моют...

– Павел, ради бога, перестань! – не выдержала Зося. А я подумала – какое счастье, что здесь нет ни одного из моих сыновей.

Господин Мульдгорд, по всему видно, обладал ангельским терпением.

– Пошто токмо ноги видевши очи твои? – спросил он. – А весь туловищ – нет?

– Нет! – поспешно подтвердил Павел. – Ноги был под лампа, а весь туловищ в темь.

Похоже, манера речи господина Мульдгорда оказалась заразной. Зося попыталась призвать сына к порядку:

– Павел, как тебе не стыдно? На весь туловищ была тьма... Тьфу! Ну скажите же кто-нибудь нормально по-польски!

– Может, оставим туловище в покое? – предложил Лешек. – Мы вам просто покажем.

После того, как мы предъявили следователю торшер, тот совершенно логично потребовал от нас воспроизвести по возможности точно обстановку роковой ночи. Следствие переместилось на террасу, где мы расставили стулья и кресла так же, как и минувшим вечером. После непродолжительной дискуссии нам удалось довольно точно установить, кто где тогда сидел.

Перед моими глазами как наяву совершенно отчетливо предстали ноги в ботинках, и я рискнула высказать свое мнение:

– Вас, Лешек, и пана Генриха мы спокойно можем исключить из числа подозреваемых. – И, обращаясь к полицейскому, добавила:

– Вот этот господин и господин Ларсен весь вечер не вставали с места, что я могу подтвердить под присягой. Они сидели в креслах и весь вечер разговаривали. Я собственными глазами видела.

– А пани вставала?

– Ясное дело. Несколько раз. Ходила туда-сюда (я с трудом удержала себя, чтобы не сказать более понятным для него языком – семо и овамо), приносила сахар и сигареты, помогала Алиции приготовить кофе. И всякий раз, возвращаясь на место, я видела ноги Лешека и Генриха. Их кресла стояли рядом с моим.

Если начинать от дома и двигаться по часовой стрелке, то мы сидели в таком порядке: Эльжбета, Эдик, Лешек, Генрих, я, Алиция, Эва, Рой, Анита, Зося и Павел. То есть сидели теоретически, а на практике не только сновали туда-сюда, но и присаживались на чужие кресла. Лишь Генрих и Лешек ни на минуту не покидали своих мест, что единогласно подтвердили все. Дотошно изучая топографию, герр Мульдгорд проверил ее в деталях, в том числе и возможность совершения убийства Лешekom, не вставая с места. Несколько весьма добросовестных попыток убедили его в том, что это невозможно. Тем более не мог совершить убийства, не вставая с места, Генрих, который сидел еще дальше от Эдика. И в самом деле, этих двух можно было исключить.

Если исключить еще и Эдика, оставалось восемь человек, среди которых и следовало искать убийцу. Разве что какой посторонний...

Постороннего нельзя было исключить. В темноте и общей суматохе вчерашнего вечера и в сад, и на террасу могли совершенно спокойно войти сорок разбойников, и никто бы их не заметил. Вот только зачем этим разбойникам понадобилось убивать именно Эдика? В Данию он приехал первый раз в жизни четыре дня назад и все эти дни провел дома в злоупотреблении алкоголем, так что просто не успел никому ничего сделать плохого. Убили по ошибке?

Господин Мульдгорд, направив на нас внимательный, изучающий и даже подозрительный взгляд, попытался выяснить, чем и когда именно каждый занимался. Громадные усилия, потраченные им на это, оказались, к сожалению, совершенно бесплодными.

Затем он приступил к выявлению мотива преступления:

– Аще не возлюбила его присно некая особа?

Подчеркнув громадное значение своего вопроса внушительным тоном, полицейский, не сводя с нас бдительного взгляда, внимательно наблюдал за нашей реакцией.

Реакция была однозначной. Все попросту онемели. Ну как ответить на вопрос, сформулированный таким образом? Если давать прямой ответ, то можно сказать: да, его возлюбила Алиция. Но, во-первых, это не полностью соответствует истине, а во-вторых, следователю, мне кажется, хотелось узнать прямо противоположное: не питал ли кто к Эдику недобрых чувств. Мы о таких людях не знали, Эдик, как правило, подобных чувств в людях не возбуждал и трезвым в общении бывал очень мил.

– Нет, – ответил Лешек, первым переварив вопрос и сформулировав ответ. – Его все любили.

Господин Мульдгорд задумался и выдал следующий вопрос, свидетельствующий о его недюжинных следовательских способностях:

– Имеющие уши да слышат! Был еси внегда инцидент? Та ноцть алебо вспячь?

– Во дает! – вырвалось у Павла. Парень не сводил восхищенного взора с полицейского, восторженно ловил каждое его слово, с нетерпением ожидая каждого нового вопроса, и откровенно наслаждался его формой, пропуская содержание мимо ушей.

– Павел, ты бы лучше помолчал! – одернула его Зося, которую, напротив, очень волновало содержание.

Господин Мульдгорд взглянул на Павла, потом на Зося, потом опять на Павла.

– Отроче! Мать твою, – пожелал убедиться он, – зрю днесь?

Тут уже и я поймала себя на том, что с нетерпением ожидаю следующего высказывания полицейского, Павел же с Зосей старались не смотреть друг на друга. А любопытство следователя вежливо и исчерпывающе удовлетворила Эльжбета:

– Да. Это есть его мать.

Вполне удовлетворенный, следователь вернулся к поставленному вопросу:

– Инцидент. Был еси какая алебо несть?

Мы смотрели на него, боясь встретиться взглядом друг с другом и выдать себя. Нерешительность повисла в воздухе и сгущалась с каждой секундой. Никто не решался поведать полицейскому о событиях вчерашнего вечера без согласия Алиции. Пожалуй, пьяные выкрики Эдика вполне можно зачислить в разряд инцидентов. Но имели ли они какое-то значение и вообще хоть какой-то смысл? Лишь Алиция могла знать это. Нет, надо ее обязательно спросить, причем немедленно. Неважно, как это воспримет полиция.

– Я на минутку, – решительно заявила я и важно удалилась, не вдаваясь в объяснения. Если господин Мульдгорд и собирался запротестовать, то просто не успел.

Алиция отыскалась в мастерской. Ее ноги торчали из-под катафалка. Поскольку в моем распоряжении было мало времени, я решила, что проще самой залезть туда, чем извлекать ее.

– Послушай, – начала я, пытаюсь отцепить прическу от какой-то пружины, – мы дошли до инцидента, какая был еси алебо несть. И не знаем, стоит ли говорить о выкриках Эдика. Ты как думаешь?

– Сама не знаю, – ответила Алиция голосом, сдавленным как от неудобного положения, так и от сдерживаемой ярости. – Я думала, оно сюда завалилось. Ну никак не могу найти, черт его дери! Надеюсь, может, во время обыска найдут, так нет! И куда оно могло подеваться!

– Ты о чем?

– Да об Эдиговом письме. Потерялось, и все тут. Так и не знаю, о чем в нем было написано.

– Но мы не можем ждать, пока ты его найдешь! Давай решим, говорим мы полицейскому правду или нет.

Алиция с трудом повернулась ко мне:

– Какую правду?

– Господи, я же тебе объясняю! Он спрашивает, были ли какие инциденты в роковую ночь, а мы все по-идиотски молчим. Потому как верные друзья, не хотим тебя подводить. Ну так что, признаемся или нет?

– Нет, наверное... Не знаю. А ты как считаешь?

– Я тоже не знаю. Только если мы не скажем, могут сказать другие. Рой, Генрих... Они ведь датчане, ляпнут, не задумываясь, все, как было.

– Они не поняли, что кричал Эдик.

– Эва и Анита могли им перевести.

Алиция резко подняла голову и тоже запуталась волосами в пружинах.

– Анита!.. Да, ты права, Анита скажет. И куда я могла его сунуть? Скажите, что Эдик был пьян.

– Сама знаешь, что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Главное, в его выкриках был какой-то смысл или нет? Лично мне кажется – был. Вот мы и не знаем, хочешь ли ты сообщить полиции...

– Эй! – от неожиданности окрика Павла мы обе вздрогнули. – Теперь что, уже всегда будут только ноги, а остальной туловищ нет?

– Чего он? – удивилась Алиция. – Что-то я не пойму.

– Я понимаю. Павел, чего ты хочешь?

– Я-то ничего не хочу, а вот фараон желает, чтобы вы обе пришли.

Он прервал конференцию и ждет.

Мы отцепились от пружин и выползли из-под катафалка. Алиция решила.

– Ладно, о криках Эдика сообщаем, их не скроешь, но о письме ни слова. И вообще, кричал по пьянке...

Так господин Мульдгорд узнал, что да, инцидент-таки был. Пьяный Эдик скандалил, ругал Алицию за неподходящие знакомства. Какие знакомства он имел в виду – понятия не имеем и мнения его не разделяем. Все знакомства Алиции считаем самыми что ни на есть подходящими.

По всей вероятности, злополучный инцидент оказался единственной добычей следователя. С обезоруживающей искренностью он признался, что в создавшейся ситуации задача найти преступника ему представляется чрезвычайно трудной, но надежды терять не следует. Еще не все возможности использованы, а именно: на завтра он назначает проведение следственного эксперимента. Надлежит воссоздать обстановку, максимально приближенную к роковой ночи, для чего в Аллерод приглашаются все лица, присутствовавшие накануне. Алицию чуть удар не хватил.

Отдав необходимые распоряжения, господин Мульдгорд удалился, прихватив свою бригаду и килограмма три острых металлических предметов (в том числе портновские ножницы, фрагмент старинного канделябра и стальной метр), чтобы проверить, не подходит ли что к Эдику. Стилета никакого не нашли.

В Аллероде наконец-то воцарилось относительное спокойствие. Пришибленные избытком впечатлений гости разбрелись по углам и тактично делали вид, что занимаются своими делами. Надо было передохнуть и набраться сил для предстоящего на следующий день сомнительного развлечения.

Алиция предупредила: если будут звонить – ее нет дома и, когда вернется, неизвестно. Впрочем, это почти соответствовало правде, ибо мы с ней вдвоем, пока не стемнело, занялись в дальнем углу сада уничтожением крапивы, убеждая друг друга в том, что физический труд окажет благотворное воздействие на нашу психику. В зарослях крапивы, по слухам, скрывался пень, который мне вместе с Павлом предстояло выкорчевать. Уничтожением скрывающей его крапивы Алиция пожелала заняться лично, имея на нее (крапиву) какие-то свои виды – то ли заваривать в лечебных целях, то ли настаивать на спирту и использовать как средство для уничтожения тли. Из сумбурных объяснений Алиции я этого так и не поняла, хотя, надо признать, слушала невнимательно, занятая своими мыслями.

Скоропостижная смерть Эдика, хоть я его почти совсем не знала, очень сильно затрагивала меня лично. Я выехала из Варшавы вслед за ним, через три дня после его отъезда, с твердым намерением задать ему один вопрос. Ответ на этот вопрос интересовал не только меня, но и человека, которого бы мне ни за что на свете не хотелось подвести. На вопрос, простой, невинный и бесхитростный, ответить мог лишь Эдик и наверняка бы ответил, если бы я успела его спросить. Впрочем, от него я не собиралась скрывать, почему спрашиваю. Да и вообще, дело было несложным, но требовало срочности. И еще: спросить Эдика надо было лично, письмо и телефон исключались. А вот теперь все вокруг усложнилось и стало чрезвычайно подозрительным. Простой и бесхитростный вопрос? Разговор с Алицией начала я, сердито заметив:

– Ума не приложу, кому здесь Эдик мешал! Все-таки безобразие, вот так, ни с того ни с сего заколоть человека.

Держа пучок крапивы в руках, Алиция выпрямилась и задумчиво произнесла:

– Он что-то знал. Как приехал, только об этом и говорил, все время порывался мне что-то сообщить.

– И, похоже, не только тебе. – Я жадно ловила каждое ее слово. Мой интерес к теме еще более возрос. – А ты не догадываешься, что бы это могло быть?

Алиция неловко взмахнула крапивой, задела собственную ногу, ойкнула и чуть ли не со слезами произнесла:

– Ну какая же я кретинка, сама ведь не дала ему слова сказать! Не слушала, что он говорит, считая это пьяными бреднями, и отмахивалась от него, как от надоевшей мухи! Времени у меня, видите ли, не нашлось! Идиотка несчастная!

– Да перестань ты так себя казнить, кто же мог знать? И, в конце концов, ведь он же действительно не просыхал.

– А теперь он уже ничего не скажет...

– Ясное дело, не скажет... А кому Эдик собирался еще об этом сообщить?

– Кому еще?

– Ну да, какому-то «ему». Помнишь, он кричал: «И ему тоже скажу!»

– А и в самом деле. Прижми вот это ногой. Так кому же?

– А мне откуда знать? Я тебя спрашиваю. Думала, ты догадаешься. Когда Эдик это кричал, мне показалось, он даже рукой махнул, показывая на «него». Ты стояла рядом и могла заметить, на кого именно.

– Ну, руками он махал все время. Было темно. И надо же было подарить этот дурацкий торшер! Кажется, он махнул в сторону тебя и Эвы.

– Обе мы женского пола, причем в тот вечер обе не были в брюках, – недовольно возразила я, буквально в последний момент увернувшись от крапивы, которой Алиция взмахнула перед моим носом. – Ну зачем столько энергии вкладывать в крапиву? Что касается меня, то я не нуждаюсь в ее лечебных свойствах, от ревматизма меня излечили красные муравьи, две недели меня кусали...

– При чем здесь красные муравьи?

– При том, что именно такие водились там, где я была.

– Погоди, это мне что-то напоминает. Красные муравьи...

– Ясно, что. Муравьи красные, все красное. – Да погоди, не сбивай. Красные муравьи... Не знает ли Зося чего об Эдике? Вроде я от нее лышала что-то такое, похожее на красных муравьев...

– Зося, конечно, может знать, ведь в Польше она с Эдиком встречалась. Надо будет ее порасспросить. А что с письмом?

– Пропало, – с тяжким вздохом ответила Алиция. – Никак не могу найти, хоть весь дом разбирай по кусочкам. И, знаешь, меня не покидает ощущение, что кто-то здесь похозяйничал до меня, все в доме перевернуто вверх дном.

– Так ведь обыск делали, – напомнила я.

– А, правда. Да, Зося надо порасспросить. Может, она знает, с кем Эдик в последнее время общался в Польше?

Нет, ее интуиция была прямо-таки поразительна! От неожиданности я выпустила из-под сапога крапиву, которая тут же обожгла меня через одежду. Ревматизм на ближайшие годы можно снять с повестки дня.

– Похоже, Эдик узнал что-то нехорошее о каком-то человеке и этот человек его уколошил, – осторожно начала я, одновременно решая, стоит или нет посвящать Алицию в мое дело, поначалу совершенно невинное, а теперь вдруг ставшее чрезвычайно подозрительным.

– Как ты думаешь, это кто-то из нас или посторонний?

Алиция недовольно переспросила:

– Как это из нас? Ты, что ли?

– С ума сошла! Почему именно я?

– Ох, откуда я знаю! Уверена только, что не я. Ну, и не ты, наверное. Лешек и Генрих отпадают, я все время видела их ноги. Кто же тогда? Зося? Павел? Эльжбета?

– Остаются еще Анита, Эва и Рой. Почему ты их обходишь?

Алиция немного помолчала, задумчиво почесывая локоть стеблем крапивы, потом сказала:

– Потому что я мыслю логично. С ними Эдика ничто не связывало. Вряд ли он узнал что-то компрометирующее о ком-то из Дании, ведь он никогда здесь не был. Логичнее предположить, что тот человек был из Польши. И вообще, катись отсюда к чертовой матери! Надоела! Убирайся отсюда вон!

Признаться, я была не столько обижена, сколько удивлена:

– Но почему вдруг? Прямо сейчас? И куда мне деваться?

– Что? – рассеянно переспросила Алиция. – Пошла вон, говорю! Не хватает еще, чтобы меня ужалили! – И она принялась энергично

отмахиваться.

– Я думала, ты меня гонишь. Не поняла только, убираться мне из крапивных зарослей или вообще из Аллерода. Хоть бы паузы делала, когда меняешь собеседников!

– Что ты! Это я осе. С моими гостями я пока что так не обращаюсь...

– ... хотя они, возможно, и заслуживают этого, судя по вчерашним событиям. Эдик был прав. Ты действительно пускаешь в дом неподходящих особ.

Наступившая темнота прервала нашу работу. До пня мы так и не добрались, и Алиция даже стала сомневаться, есть ли он там вообще.

Оторвав Зося от кухонных занятий, мы вытащили ее на террасу для участия в совещании. Выслушав наши расспросы, она недовольно произнесла:

– Никак не пойму, о чем вы говорите. Почему между Эдиком и красными муравьями должно быть что-то общее, а я должна об этом знать? Ничего я не знаю. Павел!

Привлеченный к участию в совещании, Павел оказался гораздо полезнее. Он лишь на минуту задумался и тут же воскликнул, донельзя взволнованный:

– А, знаю! Точно! Это тот тип в красной рубашке. Дело тут не в муравьях, а в красном. Я ведь говорил тогда, помнишь?

– И в самом деле, говорил, – припомнила и Зося. – Павел видел Эдика...

– Что за тип? – нетерпеливо перебила ее Алиция. – Кто его знает?

На первый вопрос могла ей ответить я. Не только меня, оказывается, интересовали анкетные данные этого типа, но дело-то как раз в том, что его никто не знал.

– Я не знаю, – ответила Зося. – Павел!

– Я тоже не знаю. Да я ведь вам рассказывал! Недавно, месяца два назад, я видел Эдика в обществе чернявого парня в красной рубашке. Ведь говорил же?

– Может, ты и говорил, но я невнимательно слушала, – призналась Алиция.

– Кто же это был?

– Да ведь я сто раз говорил – не знаю! Похоже, они оба сильно перебрали, то есть того... ну, оба в дым. Стояли на улице и пытались

поймать такси. Черный парень в красной рубашке, из этих... ну... южных народов. Они с Эдиком еще остановили угольный фургон и пытались в него забраться. Потом все-таки поймали такси. Я потому и запомнил их, что уж очень занятно было наблюдать за ними...

Павел спохватился, что сказал лишнее, виновато посмотрел на нас и осторожно спросил:

– Извините, если что не так, но, может быть, вы уже знаете, кто убил Эдика?

– А при чем здесь тот тип в красной рубашке? – недовольно скривилась Зося.

Я ответила сразу ей и Павлу:

– Пока мы этого не знаем. А вам ничего не приходит в голову?

– Что касается меня, то я вообще не желаю ничего общего иметь с такими делами, – нервно заявила Зося. – Я терпеть не могу преступлений! Я ничего не знаю и не желаю знать!

Алиция о чем-то напряженно думала. На террасе воцарилось молчание. Его прервала Алиция, очнувшись от своих дум:

– Парень в красной рубашке может быть вообще ни при чем. По пьянке Эдик мог ездить в угольном фургоне с кем угодно.

Что касается меня, то я придерживалась как раз другого мнения: парень в красной рубашке был очень даже при чем. Именно он являлся центральным пунктом вопроса, который я собиралась задать Эдику. Однако высказывать свое мнение вслух я пока не стала.

– Нам это ничего не дает, – продолжала Алиция. – И я совершенно не понимаю, зачем полиции понадобилось устраивать здесь завтра представление? Опять выносить весь этот ад? Ведь все равно никто ничего не помнит. Да, кстати, ужин тоже должен быть таким же точно, как позавчера? В доме шаром покати, сегодня суббота, ничего не купишь.

– Легавые, небось, надеются, что если точь-в-точь повторить обстановку вчерашнего вечера, преступник клюнет и сделает то, что сделал вчера, – высказал предположение Павел.

– Глупости! – нервно бросила Зося. – Никаких ужинов! Пусть наедятся дома!

– Кофе! – сказала я. – Сделаешь для всех кофе. Ну и, может быть, подашь остатки водки, которую Эдик не успел высосать.

– Водку мне жалко.

– Тогда обойдутся без водки. Пиво. Будет типичный датский вечер с пивом. А Эва обещала привезти апельсиновый сок.

Накануне следственного эксперимента в наших рядах царили полнейшие разброд и сумятица. Зося категорически отказалась участвовать даже в разговорах на тему, связанную с убийством Эдика. Лешек не менее решительно заявил, что его участие в предстоящем мероприятии ровно ничего не дает, поскольку Эдика он, собственно, совсем не знал, встречаясь с ним раз в несколько лет в доме Алиции. Эльжбета проявила полнейшее равнодушие к затронутой теме. Отчаявшаяся Алиция возобновила поиски пропавшего письма, увы, вновь оказавшиеся безуспешными.

Как и следовало ожидать, Эва о соке забыла. И неудивительно — она была слишком расстроена и смертью Эдика, и необходимостью появиться на принудительном званом ужине в том же одеянии, что и в прошлый раз. Да и кто бы это вынес? Быть одетой точно так же, как позавчера, зная, что встретишь тех же самых людей! Однако полиция проявила непоколебимую твердость в своих требованиях. Может, у них были основания полагать, что орудие убийства скрывалось в складках одежды преступника, и они желали проверить, насколько это возможно. А может, они преследовали и еще какую-то непонятную для непосвященных цель?

Разыгравшееся на террасе светопреставление превзошло самые страшные ожидания. Усаженный в кресло Эдика полицейский, задачей которого было в нужный момент что-нибудь крикнуть и грохнуть пивной кружкой по ящику, никак не мог уловить нужного момента и издавал дикие крики в самый неподходящий, заставляя присутствующих нервно вздрагивать. Посланный за банкой апельсинового сока Рой принес из машины банку машинного масла. Пуфики и ящики, игравшие, как и в прошлый раз, роль столиков для гостей, были завалены невероятным количеством сахара, соли и муки, причем в самых невероятных емкостях. Проникшись ответственностью, взволнованные участники эксперимента, искренне стремясь возможно точнее восстановить свои действия в роковой вечер, то и дело ошибались. Вместо того чтобы забыть о сахаре, как было в тот раз, они, как на зло, очень хорошо помнили о нем и приносили, а потом, в соответствии со своими действиями в роковой вечер, вынуждены были опять мчаться за сахаром и приносили его второй раз. Понятно, что сахар вскоре весь вышел, и пришлось прибегнуть к заменяющим его продуктам, например муке. И пиво вышло. Точнее, не столько само пиво, сколько закрытые бутылки с пивом, которые Павел должен был открывать. Содержимого же открытых нам наверняка хватило бы на целый месяц.

Все это светопреставление датские следственные власти во главе с господином Мульдгордом наблюдали со все растущей паникой на лицах.

Единственный элемент спокойствия в царящую на веранде суматоху вносили Лешек с Генрихом, которые, как только пришли, уселись на свои прежние места и тут же погрузились в прежний разговор, как будто и не прекращали его с пятницы.

Результатом светопреставления (то есть следственного эксперимента) явился лишь один-единственный, но зато не подлежащий сомнению вывод: каждый из курсирующих между кухней и торшером участников вечера непременно проходил за спиной сидящего Эдика в непосредственной близости от нее, каждый нес, как правило, какую-нибудь одну вещь, так что была свободна вторая рука, которой он и мог воспользоваться для нанесения удара стилетом или другим каким острым орудием. И этим человеком мог быть любой из нас. Информация вызвала в наших рядах смятение. Мы бросали друг на друга взгляды, исполненные подозрительности и даже страха.

– Лично я ставлю на мужчину, – доверительно шепнула нам Анита, наблюдая за Роем, как тот мечется в темноте со своей банкой машинного масла. – Ведь только сильная рука могла вот так, с маху, одним ударом прикончить беднягу.

Я возразила:

– Ну, не скажи. По-моему, здесь требовалась не столько сила, сколько умение, ведь Эдик так набрался, что можно было сколько угодно щупать его спину в поисках подходящего места, он бы и не заметил.

– Да ведь он сидел, откинувшись на спинку кресла. Как щупать, через кресло, что ли?

– Он часто наклонялся вперед, чтобы взять стакан с водкой или кружку с пивом...

– ...и убийца воспользовался таким моментом? Но все равно, нужен опыт. Кто из вас имеет подобный опыт? А ну, признавайтесь! Вам уже доводилось убивать?

– Иоанне несколько раз, – буркнула Алиция, но шутивого тона не поддержала Эва.

– Тебе хорошо говорить – мужчина, – обрушилась она на Аниту. – Ведь у твоего Генриха алиби. А несчастному Рою весь вечер пришлось мотаться туда-сюда.

– Ах, милая, ведь это же так интересно – муж-убийца!

Заметив, как сверкнули в темноте глаза Эвы, я подумала, что она, пожалуй, перестанет любить Аниту.

Анита же откровенно наслаждалась атмосферой сенсации и не скрывала этого. Она плавилась в ней, как саламандра в огне. Зося наблюдала за Анитой с плохо скрываемой неприязнью. Что ж, я понимала подругу. Ее восемнадцатилетний сын вымахал ростом под метр восемьдесят, активно занимался спортом и вообще был юношей в полном расцвете сил. Я еще подумала: пожалуй, Зося первый раз в жизни пожалела, что ее сын не какой-нибудь слабосильный замухрышка.

Прелестный вечер наконец пришел к концу. Господин Мульдгорд с бесконечными извинениями, но тем не менее очень твердо осчастливил нас информацией, что пока никому не разрешается покидать Аллерод, не получив на то позволения от него лично. Эве, Рою и Аните разрешалось жить в своих домах, но им тоже запрещалось покидать Роскилле и Видовр. Выезд за пределы Дании совершенно исключался. Полной свободой могли пользоваться лишь Лешек и Генрих.

– Мне очень жаль, дорогая, что я вынужден оставить тебя в столь идиотской ситуации, – с грустью и некоторым смущением сказал Лешек Алиции, – но меня ждут на яхте. Помощь моя вряд ли понадобится, а для тебя все-таки одним непрошеным гостем будет меньше.

Алиция безнадежно махнула рукой и вздохнула:

– Другие приедут. А ты когда отправляешься?

– Сегодня же, последним поездом. Завтра на рассвете мы отчаливаем. Ждут только меня.

– А Эльжбета? Ты разве не хотел захватить ее с собой?

– Во-первых, неизвестно, сколько пришлось бы ждать, ведь она, как и все, под подозрением, а во-вторых, она и не собиралась путешествовать со мной. Эльжбета давно ведет самостоятельный образ жизни и делает все, что хочет, не испрашивая моего позволения. Вот только надеюсь, что все-таки не она убила Эдика...

Господин Мульдгорд собирал свои манатки и своих сотрудников. Стоя в открытых дверях на террасе, я видела, как в кухне Эльжбета остановила Алицию и что-то ей сказала. Алиция с явным интересом повернулась к ней, но тут ее окликнули полицейские, и она поспешила

к ним на террасу, пройдя мимо меня. Эльжбета же покинула кухню и исчезла в дверях ванной.

Я уже тоже хотела выйти на террасу, как вдруг заметила какое-то движение в прихожей. Свет из кухни и комнаты не проникал в глубину небольшого коридорчика, ведущего к входной двери. И там, в темноте, кто-то тихо и осторожно вышел из дома.

Обежав вокруг дома, я застала на площадке перед входной дверью всех в наличии. Рой и Эва, Анита и Генрих, Зося, Павел и Алиция прощались с полицейскими, которые уже рассаживались по машинам.

Я остановилась, не добежав до них, и глядела с беспокойством и смутной тревогой на хорошо знакомых мне людей. Один из них только что вышел из темной прихожей, стараясь, чтобы его не заметили. Кто?

Мы все без должного почтения восприняли известие о нашем домашнем аресте. Прощаясь с господином Мульдгордом, каждый из нас ознакомил его со своими планами на понедельник, и тому ничего не оставалось, как принять их к сведению.

Алиция сочла необходимым выйти на работу. Зося, Павел и я решили выбраться в Копенгаген, затем Зося планировала встретиться там с Алицией и вместе с ней вернуться домой. Мы с Павлом собирались посетить парк и казино Тиволи и вернуться позже. Эльжбета отправилась в гости к каким-то знакомым и, следовательно, вернулась бы еще позже.

Поскольку в доме все до последней крошки хлеба было съедено, в понедельник утром мы с Зосей еще до отъезда в Копенгаген отправились закупать продукты в магазинах Аллерода. Накупили всякой всячины и среди прочего виноград, который Алиция жутко любила. Правда, в это время года виноград был еще дорог, но мы решили, что Алиция, при выпавших на ее долю переживаниях, имеет право на маленькие радости, и купили виноград специально для нее. Вымыв и красиво уложив его на блюде, мы поставили блюдо на низкий столик у дивана, после чего, заперев дом, отправились по своим делам.

Весь день, естественно, я не переставала думать об убийстве. И даже вечером, когда мы с Павлом стояли за рулеткой казино в Тиволи, голову по-прежнему распирало от теснившихся мыслей. Некоторые сомнения я решила прояснить тут же:

– Павел, скажи правду! Тринадцать я пропускаю. Это ты угробил Эдика?

– Почему я? – возмутился Павел, не отрывая глаз от крутящегося круга. – А я пропускаю девятку...

Моя страсть к азартным играм была непреодолима. И так всю жизнь! Естественно, я немедленно переключилась на игру и с живым интересом спросила:

– Какой раз пропускаешь?

– Вот сейчас уже восьмой.

– Тогда будь внимателен, скоро может выйти, так что ставь! Откуда мне знать, почему ты. Вот если окажется, что ты, тогда и будем

удивляться, с чего вдруг. А сейчас я просто спрашиваю, ты или не ты.

– Нет, не я, – рассеянно ответил Павел, всецело поглощенный игрой. – С какой стати мне его убивать? И вообще, у меня в жизни не было никакого стилета. Нет, ты гляди, чтоб мне лопнуть, тринадцать, а ты не поставила!

Диким взглядом уставилась я на цифры рулетки и с облегчением произнесла:

– Нет, проскочило! Слава богу! И сейчас тоже не будет. А ты поставь на девятку, это я тебе говорю...

– Сейчас?

– Сейчас. Так точно, не ты убил?

– Честное слово, не я! Ну... ну... Есть!

– Девятка, четыре кроны, – возвестил крупье.

– Ставь еще раз, теперь она подряд выйдет несколько раз.

Послушай, раз не ты...

– Это мое? – спросил Павел, указывая на жетоны.

– Твое, забирай. Послушай, раз не ты...

– Девятка, восемь крон, – возвестил крупье.

– Чтоб мне сдохнуть! – обрадовался Павел, сгребая вторую кучу железок.

– Ну, теперь я опять пропущу. А ты ставь, сейчас должно выйти тринадцать.

– Не выйдет, но я поставлю. Нервов не хватит выжидать, здоровье уже не то. Послушай, раз не ты...

– Пять и девять, – возвестил крупье. – Четыре кроны.

– Холера! – только и сказал Павел. Очень нелегко было в таких условиях вести расследование:

– Я ведь говорила, теперь надо было несколько раз подряд ставить на девятку. А я, пожалуй, поставлю-таки на тринадцать. Нет, подожду...

Метод игры, которым мы пользовались, пусть даже несколько излишне оригинальный, оправдывал себя экономически, ибо суть его сводилась к тому, чтобы не делать ставки. Выбрать себе мысленно какой-нибудь номер и воздерживаться, переждать несколько оборотов колеса и сделать ставку на номер в тот момент, который тебе подскажут инстинкт, внутренний голос, чутье или какие другие сверхъестественные силы. Приходилось признаться, что инстинкт,

внутренний голос и чутье не всегда оказывались на должной высоте и номер выходил не тогда, когда нужно. Очень нервотрепный метод, ничего не скажешь, но, согласитесь, экономный, ибо главное в нем – не ставить. Но зато, если уж на желаемый номер падал выигрыш в тот момент, когда мы решались поставить на него, прибыль возмещала нервные затраты.

– Да слушай же, наконец, что тебе говорят! – рассердилась я. – Если не ты, признавайся, где ты находился в тот момент, когда все ринулись прощаться с полицейскими?

– Там же, где и все. Я тоже ринулся.

– А каким путем? Вокруг дома?

– Ага. Теперь я буду пережидать четверку.

– А до этого ты был на террасе?

– Ага.

– Из-за этих идиотских тринадцати я разорюсь, честное слово... А кто там был еще?

– Все были. Ну, как думаешь, поставить сейчас? Нет, пожалуй, еще погожу.

– Кто все? Припомни хорошенько... Ну наконец-то!

– Тринадцать, восемь крон, – провозгласил крупье.

– Только с шестого захода вышло, поставлю опять. А ты четверку и на сей раз пропусти. Кто все? Одного не должно было быть!

– А кого? – Павел с любопытством повернулся ко мне.

– Не знаю, потому и спрашиваю тебя. Так вспомни, кто именно был?

– Генрих и Эва. И Лешек. И легавые крутились. Алицию я тоже видел. Да, пожалуй, были все, но не стояли на месте, входили и выходили. Ага, Эльжбеты я не видел.

– Эльжбета была в кухне. А может, ты случайно видел, кто вышел из дома через входную дверь? Ту, что ведет к калитке? Ну, ставь, сейчас выиграет четверка!

– Так ведь я уже передумал и пережидаю семерку. Скажу, кто не мог выйти из той двери. Генрих и Лешек не могли. И Эва тоже, она там была все время, разговаривала с ними. Я запомнил, потому что пытался понять, о чем это они говорят. И когда полиция собралась уезжать, они так втроем и двинулись за ней вокруг дома. А тот, кого не было, он что?

– Да ничего, просто, может, это и есть убийца. Выходит, и Эва исключается. Так ты уверен, что все время видел ее?

– Ну вроде бы. Она чуть раньше пошла за полицейскими, а Генрих и Лешек за ней.

– А на сколько раньше? На минуту, на пять минут?

– Откуда мне знать? За это время они успели что-то нарисовать в блокноте, Генрих показывал Лешеку, как он хитро приспособил какой-то блок для опускания чего-то. Минуты три, пожалуй. А сейчас не знаю, что лучше переждать – восьмерку или десятку...

Не отрывая тупого бараньего взгляда от тройки, я старалась сообразить, сколько времени могла продолжаться сцена, которую я наблюдала на пороге кухни. Три минуты? Очень может быть... Во мне росла глубокая, хоть, может быть, совершенно необоснованная уверенность, что человек, затаившийся в прихожей, и был убийцей Эдика. Зачем он прятался – понятия не имею, но царящая там темнота, его осторожные движения, стремление незаметно и бесшумно выскользнуть из дома, согласитесь, давали основания подозревать его. Хотя, с другой стороны, это мог быть и ни в чем не повинный человек, забывший (забывшая?) что-нибудь в прихожей, сумку, например, или что-то в кармане пальто. Хотя нет, пальто ни у кого не было, скорее всего, сумку. Нет, это был убийца и все тут.

А потом мы с Павлом стали пережидать пятерку, и упорство, с которым мы это делали, мало того что разорило нас, но и чуть не привело к опозданию на последний поезд в Аллерод. Мы вскочили в вагон, когда поезд уже тронулся.

Сойдя на станции Аллерод, мы с Павлом наткнулись на Зою с Алицией, которые ехали этим же поездом в следующем вагоне. Оказывается, они так поздно задержались потому, что встретили на копенгагенской улице наших добрых старых знакомых, у которых мы когда-то в молодости жили на квартире, и те пригласили их на ужин. В газетах уже сообщалось о сенсационном убийстве в Аллероде, понятно, что Алиция и Зоя были желанными гостями, можно сказать, «гвоздями» званого вечера, в них буквально вцепились и отпустили вот только сейчас.

– И зачем так торопились? – бурчал Павел, которого я с трудом оторвала от рулетки. – Я думал, мать тут с ума сходит, что меня нет.

– Интересно, как бы вы добрались до Аллерода, если бы не поторопились? – ядовито поинтересовалась Алиция. – Остались ночевать на вокзале или шли бы по шпалам двадцать километров?

– Вот-вот, – поддержала ее Зося. – Он никогда не торопится, а потом оказывается, что виноваты объективные обстоятельства.

– Какие там обстоятельства? Ну случилось один раз, а ты уже начинаешь...

– Не один, а двадцать раз, не меньше!

Мы с Алицией предоставили им выяснять свои семейные отношения, а сами прошли вперед. Я поинтересовалась, почему Зося опять в плохом настроении. Оказалось, Зося допустила страшную бестактность. Когда они, уже встретив знакомых, остановились на улице перед витриной какого-то магазина в Иллуме, Зося подвергла резкой критике выставленного в витрине фарфорового монстра, а потом оказалось, что точно такой монстр служит украшением квартиры их знакомых. Желая исправить допущенный промах, Зося принялась безудержно расхваливать другую статуэтку, стоящую рядом с монстром, которая, в свою очередь, считалась пределом безвкусицы и которую хозяева, сгорая от стыда, были вынуждены держать по каким-то семейным соображениям. Короче, хихикая, заключила Алиция, Зося проявила фатальное отсутствие вкуса, и при этом единственным человеком, обратившим на это внимание, была она сама. Вторым человеком, похоже, станет Павел.

– А у нас для тебя приятный сюрприз, – я тоже сочла нужным поделиться новостями.

– Какой сюрприз?

– Дома увидишь, Зося тебе не сказала?

– Нет, ничего не сказала. О господи, что вы еще выдумали?

– Придешь – увидишь. И не исключено, что с удовольствием употребишь.

Алиция прибавила шаг. Зося с Павлом остались далеко позади.

Вот мы уже подошли к дому.

– Неужели Эльжбеты до сих пор нет? – удивилась Алиция. – В окнах темно.

– Может, она в ванной, там ведь нет окна. А может, уже спит.

– Вряд ли, она ложится поздно.

Алиция никак не могла отыскать в сумке ключи, тогда я вынула свои и отперла дверь.

– И куда они могли подеваться? – бормотала Алиция, входя следом за мной и продолжая копаться в сумке. – Всегда кладу в это отделение... А, Эльжбета все-таки дома, – сказала она, зажигая свет в прихожей. – Ты чего сидишь в темноте? А где ваш сюрприз?

Стоя перед зеркалом в прихожей, она выкладывала на подзеркальник содержимое сумочки, что-бы найти затерявшиеся ключи. Я прошла в комнату и нажала на выключатель лампы, висящей над низеньким столиком.

На вопросы Алиции никто не ответил. Эльжбеты не было видно, а я тоже молчала, ибо как вошла, так и окаменела на пороге, будучи не в силах вымолвить ни слова.

В сильном свете лампы, висящей низко над журнальным столиком, моему взору предстал какой-то совершенно незнакомый мужчина. Он сидел на диване перед этим столиком лицом к двери, причем сидел странно, наполовину съехал под стол, откинувшись на спинку, запрокинув голову и бессильно опустив руки. Около правой лежал какой-то журнал, около левой – виноградина. Но самым страшным было его лицо – жуткого сине-зеленого цвета, рот разинут, глаза вылезли из орбит.

Алиция наконец нашла ключи, извлекла их из сумки и, видимо, почувствовав неладное, взглянула сначала на меня, а потом, следуя за моим взглядом, на диван.

– Вы чего не отве... – начала было она и, не докончив, оставила сумку и медленно подошла к столу, не спуская глаз с сидящего на диване.

– Так этот сюрприз вы мне приготовили? – с ужасом произнесла она. – Зачем? Кто это? И как я его должна употребить?

Хорошо еще, подумала я, что, говоря о сюрпризе, я не намекнула ей, что она с удовольствием его слопает. Проклятие какое-то довлеет надо мной, что ли? Мои невинные предсказания всю жизнь сбываются самым нелепым, непредсказуемым образом. Когда-то я намекнула моему бывшему мужу, что дома его ждет сюрприз, имея в виду отлично вымытое мной окно и новые занавески. Окно и в самом деле приняло активное участие в реализации обещанного сюрприза – как только мы вошли в квартиру, оно под воздействием сквозняка

захлопнулось, и со страшным грохотом посыпались разбитые стекла. Или вот еще: как-то я пригласила в гости к маме свою тетку, пообещав ей нечто неслыханное – я имела в виду те новости, вернее, сплетни обо мне, которые ей непременно выложила бы мама (признаться, материала для них я предоставила в избытке). Я не обманула, тетку действительно ожидало нечто неслыханное. Мой младший сын умудрился испортить замок в застекленной двери, мой старший сын, не видя другого выхода, выбил в ней стекло, и все семейство вынуждено было пробираться в комнату через образовавшуюся дыру с помощью двух табуреток. Я могла бы вспомнить много других подобных случаев, но сегодняшний побил все предыдущие рекорды. Я приготовила сюрприз, имея в виду виноград, а дома на диване нас ожидал незнакомый труп.

За дверью слышались голоса Зоси и Павла. Алиция с трудом оторвала взгляд от мертвеца и обратила его на меня.

– Кто это? – спросила она, изо всех сил стараясь устоять на ногах. – Ты его знаешь?

– Ни разу в жизни не видела.

Ничего не подозревавшая Зося вошла в комнату и замерла на пороге.

– Мать божия! – в ужасе простонала она. – Что это такое?! Что с ним случилось?

– Потрясно! – вырвалось у Павла, с глубоким изумлением уставившегося на труп. – Кто это?

– Как, вы его не знаете? – взорвалась Алиция. – В таком случае, откуда он здесь взялся? И где Эльжбета? И как, скажите на милость, я могу следить за порядком в доме, куда может зайти кто попало и умереть?!

– Может, он еще не умер? – высказал предположение Павел и шагнул к дивану, но его решимости хватило лишь на этот один шаг.

– Так выглядит и не умер?!

– Где же Эльжбета? – уже в полной истерике завопила Алиция.

– Здесь я, – спокойно отозвалась Эльжбета, выходя из ванной в халате и бигудях. – А что, случилось что-нибудь?

Взглянув на диван, она замолчала, подошла к покойнику и наклонилась над ним. Выпрямившись, она произнесла со вздохом:

– Бедный Казик! А я ломала голову, как от него избавиться.

Три неподвижных соляных столба, в которые мы превратились, вздрогнули.

– И поэтому ты решила его убить? – в ужасе произнесла Алиция.

– Ах, нет, – невозмутимо продолжала Эльжбета. – Я привела его сюда в надежде, что ты позволишь ему переночевать, ведь место Эдика освободилось. Видишь ли, он не мог попасть в свою квартиру, так как забыл ключи. И что с ним такое, интересно, приключилось?

До приезда господина Мульдгорда мы, испуганные и удрученные, просидели в кухне, стараясь не смотреть в сторону комнаты с незнакомым мертвецом, слушая объяснения Эльжбеты и пытаюсь убедить Алицию, что я совсем не его имела в виду, говоря об ожидающем ее дома приятном сюрпризе. Зося то упорно твердила, что именно я своими безответственными намеками навлекла на всех нас очередное несчастье, то, изменив мнение на прямо противоположное, фаталистически мрачно изрекла: пришла беда – отворяй ворота. Спohватившись, что мы и без того достаточно пришиблены, она предложила в ожидании приезда полиции съесть виноград, чтобы хоть немного утешиться.

– Нельзя! – возразил Павел. – Пан Мульдгорд велел ничего не трогать до их приезда.

Алиция попросила Эльжбету рассказать подробнее о несчастном Казике.

– Он давно влюбился в меня и ходил за мной по пятам, надоел ужасно, – спокойно повествовала Эльжбета. – И сюда притащился. Я именно о нем собиралась тебе вчера рассказать. Ведь это как раз он видел убийцу.

Павел поперхнулся кофе, Зося уронила на пол ложку, я, не сводя с Эльжбеты глаз, загасила сигарету, как потом выяснилось, в сахарнице.

Так же спокойно и неторопливо Эльжбета поведала нам, что вышеупомянутый Казик, в настоящее время сидящий в виде трупа на диване в комнате, работал в Копенгагене, а проживал в Аллероде. Сегодня они вместе были в гостях у знакомых, вместе вернулись поездом в Аллерод, и тут обнаружилось, что ключи от дома Казик забыл на работе. Деваться ему было некуда, вот она и привела его к Алиции, чтобы ему было где переночевать. Самое же интересное заключалось в следующем: в роковой вечер пятницы влюбленный

Казик, не будучи приглашенным на обмывание торшера, спрятался в кустах Алициного сада, пытаясь хоть издали увидеть предмет своих воздыханий. И, действительно, несколько раз увидел. Главное же, кроме предмета, он увидел еще кое-что... Кусты, в которых он прятался, находились как раз за спиной Эдика.

– И не сказал тебе, что именно он увидел? – спросила потрясенная Алиция.

– Если бы сказал, я сразу же сообщила бы тебе. Признался он только сегодня. Не в том, что сидел в кустах – об этом я и так догадывалась, а в том, что видел еще нечто. Вчера, когда я говорила тебе о Казике, у меня еще не было этой уверенности.

– Но ты же сказала вчера, что есть один свидетель.

– Я сказала: возможно, найдется один свидетель. Я знала, что Казик сидел в кустах. Сначала он не хотел мне в этом признаваться – глупо все-таки, но потом признался. И я подумала: раз сидел в кустах, мог что-нибудь заметить. По крайней мере, я так подумала, и сказала тебе о свидетеле. А раз уж он забыл ключи и деваться ему некуда, я решила – ты не станешь сердиться, если я приведу его к нам, ведь его сообщение может оказаться интересным для тебя.

– А ты его даже не расспросила?!

– Ах, конечно, нет, – ответила Эльжбета, причем ее прекрасное лицо утомленной мадонны выражало полное равнодушие. – Меня это совершенно не интересует. Я сказала ему, пусть уж прямо тебе говорит.

Казалось, Зосю вот-вот хватит кондрашка, хотя апоплексия вроде бы не грозит таким тощим, как она. Павел смотрел на Эльжбету с восхищением и ужасом, Алиция – с отчаянием.

– Послушайте, – обратилась она ко всем нам. – Если кому-то из вас надо мне что-то сказать, сделайте это сейчас же. С меня достаточно, ей-богу. Эдик собирался мне что-то сообщить и был убит, Казик хотел что-то сказать – и тоже мертв. Кто еще хочет?

Мне в голову вдруг пришла одна мысль.

– Послушай, – спросила я Алицию. – Где и когда вы с Эльжбетой говорили о свидетелях? Может быть, здесь, в кухне, когда полиция отбывала?

Алиция с Эльжбетой переглянулись.

– Да, здесь, в кухне. А точнее, в дверях. А ты откуда знаешь?

Теперь переглянулись мы с Павлом.

– Значит, там и в самом деле был убийца! – донельзя взволнованный, воскликнул Павел.

– Где был убийца?

– Убийца был в прихожей, – торжественно объявила я. – Он подслушал ваш разговор. Понял, что Казик его разоблачит, и поспешил его прикончить, пока тот еще не успел рассказать. Вот тут, в прихожей, убийца затаился в темноте, а потом выскользнул из дома через входную дверь, так что я не успела узнать, кто это был. Если это была ты, – обратилась я к Зосе, – тогда прошу учесть, что я ничего не видела, ничего не знаю, ничего вам не сообщала. Говорю тебе об этом прямо, ибо мне еще хочется пожить.

Павел нервно захохотал, а Зося в страхе посмотрела на меня:

– Ты что, спятила? Знаешь, такие шуточки... Даже если ты и пишешь сейчас свой очередной потрясающий детектив, меня оставь в покое.

– Ничего я не пишу, все потрясающе детективное происходит в жизни, вокруг нас, разве ты не видишь? Впрочем, не исключено, может, когда-нибудь и напишу, тогда в нем и для тебя найдется роль.

– Хватит молоть ерунду! – резко бросила Алиция. – Не мешайте, я думаю. Тот, в прихожей... А ты его, случайно, не выдумала?

– Бог мне свидетель, нет!

– Тот в прихожей... Что он мог услышать? Эльжбета, попробуй припомнить, о чем ты мне тогда говорила, поточнее!

Эльжбета очнулась от каких-то своих мыслей. Нет, просто невероятно, до какой степени эту женщину не интересует происходящее!

– О чем я говорила? погоди, попытаюсь вспомнить. Ну, наверное, о том, что есть человек, который может оказаться важным свидетелем. Потому что был здесь в пятницу, никем не замеченный. И завтра он расскажет тебе, что видел. То есть сегодня...

– И тут меня кто-то позвал! – с раздражением закончила Алиция. – А тот, в прихожей, подслушал. Этого человека не было на террасе...

– Тоже мне, открытие, – ядовито заметила Зося.

– Да не мешайте же! Надо вспомнить, кого не было на террасе...

– ...когда собрались уезжать полицейские. Мы с Павлом уже пытались вспомнить. И ничего у нас не вышло, разве что еще раз подтвердилась невинность Лешека и Генриха.

Алиция задумалась, помешивая ложечкой кофе, потом спохватилась:

– А я положила в чашку сахар?

– Да, – сказала Зося.

– Нет, – сказал Павел.

– Ну, так да или нет? Решите между собой.

– А ты попробуй, – посоветовала я.

Алиция попробовала и убедилась, что не положила. Взяв сахарницу, она извлекла из нее окурочек и переложила его в вазочку с конфетами.

– Нет, тут что-то не так, Казика убили, чтобы он мне ничего не сказал? А как убийца мог узнать, что Казик сюда придет? И откуда убийца вообще знал, что свидетелем является именно Казик, даже если он и подслушал наш разговор? Эльжбета, может, ты сказала другие слова?

– Может, и другие, – безмятежно отозвалась Эльжбета. – Может, так: завтра я смогу сообщить тебе нечто новое, относящееся к убийству. Или так: я узнала новость, о которой и тебе следует знать. Точно не помню.

– Но ведь это большая разница! Если ты говорила, что тебе известно, тогда он попытался бы убить тебя.

Уже несколько минут я усиленно обдумывала пришедшую мне в голову мысль и теперь не замедлила ознакомить с ней присутствующих:

– Он и пытался! Убийца охотился вовсе не за Казиком, а за Эльжбетой. О Казике он мог вообще не знать. Зато был уверен, что знает Эльжбета, но до вечера все равно тебе не скажет, потому что ты с раннего утра отправляешься на работу, а какой нормальный человек заставит себя проснуться ни свет ни заря только лишь для того, чтобы сообщить тебе смертоносную тайну? Тем более, что в такую рань до тебя и так ничего не дойдет. Разумеется, вы могли бы встретиться в городе в течение дня, но нашими планами такая встреча не предусматривалась, а наши планы мы обсуждали во всеуслышание и ознакомили с ними не только полицию, но и всех, кто хотел слышать.

– Да, но планов своих мы не очень-то придерживались. Раньше всех собирались вернуться мы с Зосей, потом ты с Павлом, а Эльжбета должна была прийти позже всех. Не представляю, как он мог себе запланировать...

Что-то дрогнуло в самой мудрой части моего мозга. «Мы раньше всех, потом ты с Павлом, а Эльжбета позже всех».

– Повтори-ка еще раз! Что-то тут не сходится...

Скрип калитки, шаги и стук в дверь возвестили, что прибыл господин Мульдгорд с бригадой. Алиция поднялась со стула и уже из прихожей спросила:

– Что у тебя не сходится?

– Пока мне самой не все понятно. Сейчас нет времени, потом скажу.

Алиция в панике молнией метнулась ко мне:

– Избави бог! Говори сейчас же! Я не желаю обнаружить еще и твой труп!

Господин Мульдгорд успел открыть дверь и услышал последние слова Алиции, которые, кстати говоря, очень меня порадовали, ибо свидетельствовали о ее теплых чувствах ко мне. Господин Мульдгорд, как оказалось впоследствии, запомнил эти слова и ухватился за них с присущей ему вьедливостью.

Глупо было трусливо отсиживаться в кухне, поэтому мы, собравшись с духом, вошли в комнату вслед за полицейскими, мужественно решив присутствовать при расследовании.

Вместе со следственной группой приехал и врач. Он взял несчастного Казика за руку, подержал ее с минуту, бережно положил на место и глубоко задумался. Промелькнувшее на его лице выражение особой заинтересованности заставило предположить, что казус Казика (извините за невольный каламбур) представляет для медицины какой-то особый интерес.

Тут, однако, произошло нечто совершенно невероятное. Мертвец моргнул правым глазом.

Нет, мне не показалось, это не было оптическим обманом, он и в самом деле моргнул! Объятые ужасом, мы стояли будучи не в состоянии пошевелиться. Мертвец моргнул второй раз. Я услышала за собой чей-то тихий стон, наверное, Зосин. Павел хрипло перевел дыхание, мы с Алицией схватились за руки. Еще мгновение – и вся

наша компания обратилась бы в паническое бегство, круша все на своем пути, если бы не действия врача. Схватив моргающего покойника за плечи, врач поспешно уложил его и принялся осматривать.

– Он жив, – сказал врач через минуту. – Немедленно в больницу!

Сказал, разумеется, по-датски, но мы все поняли и еще не успели прийти в себя, как санитарная машина, завывая, уже мчалась в больницу.

– Как это жив? – не поверил Павел. – Разве такой может быть живым?

– Жив, жив! – радостно подтвердила Алиция. – Он был усыплен, парализован, что-то с мозгом, я не все поняла. Какой-то очень сильный быстродействующий яд, но, кажется, он принял лишь очень малую дозу. Еще долго будет в бессознательном состоянии. Зосенька, что с тобой?

Хватая ртом воздух, Зося бессильно опустилась на стул, прямо на сумку с паштетом, салатом и пирожными и позволила извлечь все это из-под себя после того, как мы напоили ее каплями Иноземцева. В спешке и волнении Алиция перепутала их с валерьяновыми каплями. Зося, не выносившая мяты, тут же пришла в себя.

Следственная группа приступила к делу. Ею были реквизированы фрукты со стола, лекарства из аптечки, часть нашей парфюмерии и кое-какие продукты из кухни – для анализа. Все это делалось с бесконечными извинениями. Ну, чистый Версаль! Отправив группу с ее добычей в лабораторию, господин Мульдгорд приступил к снятию показаний.

– Днешь какова останки пани возжелаху? – вежливо и вместе с тем решительно спросил он Алицию, раскрывая блокнот. – Имеющий уши... ухо... Слышавше ухо мое! – с торжеством закончил он, явно наслаждаясь богатством оттенков польского языка. Казалось, загадочными преступлениями в доме Алиции он занимается лишь из любви к лингвистическим изысканиям.

Алиция смотрела на него, но явно не слушала.

– Минутку, – сказала она, жестом отстраняя господина Мульдгорда с его изысканиями. – Ты начала говорить о чем-то важном. О чем?

Я не сумела бы ей толком объяснить, ибо моей зародившейся концепции нанес удар тот факт, что Казик глотнул какое-то молниеносно действующее средство. Если кто-то намеревался отравить не Казика, а Эльжбету, вряд ли стал бы заниматься этим в доме, полном людей. А ведь он знал, что по плану Эльжбета должна была вернуться позже всех, именно когда дом будет полон людей...

– Он же не мог предположить, что Эльжбета вернется раньше всех, – все еще сомневаясь, произнесла я. – Интересно, в чем был яд? Нет, опять не сходится.

Зоя высказала свое предположение:

– А может, они с Казиком встретили убийцу, когда возвращались из города, и тот понял, что Эльжбета придет раньше всех?

– Вернулись и стали угощать друг друга ядом? – съязвила Алиция. – И Казик угостился, а Эльжбета нет? И к тому же ни о какой встрече не помнит?

Эльжбета не вмешивалась в наш разговор, проявляя полное равнодушие к собственной судьбе. Господин Мульдгорд решил, что настало время прервать нашу затянувшуюся дискуссию, повторив с присущей ему настырностью:

– Днесь какова останки пани возжелаху?

И добавил, явно гордясь своим прекрасным знанием польского:

– Всякий овощ свое время!

Вспыхнувшая новая дискуссия, на сей раз об овощах, завела нас столь далеко, что какое-либо единомыслие в этой области казалось абсолютно невозможным. В конце концов мы пришли к выводу: нас просят всего-навсего по порядку изложить случившееся, а потом поделиться своими соображениями.

Начали мы с правдивой информации: Алиция не желает больше ничьих останков, нет, не только моих, а вообще ничьих. С нее вполне достаточно имеющихся, ее потребности в этом аспекте удовлетворены сверх всякой меры, независимо от того, мертвы останки или не совсем. Затем мы изложили полицейскому суть моих соображений и довели до его сведения информацию Эльжбеты. При этом пришлось сообщить и о том, что Эдик собирался о чем-то предупредить Алицию, но ему помешали это сделать. Господин Мульдгорд слушал внимательно и кивал с таким видом, как будто ему было все понятно. Тем неожиданнее прозвучали его слова:

– Аз ништо не разуметь. Мертвый не отверз уста своя?

– Не отверз.

– Пошто?

– Потому что был пьян, и я не возжелала его выслушать, – ответила Алиция, искренне сожалея, что так поступила.

– Тако же вторые останки? Не отверз уста?

– Нет, – на сей раз ответила Эльжбета.

– Пошто?

– Потому что никто не спрашивал.

– Пани не вопрошал?

– Нет, я не спрашивала его.

– Пошто?

– Я хотела, чтобы он сказал сразу Алиции. Зачем два раза говорить об одном и том же?

Господин Мульдгорд окинул Эльжбету внимательным взглядом, а затем поинтересовался у Алиции, нет ли у нее каких соображений относительно того, что именно Эдик собирался ей сказать. Та заверила его в полном своем неведении.

– Знаю лишь, – добавила она, – Эдик собирался сообщить мне что-то о каком-то человеке. Он сказал: «Зачем ты пускаешь в дом таких людей?»

– Каков человек? Что возвещати?

– Кто – не знаю и что – понятия не имею, – твердо стояла на своем Алиция.

– Аз ништо не разуметь, – повторил полицейский и опять глубоко задумался. Неизвестно, как долго пребывал бы он в задумчивости, которую мы, как воспитанные люди, не решились нарушить. Нарушил ее телефонный звонок. Звонили из полицейской лаборатории. Быстро работают, ничего не скажешь!

– Аминь! – торжественно возгласил господин Мульдгорд, положив трубку. – Бысть наше мьнение такожде и есть. Ибо яд был еси во граде винном. Инъекция, тонки иглиште. Малая толика лежаху на ложе подле десница особа неживая. И там бысть яд. Особа неживая вкусиху два града винных, четыре овощ на блюдо суть исполнен яд. Вкупе – шесть овощ, поелику на сам верх возлежаху особо. Другой овощ не исполнен.

– Ради бога, объясните, что он такое говорит, – попросила побледневшая Зося.

– Что кто-то с помощью шприца впрыснул яд в виноградины, которые в количестве шести штук лежали небольшой кисточкой наверху, отделенные от большой грозди, помнишь? – перевела я, тоже немало потрясенная.

– Ведь виноград был для Алиции!

– Вот именно! – подтвердила я.

Моя сумбурная дотоле концепция вдруг предстала четкой и ясной. Раньше всех домой должна была вернуться Алиция, о ее непомерной любви к винограду знали все. А что вернулись мы не тогда, когда предполагали, и не в том порядке...

– Яд предназначался Алиции! – возвестила я голосом, прерывающимся от мрачного триумфа. – Было ясно – увидев виноград, она схватит маленькую кисточку, лежащую сверху, слопает во мгновение ока и скончается на месте. Он не покушался ни на Казика, ни на Эльжбету.

Алиции моя концепция не понравилась:

– И на Эдика он не покушался тоже? Перепутал со мной?

– Да нет же! Давай рассуждать логично. Эдику он рот заткнул, но ведь ты можешь все узнать из...

Я спохватилась – ведь Алиция не хотела, чтобы полиция узнала о письме. Воцарилось неловкое молчание, которое прервал господин Мульдгорд.

– Аз ништо не разуметь! – в третий раз повторил он. – Яд бысть уготован ради особа первая вкусиху. Та дама, анебо та, – и он указал пальцем на Алицию и на Зося. – Особа неживая, – тут он ткнул в Эльжбету, – имела явитися ако последен. План бысть – токмо два дама прибывати наперед!

– Вот видите, вы все планы нарушаете, – упрекнула я Алицию с Зосей, – по гостям расхаживаете, а ни в чем не повинный человек из-за вас принимает яд!

– Павел! – прошептала Зося побелевшими губами. – Вы с Павлом могли вернуться первыми, и если бы Павел...

Павел не преминул воспользоваться случаем:

– Вот именно! И впредь никогда меня больше не ругай, если я опоздаю, – сам бог меня уберег!

– И вовсе нет! – возмутилась я. – Мы не тронули бы виноград, он предназначался Алиции.

– Подумать только, что мы сами его купили! – разрыдалась Зося. – Купили для Алиции, собственными руками!

– Успокойся! Когда мы его покупали, он еще не был отравлен!

– Но кто?! Когда?! Ведь только мы с тобой знали, что виноград – для Алиции! А потом заперли дом и уехали.

– Да перестань так убиваться! Ведь не мы же с тобой фаршировали виноград ядом!

– Но больше никто не знал, что виноград предназначен для...

– Все знали! Всем знакомым известно, как она набрасывается на виноград! Пожирает сразу – с кожицей и косточками!

– Перестаньте ссориться, – вмешалась Алиция. – Вы правы, яд предназначался мне. Я бы слопала верхнюю кисточку как пить дать. Ясно, он меня боится. С Эдиком покончил, теперь осталась я.

Объятые ужасом, мы молча смотрели на нее. Чудом уцелевшая жертва покушения, причины которого таинственны и загадочны, она вдруг предстала перед нами в каком-то новом свете – ни дать ни взять дева, влекомая в лабиринт на съедение Минотавр. Вот если бы на ней еще была белая хламида...

– А пошто? – поинтересовался господин Мульдгорд.

– Откуда мне знать? Может, я ему просто не симпатична. Разные ведь бывают вкусы у людей...

– Алибо пани весть имея паки. О та особа, убивец. Да будут велики труды пани в мыслех! Воистину память твоя – мрак великий, да прояснит его мысль светлая! На тя взираху!

– Воистину мысль светлая не можаху прояснити память нашу, – с ходу ответила Алиция.

– Во дают! – восхитился Павел, а у меня невольно вырвалось «О, боже милостивый!», что, безусловно, гораздо больше подходило по стилю к только что услышанному. Впрочем, Алиция тут же поправилась:

– Тьфу! И я туда же. Ничего я не помню и ни малейшего понятия не имею о том, что собирался мне сообщить Эдик. Но могу подумать... Подумаю, – пообещала она следователю, – и если что надумаю – скажу.

Господин Мульдгорд поблагодарил Алицию и переключился на техническую сторону второго преступления. Хотя он прямо и не говорил, что виноград отравили Зося, Павел или я, было ясно – мы кажемся ему самыми подозрительными. Эльжбету он исключил из числа подозреваемых: если бы она заготовила яд для Алиции, то не позволила бы Казику его съесть.

Зося опять разволновалась:

– Мы принесли виноград, вымыли и уложили на блюде. Ведь так было?

Я подтвердила, что именно так.

– И всю дорогу, пока шли из магазина домой, и потом уже в доме только и говорили о том, что это для Алиции. И блюдо взяли покрасивее, и уложить постарались получше, чтобы ей сделать приятное. Нашу болтовню мог услышать любой, окна в доме были открыты. Эльжбета уже ушла, мы тоже ушли вскоре после нее. Преступник мог войти в дом, когда никого не было, и спокойно отравить виноград, зная, что он предназначен для Алиции.

– Во оноже время жилиште отверзте пребываху? – поинтересовался следователь.

– Отнюдь, – ответила я. – Жилиште было заверзте, заперто, я хотела сказать. На ключ.

– А не оставили вы открытым какое-нибудь окно? – с надеждой спросила Алиция.

– Исключено! – возмутилась Зося. – Я лично все окна позакрывала и все проверила. Не забывай, я как-никак из Польши, не оставлю незапертыми окна в одноэтажном доме. Все проверила лично! И заперла двери на ключ.

– Ключ! – подхватил полицейский. – Какова особа имея ключ?

– У кого из вас были ключи? Одни у меня, вторые у Иоанны, третьи у Эльжбеты, четвертые у фру Хансен. А у кого пятые? Всего ведь пять комплектов ключей. Зося, где твои ключи?

Нервно вздрогнув, Зося вскочила с места, уронив на пол с колен сигареты и спички, а со стола вазочку с цветами. Высыпав содержимое своей сумки на стол, она извлекла из кучки связку ключей.

– Вот мои ключи!

– Что за фру Хансен такая? – с удивлением спросила я, подумав, что Алиция в волнении дважды назвала себя – ведь это ее фамилия.

– Моя приходящая домработница. Приходит раз в неделю. Мы с ней однофамилицы. А ключей было всего пять комплектов, так что они все у нас, и больше ни у кого нет ключей от моего дома.

Господин Мульдгорд что-то записал в своем блокноте, должно быть, фру Хансен, после чего поинтересовался, не терял ли кто-нибудь из нас своих ключей и где они обычно «имеют быть».

– Обычно в сумках. Или в карманах...

– Стойте! – перебила меня Алиция. – Помнишь, я не могла сразу найти своих? Они оказались не в кармашке сумки, куда я их обычно кладу, а на самом ее дне.

Следователь потребовал перевода слова «кармашек», после чего заставил Алицию поднапрячься и вспомнить, где «имела быть» ее сумка вчера и сегодня. После недолгих, но бурных дебатов мы установили, что сумка Алиции вчера, как обычно, лежала в прихожей на подзеркальнике, была, как обычно, раскрыта, и если кому-либо захотелось вынуть из нее ключи и сделать с них слепки, а потом положить обратно, он мог сделать это совершенно беспрепятственно. А если ту же операцию кому-либо по каким-либо причинам удобнее было провернуть на работе Алиции, это тоже сделать легче легкого. Отправляясь завтракать, например, Алиция имеет обыкновение оставлять сумку на своем рабочем месте, на стуле рядом с чертежной доской. И вообще, ключами она не пользовалась со вчерашнего дня, любой их мог просто-напросто изъять, сделать дубликаты непосредственно с оригиналов, чтобы не возиться со слепками, а потом, в три часа, когда вся Дания пьет кофий, вернуть на место.

– Ну да, прямо так сразу и сделают? – не поверил Павел.

– Здесь делают сразу, в присутствии заказчика. И в самом деле, могло так быть!

Тут Алиция не на шутку разволновалась:

– Что же получается, у кого-то теперь есть ключи от моего дома? И мне придется менять все замки? Спятить можно! Я все-таки не теряю надежды на открытое окно.

Теперь разволновалась Зося, опять вскочила и предложила немедленно проверить все окна:

– Ведь никто из нас к ним по возвращении не прикасался, верно? Так и сидим тут все вместе, как вернулись, верно? Господин полицейский, ваши люди ничего не открывали? А вы, пани Эльжбета?

Господин Мульдгорд в изысканных выражениях заверил нас, что его люди, пребывая в гостиной, кухне и ванной, нигде ничего не открывали. Эльжбета же лишь помотала головой, но и это было излишним: и без того никто из знающих ее не поверил бы, что она способна по собственной инициативе открыть или закрыть что-либо.

Мы двинулись в обход по дому. Шествие возглавила Алиция. Они с полицейским проверяли одно за другим все окна и двери. Все были в порядке, осталась лишь мастерская. Открыв дверь в мастерскую, Алиция, как вошла, так и застыла на пороге, не спускаясь по ступенькам, так что господин Мульдгорд чуть не налетел на нее.

– Ну вот! – удовлетворенно воскликнула Алиция. – Какое счастье!

Наружные стеклянные двери мастерской, выходящие прямо в сад, были раздвинуты во всю ширь, и в них свободно мог войти средних размеров слон.

– Ох, холера! – только и способна была вымолвить Зося.

– Не расстраивайся, – радостно утешала ее Алиция. – Слава богу, что ты оставила открытой эту дверь. Мне так не хотелось менять замки!

Собравшись опять за столом в комнате, мы уточнили некоторые детали. Эльжбета привела Казика в одиннадцать, усадила на диване, сунула ему какой-то журнал и удалилась в ванную мыть голову. Она честно призналась, что ей хотелось хоть ненадолго избавиться от Казика, который со своими чувствами надоел ей до чертиков. Она провела с ним весь вечер: и ей просто необходимо было отдохнуть от него. И вообще, она не знала, как от него избавиться, ибо Казик собирался ехать вслед за ней хоть в Стокгольм, хоть на край света. Даже рискуя потерять работу. Ничего удивительного, Эльжбета была очень красива.

Вымыв голову, Эльжбета еще и выкупалась сама, и даже устроила небольшую постирушку, стараясь растянуть ее подольше. Казик ей не мешал, вел себя на удивление спокойно. Теперь она этому уже не удивляется.

Затем Эльжбета высказала предположение, что ей, видимо, придется теперь перебраться на время в квартиру Казика, поскольку там остались без присмотра золотые рыбки, или белые мышки, или что-то другое в этом роде, за которыми некому ухаживать, поэтому ей, Эльжбете, которая чувствует себя в какой-то степени виновной в

случившемся с Казиком, теперь придется, увы, заняться ими. Алиция горячо поддержала ее решение, господин Мульдгорд не возражал.

– Умоляю тебя, отыщи ты это письмо! – накинулась я на Алицию, как только полицейский покинул дом, а Эльжбета, Зося и Павел отправились спать.

– Неизвестно, что еще нас ждет, если ты его не найдешь как можно скорее.

– Что, прямо сейчас? – возмутилась Алиция. – Третий час ночи, а мне утром на работу!

– Когда дело идет о человеческой жизни, можно и опоздать. Поиски не советую откладывать, разве что тебе хочется избавиться еще от кое-кого. В том числе и от себя.

– Ты думаешь, он будет продолжать? Не остановится на достигнутом? – Говоря это, Алиция раскрыла стоящий у стены сундук с постельными принадлежностями.

– Мне все не верится, что кто-то задумал меня убить. Из-за чего?

Ворча, она принялась копаться в сундуке. Я же думала о своем. Дело принимало совсем нехороший оборот. И подумать только, как мне не повезло – не успела спросить Эдика о сущем пустяке! А теперь вот не знаю, действительно ли это пустяк и стоит ли о нем рассказать Алиции. О чем это она спросила? Будет ли убийца продолжать попытки лишить ее жизни?

– Я глубоко уверена, он не остановится, пока не достигнет цели или пока его не поймают. Ты зачем полезла в сундук? Неужели думаешь там найти письмо?

Роясь в подушках, одеялах и простынях, Алиция пробурчала:

– Не знаю. Во всех нормальных местах я уже искала. Его могли бросить где попало, а потом с чем попало сунуть куда попало. Ведь в этом доме наводят порядок все, кому не лень...

– А может, все-таки сообщить о письме полиции? Пусть сделают обыск.

– Уже делали.

– Но тогда они искали стилет. Теперь же проведут обыск с прицелом на письмо.

– А как ты себе это реально представляешь? Будут читать все найденные письма? К тому же по-польски...

– Будут искать нераспечатанное письмо.

– В этом доме найдется не одно нераспечатанное письмо. Обратного адреса на письме Эдика не было, я лишь по почерку поняла, что письмо от него. А как я научу полицейских определять Эдиков почерк? Нет, только представлю, что они перевероят все мои бумаги... Ни в коем случае! Выбрось из головы этот обыск!

Я и без того догадывалась, в чем тут дело. Алиция была непреклонна, когда покушались на ее бумаги. Так уж повелось – где бы она ни жила, в ее доме всегда скапливалось несколько тонн макулатуры, без которой она просто не смогла бы существовать. Большую часть бумаг, без всякого сомнения, давно следовало выбросить, и Алиция сама это понимала, но чтобы перебрать горы бумаги и отложить нужное, у нее за последние двадцать лет никак не находилось времени. Вот и тонула она в своем бумажном море. Поскольку Алиция никогда не помнила, где что лежит, то по своей всегдашней рассеянности письмо от Эдика могла сунуть куда угодно. Я бы не удивилась, обнаружив его, например, в холодильнике.

Для верности я сама просмотрела содержимое сундука, но никакой корреспонденции в нем не обнаружила...

Алиция оглядела со всех сторон новую льняную наволочку, которая оставалась новой, так как не соответствовала датским размерам подушек, покопалась еще немного в сундуке, добралась до самого дна, где обнаружила коробок спичек, и принялась обратно запихивать в сундук постельные принадлежности.

– Я вот думаю, – сказала она, затолкав последнюю подушку и собираясь опустить крышку. – Я вот думаю... Зося, конечно, отпадает, но Павел... Теперь пошла такая странная молодежь, кто их поймет. Ты не знаешь, может, у них так сейчас принято развлекаться? Мода такая? А как твои дети?

– Спасибо, здоровы, – несколько ошарашенная, я не сразу уловила суть вопроса, потом спохватилась: – Убийств пока не совершают и, насколько мне известно, на ближайшее будущее не планируют. У них другие развлечения. Ты кошку не держишь?

Алиция хотела пожать плечами, не удержала тяжелую крышку, и та с грохотом захлопнулась. Тут же на пороге появилась Зося в пижаме, бледная, с ужасом во взоре.

– Что... что случилось? Кто стрелял?

– Ах, это я нечаянно, – сокрушенно призналась Алиция. – Разбудила тебя? Извини, пожалуйста, и не обращай внимания, я просто ищу письмо от Эдика.

– Господи боже мой, – слабо произнесла Зося. – В этом доме с ума можно сойти!

– Ты бы брала пример с Эльжбеты, – посоветовала я. – Вот кто спокоен!

– Эльжбета! – возмущенно фыркнула Зося. – Ее ничего не проймет – хоть из пушек стреляй, хоть гори дом. У нее же нет нервов!

– Тем более ты должна брать с нее пример, Иоанна права. Иди спать.

– А теперь обыщи кухню, – твердо сказала я. – Раз уж решила искать в ненормальных местах.

Войдя в кухню, мы решили начать с кофе – выпить по чашечке, тем более что Алиция поддалась моим уговорам и отказалась от мысли идти завтра на работу. В конце концов! Два убийства подряд в собственном доме, даже если одно и не совсем удачное, могут служить вполне уважительной причиной, особенно если учесть, что во втором случае жертвой должна была стать сама Алиция. Придя к полному согласию по данному вопросу, мы вернулись к молодежной проблеме. Павел и как представитель молодежи, и сам по себе не вызывал во мне ни малейших подозрений, о чем я и сказала Алиции. Как и о том, что ее инсинуации относительно моих собственных сыновей представляются мне по меньшей мере бестактными.

– Но тогда кто же? Ведь кто-то Эдика действительно убил. И виноград тоже кто-то отравил. И кто-то задался целью убить меня. Кто? Не ты ли?

– Черт возьми, ну почему именно я? Был ли Эдик, нет ли его – мне от этого ни жолодно, ни харко!

Алиция, которая взобралась на высокую кухонную табуретку и копалась в верхнем стенном шкафчике, вздрогнула и так стремительно обернулась, что чуть не упала. Чтобы сохранить равновесие, она ухватилась за шкафчик, отчего он наклонился и находящиеся в нем банки с грохотом посыпались на пол.

– Что тебе от Эдика?!

– Ничего, – удивленно ответила я, сочувственно глядя на Зося, которая опять появилась в дверях кухни, держась одной рукой за

голову, а другой за сердце.

– Алиция, ты меня вгонишь в гроб! – жалобно произнесла она, с недоумением разглядывая валяющиеся по кухне банки и их содержимое.

– А ты постарайся не реагировать, – посоветовала ей Алиция с высот табуретки. – Просто внуши себе – надо спокойнее относиться к происходящему в этом доме, иначе не выдержишь. Знаешь, оказывается, Эдик сотворил Иоанне такое, что ей ничего другого не оставалось, как убить его!

– Ты с ума сошла! Что мне Эдик такого сделал?

– Что-то ужасное, только я толком не поняла.

– Ничего он мне не сделал. Что ты придумала?

– Жолодно тебе было от него! Харко!

– Да ты что? Наоборот, ни холодно, ни жарко!

– Не могу! – сказала Зося. – Это выше моих сил! Сначала трупы, а теперь ненормальные!

Она повернулась и удалилась нетвердыми шагами.

– Закрой за ней дверь! – распорядилась Алиция. – И надо же, не могло высыпаться что-нибудь другое, обязательно кофе! Наверное, неплотно была закручена крышка. Интересно, кому это понадобилось ее откручивать?

– Не мне. И прошу раз и навсегда принять к сведению, что твоя смерть мне тоже ни к чему, что не я убила Эдика и не я отравила Казика. Так что отвяжись от меня. Я таких вещей не делаю, я их только описываю в своих книгах. Об Эдике мне известно лишь то, что я узнала от тебя. Зося и та знает больше.

Правду ли я говорю? – подумалось мне. Ну, разумеется, правду. Эдик мне известен был только по рассказам Алиции, а то, о чем я собиралась ее порасспросить, никаких новых сведений о нем не добавляло.

– В то, что его могла убить Зося, никогда не поверю! – твердо сказала Алиция. – И уж вовсе не поверю, будто она покушается на мою жизнь.

– Да и я не верю. Может, это твоих рук дело? Гости настолько тебя допекли, что ты решила избавляться от них любыми средствами. И не знаю, чья очередь теперь – моя или Павла, ведь Эльжбета добровольно покидает твой дом, Зося же ты побережешь на закуску.

– Перестань!

– Лучше всех Эдика знала ты, и, между нами, лишь тебя с ним что-то связывало. А потом он стал в тягость, вот ты и решила избавиться от него.

– Ну, допустим, – согласилась, подумав, Алиция и добавила с любопытством: – А Казика я почему отравила?

– Ну как же, ведь Казик видел тебя в момент совершения преступления. Эльжбете он о тебе не сказал, она сама не захотела его слушать, но ты-то прекрасно знала: если он и видел нечто интересное, так только тебя, как ты, подобно леди Макбет, со стилетом в руке кралась в ночи...

– В жизни никакого стилета даже не видела, – ответила Алиция и слезла с табуретки. – В верхнем шкафчике письма нет. Но ты права, меня и в самом деле можно заподозрить. Вот только непонятно, когда и как мне удалось повернуть дельце с виноградом?

– Приехала домой в рабочее время...

– ...предварительно телепатически узнав о том, что вы с Зосей его купили, и о том, что вечером Эльжбета приведет Казика в дом, и о том, что он сядет и угостится...

Я задумалась. Подумав, пришла к выводу:

– Пожалуй, виноград и в самом деле не укладывается в концепцию. Но ты могла приехать с другими продуктами, приехав же и увидев на столе виноград, переключилась на него. Был такой детектив, где описывалось, как цианистым калием начиняли виноградины с помощью шприца, ты читала и запомнила. А Эльжбета по телефону предупредила тебя, что привезет Казика. Впрочем, могла и не предупредить, ты Казика могла сама вычислить дедуктивным методом, легче легкого..

– Ясно, легче легкого предположить, что у меня в доме обязательно кто-то захочет переночевать, скорее всего – посторонний.

– А что, скажешь, не так? Впрочем, отрицай не отрицай – тебе ничто не поможет, ты все равно на подозрении. Видимо, были у тебя причины поступить именно так. Выкручивайся теперь как знаешь. Ищи письмо!

Алиция подмела рассыпанный по полу кофе и выбросила его в мусорное ведро. Похоже, мои умозаключения ее не очень взволновали. Выключив газ под кипящим чайником, она достала из шкафчика две

чашки и поставила их на стол. Из маленькой баночки с кофе, стоящей на столе, я всыпала нам в чашки по две ложки кофе, заметив, что его осталось на доньшке.

– А если говорить серьезно, – начала Алиция, усаживаясь за стол, – то я голову сломаю над тем, кто это мог сделать. Похоже, о жизни Эдика в Варшаве и о его знакомствах Зося знает очень мало. А твое мнение?

Не было пока у меня твердого мнения. Если бы Алиция знала, с кем Эдик водил знакомства, она обязательно сказала бы мне в надежде вычислить убийцу. Сведения о парне в красной рубашке – кто он и откуда взялся – Эдик унес с собой в могилу. А ведь именно о нем я хотела Эдика расспросить, и, возможно, эти сведения оказались бы чрезвычайно важными. Теперь, когда ушел из жизни единственный человек, располагавший ими, и, вполне возможно, ушел из жизни именно потому, что располагал...

– Ты меня совсем не слушаешь, – с укором сказала Алиция. – Я говорю, что Эва вполне, вполне...

Я и в самом деле не слушала, поглощенная своими мыслями. Эва? Вполне, вполне?! Эва с ее громадными синими глазами в оправе черных ресниц, с ее очаровательным личиком, с ее чудесной фигурой? И всего-навсего «вполне»?

– Ну знаешь, да она ведь просто красавица!

Алиция с удивлением посмотрела на меня:

– А при чем здесь красота? Разве она может помешать?

– Красота, как правило, помогает. В чем она может помешать?

– И я говорю, что Эва вполне подходит на роль убийцы.

– Но зачем ей это нужно? Какого черта понадобилось ей убивать Эдика? Она видела его первый раз в жизни.

– Второй, – поправила меня Алиция. – Первый раз видела его в Варшаве, когда передавала от меня презент – кисточку для бритья. Тогда она его встретила первый раз...

– ...и прониклась к нему такой антипатией, что воспользовалась первым же представившимся случаем, чтобы его пристукнуть?

– Не ехидничай. Может, в Варшаве она себя чем-то скомпрометировала. Ведь она была там одна, без Роя. А Эдик узнал об этом или даже был свидетелем...

– Ну, тогда с таким же успехом его мог убить Рой: он знал обо всем, втайне страдал, никому не говорил, а Эдика убил, чтобы тот не разболтал. Убил из любви к жене.

Алиция согласилась со мной, ибо всем была известна беспредельная любовь Роя к жене, любовь, которая не знает границ и способна на величайшее самопожертвование.

– Теоретически это возможно. – И задумчиво добавила: – Вот уж никогда бы не подумала, что датчанин способен на такое чувство.

– Эва очень красива, меня его чувства совсем не удивляют. Ради красивых женщин и не такое еще делают. Только вот я никак не могу придумать, что именно до такой степени компрометирующее Эва могла выкинуть в Варшаве? А в холодильнике ты уже искала?

– Ну знаешь, это уж слишком! – возмутилась Алиция, но все-таки встала и заглянула в холодильник. – Нет здесь письма! Я тоже не могу придумать. Ведь не хахаль же! Не будут теперь убивать из-за какого-то хахаля. Кто у нас еще остался?

– Анита. Кроме нас, она одна осталась.

– А она была недавно в Польше?

– Наоборот, недавно она была в Марокко. В Польше не была уже больше года. Но ведь это еще ни о чем не говорит! С таким же успехом она могла отмочить что-нибудь на родине и два года назад, вот только что именно? А вообще она знала Эдика?

– Понятия не имею. Вроде нет. С ней я ему ничего не пересылала. Анита... Но ведь она такая легкомысленная!

– А ты считаешь, что убийства совершают лишь люди серьезные и ответственные?

– Да нет, я просто подумала, что ей на все наплевать. Абсолютно на все. Вряд ли найдется нечто такое, ради чего она пойдет на убийство. И к тому же она страшно ленива.

– Ну, ясное дело, для того, чтобы убить, надо немного потрудиться. Анита ленива лишь в том, что касается домашнего хозяйства. Нет, такие рассуждения ни к чему нас не приведут. Пойдем по другому пути. Давай лучше прикинем, у кого из них есть алиби, а у кого нет. Кто совершенно точно не мог приехать сюда, чтобы отравить виноград?

Пожалуй, не стоит все-таки заниматься подобными изысканиями в ночную пору. Поводы для ссоры возникали на каждом шагу: и из-за

методов проверки алиби, и по поводу характера подозреваемых лиц. Причем почему-то мы перешли и на личности, не имеющие к убийству никакого отношения. К утру мы сделали совершенно однозначный вывод, что живем в окружении одних преступников, и пошли спать.

Утром выяснилось, что алиби действительно ни у кого нет. Мы трое – я, Зося и Павел – ушли из дому около двух, Эльжбета вышла еще раньше, и до одиннадцати вечера, до возвращения Эльжбеты, дом Алиции оставался не только пуст, но и открыт. В течение дня Рой, Эва и Анита пребывали в разных местах, и не было никакой возможности выяснить достоверно, не посетил ли кто из них вторично место преступления. Достоверно известно лишь одно: убить хотели Алицию. Именно она с Зосей должна была первой вернуться домой, причем было известно, что Зося не будет есть винограда, так как его не любит, и жертвой станет Алиция.

Последнее соображение вызвало критическое замечание Зоси:

– Откуда, например, Рой мог знать, что я не люблю виноград?

– Ты могла продемонстрировать это, когда вы были у них в гостях, – возразила я.

– Ему могла сообщить о твоих вкусах Эва. Хотя я вовсе не утверждаю, что преступником был именно Рой.

– Эти датчане так медленно ведут расследование, у меня вот-вот закончится отпуск! Хоть бы уж скорее они поймали убийцу.

– Казик придет в себя и расскажет, что видел. Потерпи еще какие-нибудь две недели.

Алиция опять принялась за поиски письма. Теперь она села за письменный стол и принялась выгребать из ящиков кучи всевозможных бумаг. Правда, все это уже дважды просматривалось ею, но ведь можно и не заметить письмо при таком количестве бумажного хлама. Когда под вечер и эта акция потерпела фиаско, я выступила с предложением:

– Если будешь искать так, как искала до сих пор, ты вряд ли его найдешь. Предлагаю испробовать дедуктивный метод. Чем ты занималась в тот момент, когда пришло письмо?

– Понятия не имею, когда оно пришло, – раздраженно ответила Алиция. – Кажется, недели три назад.

– Проверь в календарике. Ведь ты записываешь каждое полученное и отправленное письмо.

– Записываю. Но в календарике проверить не могу, потому что он тоже куда-то подевался.

– Может, ты забыла письмо на работе?

– Нет, письмо пришло домой. Вместе с другими. Я уже собралась его читать, но мне помешали, и я отложила его, чтобы прочитать позже. А на работе у меня бумаг намного меньше, и письмо я бы заметила.

– Ты уверена, что не выстирала его вместе с бельем в стиральной машине?

– Я бы обнаружила это, когда вынимала белье.

– Могла и не обнаружить, если оно, к примеру, было в кармане халата.

Бедная Алиция, искоса бросив на меня недоброжелательный взгляд, прекратила копаться в кучах макулатуры, встала из-за стола и удалилась в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Я тактично не поперлась за ней следом.

Зося объявила, что обед готов. (Поскольку она громко заверяла всех в благотворном влиянии на ее психику работы по дому, мы охотно предоставили ей такую возможность.) На стол накрывал Павел.

– Нет у меня доверия к этому обеду, – вполголоса поделился он со мной своими опасениями. – С завтраком обошлось, но кто знает, как будет с обедом. Я, к примеру, боюсь есть.

– Ты все-таки думаешь, что этим потихоньку занимается твоя мать? – живо заинтересовалась я.

– Нет, конечно. Но ведь кто-то мог опять насыпать чего-нибудь такого в продукты...

Воспользовавшись тем, что Зося отвернулась, я заглянула в кастрюли и шепотом доложила:

– Картошка. Можно не бояться. Кукуруза из банки, Зося ее только что открыла. Рыба свежемороженая, вряд ли отравлена, впрочем, я ее сама купила сегодня утром. И салат тоже.

– А помидоры? Яд был в винограде, может быть и в помидорах. Надо бы дать их сначала кому-нибудь попробовать.

– Кому? У тебя есть на примете подходящая жертва?

– Видел я тут в саду кошку, можно бы ей дать на пробу.

– Кошки жутко любят помидоры! Да я и не позволю тебе издеваться над животным. Вот если бы ты какого человека приметил...

– Обед на столе! – объявила Зося.

– Я нашла счет, который потерялся два года назад, – появляясь из своей комнаты, сообщила Алиция. – Очень хорошо отстирался, почти ничего не разберешь.

– Ну так что делаем? – беспокойно шепнул Павел. – Пойду ловить кошку?

– Она все равно не станет есть помидоры, а они самые подозрительные. И салат. Тут нас выручила бы курица. Кур ты нигде не видел?

– Видел, в магазине продавались.

– Курица будет завтра, как-нибудь переживете, – резко оборвала нас Зося. – Сегодня у меня нет сил. Ну, садитесь скорей за стол! Алиция, оставь ты хоть ненадолго свои бумаги.

За обедом Алиция сидела задумчивая, погруженная в свои мысли. Я надеялась, что она послушалась моего совета и теперь дедуктивным методом определяет, куда именно могло задеваться письмо Эдика. Мы разговаривали тихонько, стараясь не мешать ей думать. Зося гневным шепотом упрекала Павла за медлительность в работе по саду.

Садик Алиции действительно нуждался в работе. С того времени, как Торкиль пристраивал к дому мастерскую, на участке остались два земляных холмика, очень напоминающие курганы, один поменьше, в центре сада, второй побольше, у самой террасы. Как раз за вторым находился вход в мастерскую. Меньший курган понемногу ликвидировался, земля из него пополняла вал, отгораживающий от улицы владения Алиции, больший же весь зарос исключительно буйными сорняками, среди которых преобладала крапива. Между курганами лежала огромная куча сухих веток, когда-то срезанных с деревьев и кустов, разросшихся на валу и препятствующих приведению его в порядок. Все это вместе взятое и побудило Алицию примириться со злополучным низеньким торшером, свет которого не проникал за пределы террасы, так что спасительный мрак скрывал от гостей непорядок в саду.

Павел, оскорбленный в лучших чувствах, не соглашался взять на себя всю ответственность за некрасивый пейзаж и шепотом огрызался:

– За ветки отвечает Иоанна! Веток я не наваливал! Я должен был лишь возить землю.

– Так почему же ты ее не возил?

– Мешала куча веток!
– Надо было их порубить и сжечь!
– Иоанна мне не разрешила!
– Точно, не разрешила! – подтвердила я шепотом. – Сучья – мое дело, не цепляйся к парню.

Зося, естественно, тут же вцепилась в меня:

– Вы что себе думаете? Нельзя же оставить сад в таком состоянии. Мы уедем, и что Алиция будет делать? Ведь ей одной не справиться. Кто, по-вашему, должен этим заниматься?

– Мы, успокойся. Ты же видишь, появились всякие обстоятельства. До работы ли тут! Все время трупы...

– В саду нет никаких трупов!

– Ты в этом уверена? Утром, действительно, не было, а сейчас темно, кто знает, может, что и лежит...

Зося содрогнулась:

– Сделай милость, прекрати! Опять напророчишь в недобрый час. Павел, поставь чайник, приготовим кофе.

Мы убрали со стола. Алиция, так и не произнеся ни слова, вернулась к своей макулатуре. Я достала чашки, Зося открыла кофейную баночку.

– Тут осталось совсем мало, ложки две, – недовольно сказала она. – Павел!

– Ничего, я буду пить чай, – сказала я.

– Я тоже! – подхватил Павел.

Зося разделила кофе на две части и всыпала его в две чашки. Ей показалось мало.

– Все равно придется добавить. Павел!

Павел кончил заваривать чай, поставил чайник и достал из верхнего шкафчика большую стеклянную банку с кофе. Открутив крышку, он заглянул в банку и передал ее матери со словами:

– Здесь тоже осталось совсем немного.

Всеми этими репликами мы обменивались вполголоса, в кухне было тихо, поэтому вопль, который издала Алиция, прозвучал как гром трубы иерихонской.

Банка с кофе вылетела у Зоси из рук, Павел уронил чашку с блюдечком. Я не нанесла Алиции никакого материального ущерба по

той лишь причине, что в этот момент у меня ничего не было в руках. В дверях появилась разъяренная Алиция.

– Холера! Только этого мне не хватало! Напрочь забыла!

В руке она держала какую-то бумажку.

– Тетка Торкиля пишет... О! Что у вас тут произошло?

– Ничего особенного. Только в следующий раз воздержись, пожалуйста, от резких, неожиданных криков, уж слишком нервная атмосфера в твоём доме.

Черепки блюдечка и чашки, присыпанные кофе, образовали на полу интересную композицию. Кофейная банка не разбилась, а покатила под стол, оставляя за собой темную полосу в форме правильного полумесяца, так что Павел имел все основания заметить:

– Абстракция получилась.

Зоя наконец пришла в себя и, стряхнув с тапочек осколки чайной посуды, сказала:

– Ну и отпуск у меня! Если я не сойду здесь с ума – будет чудо. Что такое могла написать тебе тетка Торкиля, чтобы нас так пугать? И кофе весь высыпался. Есть еще у тебя где-нибудь в запасе?

– Понятия не имею. Иоанна, посмотри в шкафчике, там слева банка.

– Здесь какао, здесь порошок шоколада, а тут действительно кофе, окаменелые остатки растворимого.

Павел наводил порядок в кухне. Вытащив из-под стола банку, он заглянул в нее и поспешил нас обрадовать:

– Еще немного осталось. И я могу ложечкой собрать с черепков на полу...

– Я тебе соберу! – возмутилась Зоя, вырвала у него из рук совок со щеткой и лично подмела пол. Алиция высыпала остатки кофе из стеклянной банки в маленькую подручную, с грустью заметив при этом:

– Как-то быстро израсходовалась эта банка. Я начала вчера, вы dokonчили сегодня...

Не забыть завтра купить новый кофе.

– Тут еще закаменевший растворимый, может, растворится.

– Конечно, растворится. Впрочем, сегодня мы ляжем спать пораньше и кофе пить не будем.

– Если не появятся гости, – легкомысленно добавил Павел.

В недобрый час добавил! Из-за всех свалившихся на нас неприятностей мы как-то совсем забыли о том, что вот-вот должны приехать Владя с Марианной. Владя, наш земляк, и Марианна, его швейцарская жена, считали вполне достаточным краткое сообщение о своем приезде «в ближайшее время». Для Алиции, и без того угнетенной незапланированным нашествием на Аллерод, в их приезде единственным положительным моментом была возможность вновь сцепиться с Владей из-за пуговиц. Эта тема уже много лет живо интересовала обе стороны и приводила к ожесточенным ссорам.

Владя считал пришивание пуговиц одной из главных обязанностей жены, причем формулировка «пришивание пуговиц» была чисто условной и охватывала все отвратительные дела по ведению домашнего хозяйства. Марианна послушно подчинялась тирании, хотя у нее много времени отнимала и ее основная работа. Алиция же никак не могла со всем этим согласиться и с пеной у рта отстаивала равноправие женщин.

Так вот, не успел еще Павел закончить своего легкомысленного пророчества, как машина Влади и Марианны остановилась у дома, а они сами постучали в дверь.

Увидев их, Зося тут же жутко разнервничалась – ведь все знали, что как Владя, так и Марианна не могут жить без кофе, а тут, после целого дня в машине, просто умрут на месте, если его немедленно не получат.

– Нет, это ужасно, так не везет! Надо еще сегодня купить кофе. Павел! Немедленно... Алиция, где сейчас можно купить кофе?

– Рожу я его тебе, что ли? – пробурчал Павел, не проявляя никаких признаков инициативы, а тем более энтузиазма. По каким-то непонятным для нас причинам он не выносил Влади.

– Поужинали мы в Роскилле, а на кофе приехали к тебе! – меж тем радостно выкрикивал Владя в общем шуме приветствий, не понимая, что тем самым окончательно добывает нас – Уж кофе-то у тебя всегда найдется!

– Ну вот! – совсем расстроилась Зося и повторила свой вопрос:

– Алиция, где сейчас можно купить кофе?

– В эту пору нигде, – безжалостно ответила я. – То есть можно купить в автоматах или на центральном вокзале в Копенгагене.

Автоматы в Аллероде есть, один в центре, второй рядом с домом нашей подруги Ирмы, третий – третий тоже где-то есть...

– Павел, немедленно отправляйся!

– Но в автоматах продается не лучший кофе...

– Все равно! Купи самый дорогой. И отправляйся же, чего ты еще ждешь?

Наконец Павла удалось выпихнуть. Владя с Марианной без зазрения совести продолжали выпрашивать кофе. Алиция высыпала в кофеварку жалкие остатки кофе из несчастной банки. Их хватило как раз на две чашки. Сама она допивала свой оставшийся с обеда, холодный, Зосе же достался окаменевший растворимый.

Вечер проходил поначалу в теплой, приятной обстановке.

– Подумать только! – то и дело восклицал Владя, потрясенный событиями в Аллероде. – Эдика убили! Тут, в этом доме?!

Казалось, что преступлений в доме Алиции и дорожных впечатлений гостей, проехавших пол-Европы, вполне хватит на весь вечер до глубокой ночи, и до глубокой ночи сохранится теплая, приятная обстановка. Так бы оно и произошло, не сойдишь вместе Алиция и Владя. Вскоре застарелый антагонизм дал себя знать. Поводом послужило совершенно незначительное на первый взгляд обстоятельство. Ибо, к несчастью, еще вчера Владя где-то умудрился зацепиться за что-то и надорвал карман пиджака, а Марианна – о ужас! – до сих пор его не зашила...

– У меня есть еще соленые фисташки, – услышав о кармане, ядовито заметила Алиция, – только я не знаю, стоит ли их вам давать. Марианна очень устала и вряд ли сможет их как следует для тебя разгрызть...

Этого было достаточно. Владю всегда отличала быстрая реакция, так что уже через минуту за столом гремела и бушевала расчудесная ссора. Преступления немедленно были забыты, о дорожных впечатлениях смешно было и говорить, мы забыли даже и о том, что Павлу давно следовало бы возвратиться. Алиция и Владя с наслаждением забрасывали друг друга восхитительными оскорблениями и инсинуациями. Слушать их было одно удовольствие. Мы с Зосей не вмешивались, лишь изредка позволяя себе подлить немного масла в огонь. Хотя огонь и без того неплохо горел. В Польше их ссоры были куда менее темпераментны. Но вот Марианна отчаянно,

просто как-то судорожно зевнула, видимо, будучи не в состоянии справиться с собой. Алиция моментально опомнилась, сорвалась с места и демонстративно занялась своей гостьей, полностью игнорируя Владю. Марианна устала, Марианне нужно немедленно лечь в постель, Марианне просто необходимо выспаться!

Тут вдруг Зося спохватилась, что Павла до сих пор нет. Вмиг забыв о Марианне с Владей, мы всецело переключились на Павла.

Я высказала предположение, что он поехал все-таки на Центральный вокзал в Копенгаген.

– Ну, в таком случае он уже не вернется, – мрачно заявила Алиция, неизвестно почему бросая убийственный взгляд на Владю. – Скоро двенадцать, он не успеет на последний поезд в двенадцать двадцать.

– Успеет, ведь он уже давно уехал.

– Но он не захватил денег на билет! – простонала Зося. – Я ему выдала только на кофе.

– Зайцем поедет, большое дело!

Владя с Марианной проявили такое равнодушие к поднятой теме, что это было даже неприлично. Марианна уже и не пыталась скрыть усталости, а Владя, потратив всю энергию на ссору с Алицией, сам теперь зевал просто душераздирающе. Того и гляди, вывихнет челюсть! Что-то надо было с ними срочно делать.

Алиция вытащила меня из кухни на совет:

– Послушай, где мне их положить? Куда мог подеваться этот Павел? Я уже места себе не нахожу. Что делать?

– Сначала избавиться от Влади с Марианной. Ведь где-то же ты их предполагала разместить?

– В маленьких комнатках, но там сейчас спят Зося и Павел. Господи, где же этот Павел? Или там, где спишь ты...

– Понятно. А мне, значит, переместиться на катафалк? О, пардон, я хотела сказать, на пьедестал.

– Ты не против?

– Во-первых, я не вижу другого выхода, а во-вторых, я вообще ничего против не имею. Хорошо, что Эльжбета выехала. А на катафалке я могу остаться совсем, люблю просторные помещения.

– И тебе не страшно, что из мастерской дверь ведет прямо в сад?

– Напротив, мне нравятся выходы прямо в сад. И, кроме того, там моя пишущая машинка не будет никому мешать.

– А ты собираешься писать?

– Ага.

Алицию вдруг заинтересовали мои творческие планы:

– Новая книга?

– Нет, письма. Любимому мужчине.

– Что ты говоришь! У тебя еще это не прошло?

– Напротив, у меня такое чувство, что оно лишь усилилось.

– Да, кстати. Ты собиралась рассказать мне о нем.

– И сейчас, по-твоему, самый подходящий момент? Ты хотела нам что-то сказать о тетке Торкиля – Марианна с Владей помешали. Хотела уложить Марианну и Владю – пропал Павел...

– Вот именно! – вскинулась Алиция. – Тут только тетки не хватало! Господи, это такая проблема! Ага, ты сказала, Марианна и Владя...

Я махнула рукой. Что с ней говорить?

– Давай постель для них, иначе они заснут за столом. Я свою забираю?

– Не так все страшно, Владя зевает демонстративно, мне назло. Хочет показать, что не считается с моим мнением.

Собрав последние силы, Владя с Марианной удалились в отведенную им комнату. Волнение Зоси достигло крайней степени, она стала просто невменяемой и рвалась на поиски Павла – в неизвестном направлении. Мы с Алицией с трудом удерживали ее.

И тут появился Павел. Он проник в дом через дверь, ведущую в сад. И выглядел при этом так, что упреки замерли у нас на устах: брюки разодраны, в волосах листья и трава, щека расцарапана, в разорванной хозяйственной сумке виднелся кофе, завернутый в носовой платок.

– Я его выследил! – бросил он с порога, предупреждая готовые сорваться с наших уст упреки.

– Кого? – одновременно вымолвили мы, хотя каждая из нас собиралась сказать ему совсем другое.

– Не знаю. Он затаился здесь, возле дома, а потом сбежал на машине.

В ответ одновременно прозвучали три вопроса.

Зося:

– Ты хоть представляешь, как я тут напереживалась? Совести у тебя нет! Ты не ранен?

Алиция:

– Где затаился?

Я:

– Какой марки машина?

Павел честно попытался ответить на все вопросы сразу. Зося таки умудрилась устроить ему грандиозный скандал, невзирая на неблагоприятные обстоятельства – необходимость из-за гостей соблюдать тишину. Алиция вырвала у Павла из рук носовой платок с кофе. Павел вытряхивал из волос мусор и возбужденно рассказывал:

– Как он выглядел – не знаю, темно ведь. Да успокойся, я понимаю – ты волновалась, но ничего же со мной не случилось! Нет, он на меня не бросался. Наверное, потому, что я был от него далеко. Увидел я его у дома, за деревьями, когда возвращался, и решил последить за ним. О господи, ну что он мне мог сделать? Успокойся! Что он делал? Кажется, подглядывал в окно, а потом учуял меня и бросился бежать через сад на улицу. Я – за ним, чуть глаз себе не выколол, напоролся на сук. Мам, ведь не выколол же! Не знаю, мужчина или женщина, в брюках был. Выскочил он на улицу и помчался через огороды к станции, я за ним, через заборы какие-то перелезал, потом он исчез из виду и я услышал шум мотора, машина отъехала, не знаю какая, я ее вообще не видел, только слышал. Легковая, конечно. Когда я выбрался на улицу, машины уже не было, а я не знал, где очутился.

– И где же ты очутился?

– На другом конце Аллерода.

– А ты сказал – бежали к станции.

– Сначала к станции, а потом в другую сторону, он специально кружил, выскочил где-то у автострады, далеко отсюда. Как только он уехал – я сразу домой.

– Если ты еще когда-нибудь... – зловеще начала Зося.

– Постой, – перебила его Алиция. – Ты так и не знаешь, кто это был? Может, кого-нибудь тебе напомнил?

– Да нет, никого не напомнил. Не толстый, скорее тощий...

Такой приметы явно недостаточно, так как среди подозреваемых толстых не было. Я попыталась уточнить показания Павла:

– А какого он был роста? Такой высокий, как Рой?

– Нет, пожалуй, немного ниже. Намного ниже...

– Такой случай представился, а ты не мог его как следует разглядеть! – упрекнула парня Алиция. – Ведь встречались же вам по пути фонари!

– А он не лез под фонарь! Я и сам очень хотел его рассмотреть, так ведь он выбирал места потемнее.

Кофе, который принес Павел, и в самом деле оказался не лучшим, но все выразили желание немедленно его выпить, так как просто необходимо было подкрепиться. Для улучшения качества решили приготовить его в кофеварке. Тщательно вымыв стеклянный сосуд горячей водой – тоже с целью повышения качества кофе, мы уселись и стали наблюдать за тонкой струйкой бодрящей жидкости.

За кофе мы всесторонне обсудили как цель, которую преследовал убийца, притаившийся за окном, так и вопрос, был ли это действительно убийца. Обсуждение измотало нас вконец, тем более что Алиция опять вернулась к своей первоначальной версии, отказываясь признавать себя предметом вожделений убийцы. Будучи не в силах растолковать человеку, что он находится в смертельной опасности, отчаявшись сломить ее упорство, мы решили переменить тему разговора.

– Может, ты, наконец, скажешь, почему тебя так ужасает приезд тетки Торкиля? Или тут кроется семейная тайна?

– Вот именно, тайна! Полнейшая тайна для меня – как к ней обращаться. Дело в том, что теток – две, с одной я на «ты», с другой на «вы», а различить их ни по имени, ни по внешнему виду никак не могу.

– Мне это не кажется достаточным основанием для того, чтобы издавать дикие крики, – заметила Зося.

– Разве дикие? Вечно ты преувеличиваешь. Просто я вспомнила, что одна из теток приезжает в Аллерод и мне придется с ней возиться.

– А почему именно тебе? Ведь есть же другие родственники.

– Ох, да она ведь приезжает именно ко мне. Когда-то, давным-давно, она тут жила, этот дом еще не был достроен. И здесь остались ее вещи, она собирается их забрать. Уже восемнадцать лет собирается.

Во мне вдруг пробудилась надежда:

– Может, фисгармонию? Или картину, знаешь, ту, из последней комнаты?

– Ну, если она заберет картину, я все готова для нее сделать, – оживилась Зося, которая жила в последней комнате.

– Нет, – Алиция со вздохом разрушила наши надежды. – Картину-то она заберет, только не ту.

Картина из последней комнаты привлекала внимание всех, кто когда-либо посещал дом Алиции. Ничего не скажешь, шедевр производил потрясающее впечатление и долго потом являлся в кошмарных снах. Размеры не позволяли перевесить его в более укромное место, единственный выход из положения – повесить лицом к стене, и, кажется, Алиция уже дозревала до такого решения.

– Жаль! – с сожалением констатировала я. Надежды, вспыхнувшие с ожиданием тети, погасли, и зародившаяся было к ней симпатия превратилась в свою противоположность.

– И когда же она заявится? – недоброжелательно поинтересовалась Зося.

– Не знаю. Куда я могла деть теткино письмо? Ведь там же все написано.

– Ну, давай вспоминать. Издав дикий крик, ты появилась с письмом в руке. Потом мы обедали и ты не выпускала его из рук. Потом приехали Владя и Марианна и ты помчалась их встречать. Письмо могла сунуть куда угодно.

Оставив кофейник, из которого она уже начала разливать кофе, Алиция бросилась к письменному столу и принялась рыться в бумагах. Я взяла кофейник и закончила начатое ею дело.

– Нет, я просто обязана его найти! – выкрикивала Алиция. – Из вас никто не заметил, куда я его сунула? А может, это вы сами его переложили в другое место?

Мы молча смотрели на нее. Первой не выдержала я:

– Похоже, теперь тебе придется искать два письма. Давай, настройся на поиски теткиного, может, попадется как раз Эдиково, ведь человеку всегда попадается не то, что он ищет.

– Тогда лучше искать вообще что-нибудь другое, – предложил Павел. – Например, ошейник.

– Но у меня никогда не было собаки!

– Тем лучше, значит, будем искать долго и найдем множество всяких вещей.

Поверхностные поиски ни к чему не привели, теткинo письмо как сквозь землю провалилось. Алиция решила махнуть на него рукой и отправилась спать, предварительно выдав распоряжения на завтра: Зосе взять на себя обязанности хозяйки по отношению к Владе и Марианне, нам с Павлом – закупить продукты, а потом заняться могильниками в саду и по мере возможности сровнять их с землей, чтобы они не попались на глаза тете.

Не желая беспокоить гостей, я пробралась к себе в мастерскую кружным путем через сад и затем этим же кружным путем совершила несколько рейсов в ванную и обратно. Путь был и в самом деле очень кружным, ибо из осторожности мы решили запереть двери на террасу, и мне пришлось пользоваться дверью у калитки по другую сторону дома. При этом каждый раз приходилось таскать с собой ключ от двери, а его очень легко было выронить, и приходилось заставлять себя помнить о том, чтобы не выронить. Убийцы я почему-то совсем не боялась, даже удивительно.

Утром мы позволили себе немного поспать, только Алиция поднялась пораньше, чтобы ехать на работу, и опоздала всего на два поезда, то есть на каких-то сорок минут. Напившись чаю, я прихватила пилу и топор и вышла в сад. Зося использовала Павла на подсобной работе в кухне, Владя и Марианна еще спали.

Утро было чудесное. Солнце заливало ласковыми лучами прелестный спокойный домик, террасу и яркие астры перед ней. Не верилось, что в этом мирном уголке совершались кровавые злодеяния. Занимаясь своей работой – распиливанием и рубкой сучьев, я уже стала сомневаться, действительно ли видела собственными глазами на этой солнечной террасе убитого Эдика, а в этом прелестном домике лично обнаружила отравленного Казика в состоянии, вызывающем ужас. Да полно, было ли это? Может, просто привиделся страшный сон? Но, выходит, он привиделся всем...

Покончив с самыми толстыми сучьями, я решила передохнуть. Войдя через стеклянную дверь к себе в мастерскую, взяла кошелек и отправилась в магазин за сигаретами. Вернувшись из магазина, я поднялась на террасу, чтобы оставить там сигареты и спички, – в саду было сыровато.

Дверь в комнату была распахнута. То, что я там узрела, никак не соответствовало мирному солнечному утру.

Зося рыдала навзрыд на груди смущенного и даже встревоженного этим Павла. Я подумала – есть все-таки хоть какая-то польза от взрослых сыновей. Наверное, Зося решила выплакать на груди Павла напряжение последних дней. Но тут до меня дошел смысл ее спазматических возгласов:

– Трупы! Опять трупы! Владя и Марианна! Я больше не могу! Я этого не вынесу! Я хочу домой!

Павел пытался ее успокоить и растолковывал, как ребенку:

– Домой нам сейчас нельзя, ну как ты не понимаешь? Если мы вдруг уедем, а трупов больше не будет, то подумают на нас – вот, они уехали и убийства прекратились. Разве можно так рисковать?

– О чем вы? – спросила я, чувствуя нарастающий ужас. – Что случилось?

– Владя и Марианна! Оба мертвы! И я это обнаружила!

Я почувствовала, что вот-вот упаду.

– Как это? Как мертвы?

– Совсем!

– Да я не о том, ясно, что не наполовину. Но почему? От чего они погибли?

– Не знаю! Непонятно от чего! Никаких следов нет! Ничего нет!

– Ну, трупы все-таки есть, – желая утешить мать, немного невпопад поправил ее Павел.

Зося отпрянула от сына, теперь ее гнев обрушился на ни в чем не повинного парня:

– Ну и дети пошли, ничего святого для них нет! Их ничто не волнует! Сгинь с глаз моих!

– Хорошо, сгинуть я могу, но ты останешься без носового платка.

– Так давай сюда платок и проваливай!

– Поступайте, как знаете, – сказал обиженный Павел.

Зося вырвала у него из рук носовой платок и завела свое:

– Оба мертвы! Я пришла разбудить их на завтрак, а они мертвы! Езус-Мария, что теперь?

– Теперь я сгину с твоих глаз, – заявил оскорбленный в своих лучших чувствах Павел и с достоинством удалился на террасу, где,

немного поколебавшись и, видимо, решив, что отдалился недостаточно, спустился по ступенькам в сад.

Набравшись мужества, я подошла к дверям роковой комнаты и заглянула в нее. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться: Владя и Марианна мертвы.

– Оба сразу! Какое счастье, что они не оставили сиротами пятерых малых деток! – произнесла я первое, что пришло мне в голову. – Проклятие тяготеет над этим домом, не иначе! Ты проверила, они действительно мертвы?

Зося перестала сморкаться:

– Почему именно пятерых? И одного бы хватило. Интересно, как именно я должна была проверять? Да и так видно, о господи! Что теперь делать? Опять на нас подумают.

– Надо сообщить Алиции, пусть сама объясняется с полицией. А что с ними случилось? Ты как думаешь?

– Похоже, отравлены, – Зося с трудом произносила слова. – Ты заметила эти пятна?

Никаких пятен я не заметила, но поверила Зосе на слово.

– Ужасно! И чем отравлены?

– Откуда мне знать? Может, тем самым, что и Казик. Хотя нет, ведь обедали они в Роскилле, а не у нас. Надо сообщить Алиции. Слушай, позвони ты, у меня язык не повернется.

– У меня тоже не повернется. Пусть позвонит Павел.

– Павлу она не поверит.

– Неужели подумает, что этим можно шутить?

– Не знаю, я бы подумала. Нет, я хочу домой! Такое здесь творится, такое – уму непостижимо!

Она права, и в самом деле тут творилось нечто невероятное. Преступление следовало за преступлением, столько трупов в одном доме. С ума можно сойти! И вот теперь эти двое... Вряд ли можно рассчитывать на коллективное самоубийство. Что же Эдик такое хотел сказать, господи боже?!

Категорическим криком из сада Павел решительно отказался сообщать Алиции о новых трупах и остался глух ко всем уговорам. Зося опять принялась плакать. Получается, кроме меня – некому. Посоветовавшись, мы решили сделать это осторожно, в возможно более деликатной форме, чтобы меньше травмировать Алицию.

Я позвонила. Алиция сама сняла трубку и, услышав мой голос, заявила:

– Сейчас я не могу говорить, позвони часа через два, не раньше. А Владя с Марианной пусть делают, что хотят!

– Подожди! – крикнула я, боясь, что она положит трубку. – У нас тут кое-какие неприятности!

– Я же польским языком сказала – сейчас у меня нет времени!

– Но Владя и Марианна...

– Пусть сами придумают себе дело. У них машина, могут съездить в Хиллерод.

– Но они...

– Я все сказала, пусть Владя и Марианна...

– Владя и Марианна дуба дали! – вконец разозленная, заорала я. Получилось, что известила я Алицию совсем не осторожно и отнюдь не в деликатной форме – так выразиться о близких знакомых! Но что мне оставалось делать? Я уже открыла рот, чтобы извиниться, но меня остановил совершенно неожиданный ответ Алиции:

– От Влады всего можно ожидать. Скажи, чтобы не валял дурака. И перестань морочить мне голову, в конце концов я на работе!

Я невольно засомневалась. Не заглянуть ли еще раз в комнату гостей, может, Владя и в самом деле отмочил назло Алиции какую-нибудь глупую шутку? По лицу Зоси было видно, что она совершенно не одобряет мою манеру извещать хозяйку о несчастье в ее доме. Преодолев колебание, я тем не менее в той же манере продолжила разговор, крикнув в трубку:

– Это ты перестань валять дурака! Владя и Марианна померли, холера! Опять в твоём доме трупы, холера! Вызывай полицию!

Алиция помолчала, переваривая новость, потом неуверенно спросила:

– Ты шутишь?

– Ага. Мы тут одни шутники собрались. Первым начал Эдик.

– Как это померли? Оба сразу? Ты уверена?

– Оба сразу. Зося уверена.

– Скажи же толком, что произошло? Разбились на машине? Катастрофа?

– Какая там катастрофа! То есть оно, конечно, катастрофа, но не автомобильная. Умерли, а от чего – не знаем. Похоже, их отравили. Как

вечером легли, так до сих пор и лежат. Только уже мертвые.

Алиция простонала:

– О боже! Этого нам только не хватало! А что они ели?

– Откуда мне знать? При мне ничего не ели. Может, ночью, тайком? Пятна на них.

– Какие еще пятна?

– Не знаю. Зося, какие на них пятна?

– Синюшные, – мрачно информировала Зося.

– Синюшные, – повторила я в трубку. – Кончай задавать глупые вопросы, сама же сказала, что у тебя нет времени. Звони в полицию и немедленно приезжай.

– О господи! – в отчаянии простонала Алиция и отключилась.

Вконец удрученная Зося встала с кресла, загасила в пепельнице сигарету и тут же закурила следующую.

– Я приготовила завтрак, – сказала она. – Не знаю, как ты, а я ни к чему не притронулась.

Я заколебалась:

– Пожалуй, я бы притронулась. Есть хочется. Наверное, от работы на свежем воздухе разыгрался аппетит, но, думаю, Павел был прав... Павел!

Павел задумчиво ковырял лопатой центральный могильник и время от времени меланхолично бросал на тачку выкопанную землю. Оторвавшись от работы, он вопросительно взглянул на меня.

– Нет ли там где кошки? Пора завтракать.

Павел осмотрелся, покачал отрицательно головой, воткнул лопату в землю и поднялся к нам.

– Есть крысы, – сказал он, входя. – Если тебе жаль кошек... Крысы – животные несимпатичные.

– Где крысы?! – взвизгнула Зося. – Если здесь еще и крысы, я немедленно уезжаю!

Я сразу поняла Павла и продолжила его мысль:

– В магазинах продают белых мышек. Эдика уже нет в живых, так что мы можем себе позволить приобрести подопытных белых мышек.

Павел возразил:

– Белых мышек мне жалко. Я их когда-то держал, с ними можно подружиться.

Зося охватила паника:

– Вы что, с ума посходили?

– Нет, просто рассматриваем возможности приобрести подопытных животных. Хочется есть, но предварительно не мешает проверить, насколько безопасен завтрак.

– Думаю, хлеб и маргарин безопасны, как считаете? – сказал Павел, садясь за стол. – Мне кажется, здесь что-то завелось. В могильнике. Я видел нору, так что животное есть, только не знаю – крыса или еще кто. И я обязательно докопаюсь до него и поймаю. И тогда мы ему скормим подозрительные продукты.

– Такое животное может оказаться слишком живучим и вряд ли нам подойдет. Пока же давайте есть только то, что не вызывает сомнения. Что ты открывала сама?

Зося очнулась от своих невеселых мыслей:

– Открывала? Не знаю... Ничего я не открывала.

Подумав, мы решили позавтракать рыбными консервами, открыв новую банку, и салатом. От осмотра салата через филателистическую лупу меня оторвал телефонный звонок. Поскольку Зося жестом дала понять свое решительное нежелание вести телефонные переговоры, я передала лупу Павлу, велев ему внимательно изучить каждый сантиметр, и подняла трубку.

– Послушай, – раздался в трубке возбужденный голос Аниты. – Я думаю, теперь в вашем доме должны обязательно завестись привидения. А ты как думаешь?

Я думала, что она все-таки потрясающе легкомысленна, и сказала ей об этом.

– Неужели? А что у вас слышно?

– Слышать-то ничего особенного не слышно, хуже с видами. На новые трупы.

– Нет, серьезно?! Где?

– Да тут поблизости, в комнате рядом с мастерской.

– Ну вот, пожалуйста. Я всегда говорила – у Алиции в доме никакого порядка, вечно валяется что-нибудь, вечно какие-то трупы, то в саду, то в комнатах. А кто на этот раз?

– Сразу двое. Может, ты слышала о них? Владя с Марианной.

– Что ты говоришь! Сразу двое?!

– Точно.

– Вот уж излишняя расточительность. А как вы это переносите? Чувствуете себя как?

– Средне. Привыкаем понемногу.

– Это правда, ко всему можно привыкнуть. Представляю, что там у вас творится. И как только Алиция может вести хозяйство в таком доме? Все вверх ногами, попробуй в этом бардаке найти нужную вещь.

– Ты права, найти невозможно, наоборот, все теряется.

– И письма, что искала, тоже не нашла?

– Я же говорю, у нее ничего не найдешь. Уже второе потерялось. Теперь начнем искать его, так, может, случайно наткнемся на первое.

Помолчав, Анита сказала, не теряя оптимизма:

– Но должна же быть и польза от всех ваших несчастий. Я хочу сказать, что если в доме заведутся привидения, Алиция сможет за плату пускать экскурсантов. Пусть даже недорого, по пять крон с носа хватит. Ну, если с ночлегом, можно и все пятнадцать содрать. Без постели.

Хотя было совсем не до того, но идея меня заинтересовала:

– Знаешь, это мысль. Если заведутся в саду, то и вовсе не будет никаких дополнительных расходов, чистая прибыль. Надо будет только заделать дыру в живой изгороди, чтобы не проникали через нее бесплатно. Пока же по саду шляется только убийца.

– Как ты сказала?!

Я коротко изложила ей вчерашние похождения Павла. Анита заинтересовалась чрезвычайно и потребовала подробностей:

– Может, Павел еще что заметил? Может, узнал этого типа по какой-нибудь характерной черточке, может, ему что бросилось в глаза?

– Нет, к сожалению, ничего. Было темно.

– Ну и молодежь пошла! Не мог догнать! Тем не менее, материал очень интересный. Обязательно стоит об этом написать. Мы тут уже подготавливаем репортаж...

Я встревожилась. Дело в том, что Анита работала в одной из крупнейших копенгагенских газет, в ее власти – запустить любой материал, а я была совсем не уверена, что Алиция одобрит такую рекламу.

– Послушай, не торопись с репортажем. Не знаю, заинтересована ли Алиция в газетной шумихе. А если уж совсем не удастся избежать

публикации, проследи по крайней мере за тем, чтобы не назывались фамилии.

– Попробую, – пообещала Анита. – Сделаю, что смогу. А ты взамен обещаю приберегать все новости только для нашей газеты. Никаких интервью конкурентам!

Я заверила ее, что конкуренты фиг получают, и положила трубку. Павел тем временем закончил изучение продуктов через лупу, признал их съедобными и на всякий случай слетал в магазин за свежим молоком, ибо вчерашнее стояло на открытом доступе. Купленный им кофе мы сочли безвредным, так как уже вчера его пили и остались живы.

Из нас всех только Зося была настолько удручена новым убийством, что лишилась аппетита. Павел Владю не любил, а Марианну совсем не знал, я же не знала их обоих. Да и вообще, ведь если терять аппетит при каждом новом преступлении, можно и с голоду умереть.

Алиция приехала на полицейской машине вместе с господином Мульдгордом. Ужасное состояние Алиции усугублялось угрызениями совести – надо было вчера хоть раз в жизни не спорить с Владей из-за пуговиц, согласиться с ним. А теперь уже сделанного не исправить.

Тут же приехала вызванная Алицией на всякий случай машина «скорой помощи». Полицейский врач и врач «скорой помощи», обменявшись традиционными любезностями, приступили к осмотру потерпевших. Мы были так глубоко уверены в окончательной и бесповоротной смерти Влади и Марианны – должен же убийца в конце концов хоть раз справиться со своей задачей, – что неожиданное воодушевление обоих эскулапов потрясло нас не меньше, чем накануне моргание Казика.

– Они живы! – завопила Алиция, заливаясь счастливыми слезами. – Слышите, они живы! Их можно спасти! То же самое, что с Казиком!

Только теперь, когда с сердца свалился камень, мы отдали себе отчет в том, каким тяжелым он был.

– Как это? – в радостном недоумении простионала Зося. – Живы? И так выглядят? Чудо, не иначе чудо!

– Какое там чудо, просто этот убийца недотепа, берется травить, а в ядах не разбирается.

Алиция обрушилась на нас:

– Сами вы недотепы! Какой кретин придумал звонить сразу мне? Надо было сначала «скорую» вызвать.

Я, естественно, возмутилась:

– А эти жуткие пятна на них, по-твоему, ничего не значат? Тут всякий ошибется. Ведь каждому известно – пятна появляются только после смерти.

– На этот счет есть особый закон? – поинтересовалась Алиция. – И вообще, надо было посмотреть хорошенько, пятна только на Марианне, врачи сказали, это аллергия. Ох, я сама готова пришить Владе сколько угодно пуговиц!

– Не проговорись ему, он обязательно оборвет все имеющиеся...

Прежде чем увезти жертв покушения, оба врача единодушно заверили нас, что жертвы выживут, однако они, врачи, имеют основания полагать, что для этого понадобится длительное интенсивное лечение. Им, врачам, трудно пока сказать, каким ядом воспользовался преступник, ясно только, что в его состав входило сильнодействующее снотворное. Что еще входило, кроме снотворного, – очень трудно определить, ведь вскрытие исключается по уважительным причинам. А симптомы какие-то нетипичные.

Господин Мульдгорд задумчиво качал головой.

– Доколе? – задал он риторический вопрос и перешел к конкретике: – Какова вечеря бысть? Ятие и питье? Што вкусиху особы неживые?

– Пошлый кофе вкусиху, – рассеянно ответила Алиция, о чем-то напряженно размышляя.

Павел по обыкновению глядел в рот господину Мульдгорду, ловя каждое его слово. С трудом оторвавшись от этого занятия, он возмущенно запротестовал:

– И вовсе не пошлый. Я купил самый дорогой кофе, какой только был!

– Да не пили они его, – вмешалась я. – Они допили старый кофе, который оставался в стеклянной банке. А тот пошлый, что купил Павел, мы пили уже потом, без них.

Зоя поддержала меня:

– Иоанна права, они выпили остатки кофе из большой стеклянной банки:

– Ужель уста особы неживые не имети иные яства и питие? – пожелал увериться следователь.

– Не имети. Они ничего не ели у нас, а только пили. Кофе и коньяк.

– Питие! – потребовал господин Мульдгорд. – Очи мои узреть жаждут.

– Кофе трудно будет узреть, поскольку его выпили особы неживые, а коньяка еще немного осталось, – ответила Алиция. Открыв шкафчик, она извлекла из него бутылку с остатками коньяка. – Все его пили.

– Сие питие?

Мы все единодушно подтвердили, что именно сие. Подозвав жестом своего помощника, господин Мульдгорд велел ему забрать бутылку, а затем решительно потребовал «сосуды» от кофе, вызвав переполох в наших рядах, поскольку Зося в своем хозяйственном рвении, разумеется, перемыла всю посуду, бесповоротно уничтожив тем самым следы преступления. Господин Мульдгорд выразил разочарование и неудовольствие.

И тут внезапно сработал мой интеллект, воспитанный на детективных повестях:

– Банка! Стеклянная банка из-под кофе! Должна быть с остатками кофе в мусорном ведре!

– Нету! – виновато сказала Зося. – Я велела Павлу вынести мусор.

– Вот уж у тебя действительно бзик на пункте чистоты! Павел, сбегай на улицу к мусорному ящику, может, мусор еще не успели вывезти.

Павел сорвался с места и выбежал из дома. Через минуту он вернулся, триумфально потрясая стеклянной банкой из-под кофе.

– Вот она! Та самая!

По очереди осмотрев банку, мы все подтвердили – та самая.

Алиция ничего не понимала:

– И зачем она тебе сдалась?

– Заметь, мы все живы и здоровы, а Владя с Марианной – наоборот.

– Я уже заметила. И что же дальше?

– А то, что они съели такое, чего мы не ели...

– Они вообще ничего не ели!

– Не прерывай меня на каждом слове! Не ели, так пили. Коньяк мы все пили одинаковый, из одной бутылки, а вот кофе... Заметь, кофе у нас весь вышел, в стеклянной банке осталось лишь на две чашки. Заметь, ты приготовила кофе в кофеварке, и они выпили, а мы не пили...

– Не пили? – неуверенно спросила Алиция. – А мне кажется, я пила. И вы тоже вроде пили... – Зося пила растворимый, а я чай.

Павла не было, он по кустам гонялся за убийцей. А ты допивала свой кофе, оставшийся с обеда. Из кофеварки ты нацедила всего две чашки, заметь! И ни на грош больше. Если ты не отравила воду в кофеварке, то яд должен был находиться в кофе. Ты не отравила воду?

– Вроде нет...

– А остатки отравленного кофе должны находиться на дне металлической баночки, ты сама его туда ссыпала, а уже потом из баночки насыпала в кофеварку. А потом Зося высыпала в баночку принесенный Павлом кофе. Так что в баночке сверху кофе Павла, а на дне отравленная пакость. Пусть они отдадут на анализ.

Внимательно прислушивавшийся к нашему разговору господин Мульдгорд снова подозвал помощника и вручил ему стеклянную банку из помойки и металлическую баночку с кофе.

– И опять не будет кофе, – печально констатировал Павел. – Больше я за ним не побегу.

Я же вдохновенно продолжала:

– Заметь, кофе из стеклянной банки высыпался еще позавчера, когда у тебя с полки полетели все банки. Ты еще удивилась, что крышка была не плотно закручена, помнишь? Кто-то эту банку открывал. Возможно, как раз в то время, когда обрабатывал виноград. Подстраховался, так сказать. Решил тебя прикончить во что бы то ни стало.

– Боже! – взволнованно воскликнула впечатлительная Зося. – Какое счастье, что кофе высыпался!

Алиция же была настроена скептически:

– Интересно, зачем ему понадобилось отравлять кофе в большой банке, запасной, а не в маленькой, металлической, которой мы сейчас пользуемся? И отравлять удобней, баночка под рукой, не надо лезть наверх в шкафчик.

– В баночке этого кофе было, что кот наплакал. Его мог выпить кто-нибудь из нас, не обязательно ты. Отравляя же большую банку с кофе, он был уверен – рано или поздно придет и твоя очередь.

– Но не пришла.

– Да, убийца никак не мог предвидеть, что у вас обеих несчастная банка будет летать по всей квартире...

Затронутая мною тема чрезвычайно заинтересовала следователя, он потребовал подробного изложения случившегося, сделал необходимые записи в блокноте, а затем продемонстрировал свои незаурядные следовательские способности и замечательную память:

– Отроче! – изрек он, нацелив шариковую ручку в грудь Павлу. – Ухо мое слышало. Ты еси пребывал в куцах дерев. Пошто?

Павел встревожился:

– Где я пребывал?

– В куцах дерев, – терпеливо повторил полицейский.

– По кустам гонялся, – перевела я.

– А, это когда я следил за убийцей?

И опять нам пришлось с мельчайшими подробностями рассказывать о случившемся. Мы сами удивлялись, как много событий, оказывается, произошло за столь короткое время! Похоже, мы имели дело с феноменально энергичным убийцей, поставившем целью своей жизни во что бы ни стало сжить Алицию со свету.

Господин Мульдгорд погрузился в размышления, задумчиво глядя на Алицию, а потом изъявил желание вместе с Павлом повторить его вчерашний путь. Павел не возражал. Они тут же вышли и вернулись часа через полтора.

– Я его порядком погонял! – возбужденно рассказывал Павел, забывая, что полицейский значительно лучше понимает по-польски, чем говорит. – Потому как малость перепутал. Вчера было темно, а сейчас, когда светло, все выглядит иначе. Но он нашел следы. И я все-таки вышел на то место, где вчера была машина. Легавый вызвал подкрепление, и сейчас там вся банда, он их вызвал по рации. У них тут такая техника! Видели бы вы, как они эти следы изучают...

Господин Мульдгорд кивал головой, подтверждая его слова, и удалился, предварительно попросив нас в изысканных выражениях сообщать ему о любом, даже самом незначительном явлении, которое покажется нам странным, – ну как банка с недокрученной крышкой.

Поздно вечером он позвонил, чтобы информировать нас о результатах лабораторного анализа. Положив телефонную трубку, Алиция передала нам его слова:

– Убийца добавил в яд очень сильное наркотическое средство со снотворным эффектом, чтобы жертва, даже испытывая боли, не смогла проснуться. Он говорит, что та особа... то есть убийца, хотел обеспечить себе стопроцентную гарантию удачи – яд подействует, а на помощь позвать не смогут, заснут мертвым сном. Яд немного не такой, как в винограде.

– Значит, Владя с Марианной выжили чудом, – вздохнула Зося. – Тебя замучили бы угрызения совести. Может, теперь перестанешь ссориться с ним из-за пуговиц?

Зося была права, на Алицию даже и сейчас было страшно смотреть. Открытия следователя как-то не очень ее радовали:

– Не понимаю, чем этот полицейский так гордится, будто открыл бог знает что. Какая польза от всех этих анализов? Об убийце все равно ничего не узнал, работает спустя рукава. Ему спешить некуда. Прошелся с Павлом по кустам, большое дело! Что он себе воображает?

У меня были свои соображения на сей счет, которыми я не замедлила поделиться:

– Он себе ничего не воображает, он просто ждет, когда же наконец преступник тебя убьет, и он, следователь, наконец узнает, почему он, преступник, так к этому стремился. Сделает еще один обыск, найдет письмо от Эдика и все станет ясно.

– Но он же не знает о существовании письма, – неуверенно возразила Алиция. – Или ему сказал кто-нибудь из вас? Потому что я не говорила.

– Вряд ли сказал, ведь он не спрашивал. Даже странно: столько людей знает о письме, а никто не проговорился.

– Столько людей? А кто же еще знает, кроме нас?

– Как кто? Да все, кто тогда находился на террасе. Ты громко сказала, что не успела прочесть письмо, так как оно куда-то задевалось. А если кто прятался в саду, тоже мог слышать.

– Мне кажется, я тогда этого не говорила. А какие у тебя основания считать, что кто-то еще знает? И кто конкретно?

– Анита, например. Сегодня конкретно интересовалась, не нашла ли ты его.

- Анита знает, а полиция не знает... Эва тоже знает?
- Понятия не имею. Наверное, знает.
- А ну-ка, я ее сейчас сама спрошу.

Разбуженная среди ночи, Эва решительно опровергла наши инсинуации, заявив, что ни о каком письме не слышала, сейчас слышит от нас первый раз, а если кто при ней и упоминал о нем – не обратила внимания. Естественно, ей очень захотелось узнать, что за письмо такое. Клятвенно обещав не открывать тайну полиции, она с большим интересом выслушала рассказ Алиции о письме, узнала о связанных с ним надеждах раскрыть преступления в нашем доме и принялась горячо уговаривать Алицию приложить все силы к его розыску, не успокаиваться, пока не найдет.

– Эва не знает, – закончив разговор, задумчиво протянула Алиция, нахмутив брови. – Анита знает. Откуда? Подозрительно это.

Я тоже задумалась. Затем попыталась выстроить ряд логических умозаключений:

– Убийца о письме знает. И пытается прикончить тебя, пока ты не нашла письмо. Очень жаль, но подозрительной мне кажется скорее Эва. Убийца не должен признаваться, что знает о письме. Наоборот, он должен делать вид, якобы его это обстоятельство совсем не тревожит, ему до лампочки, есть письмо, нет ли его. Он, убийца, ничего общего с письмом не имеет. А Анита сама прямо спросила меня...

– Тогда зачем Эва так горячо уговаривала меня его искать?

– Да просто ей хотелось спать и надо было поскорее отвязаться от тебя. Все нормальные люди в это время спят, уже полдвенадцатого. Ну и для того, чтобы сбить нас с толку. Со сна, не сообразив как следует, сказала, что не знает, потом спохватилась и, желая исправить свою ошибку, стала тебя уговаривать искать его. Может быть и другая версия. Преступник – Рой. Он признался жене, вот она и покрывает его.

Честно говоря, я не очень верила в свои логические умозаключения, но мне самой жутко хотелось спать и я не очень продумывала свои упомянутые выше версии. Кого-то же ведь надо было подозревать, а Эва была ничуть не хуже других из числа подозреваемых. И даже лучше – красивее.

Полная неясность в этом пункте и убежденность во вздорности собственных подозрений продержались до пятницы, то есть два дня.

Это были дни блаженного покоя, и мы постепенно приходили в себя. Я сгребла все сучья в садике и разожгла грандиозный костер, чуть не спалив весь Аллерод. Павел сровнял с землей центральный курган, работая, как каторжник, в надежде докопаться до подопытного животного. До самого животного он так и не докопался, обнаружив лишь бесспорные следы его наличия. Вытерев пот со лба, он решил заняться большим курганом. Уж там-то животное обязательно будет!

А в пятницу утром позвонила Эва и стала уговаривать нас пойти с ней на выставку современного скандинавского искусства, которая открывалась вечером. Ей там надо быть обязательно, а это очень грустно, когда ты одна-одинешенька и кругом ни одной близкой польской души. И мы обязательно должны пойти, если не ради искусства, то хотя бы ради нее, Эвы. Алиция с Зосей наотрез отказались культурно расти, Павел еле таскал ноги после земляных работ, так что с Эвой пошла я одна.

Выставка меня потрясла. Я рассматривала развешанные по стенам картины, и во мне крепло убеждение, что художники создавали их по уикэндам, когда магазины закрыты, ничего не купишь, а у них как раз кончились все краски, и остались лишь бурая, черная и свекольная. Вот они и пользовались ими, достигая потрясающих эффектов. Один из пейзажей я бы, пожалуй, даже купила – подавлять избыток веселости, когда этого требуют обстоятельства.

Наконец мы закончили осмотр выставки. Эва в своем восхитительно ярком туалете, выгодно контрастировавшая с общим колоритом выставки, могла считать официальный долг выполненным, но не спешила уходить.

Я встревожилась:

– Ты хочешь еще что-то посмотреть? С меня вполне достаточно. Боюсь, теперь все это будет сниться по ночам. Только этого не хватало!

Эва поняла меня:

– Еще бы! Ведь вы там в Аллероде вытворяете просто ужас что такое! Да, конечно, идем, вот только я еще взгляну на одну вещь. Я просто обязана. Ведь она так ОМЕРЗИТЕЛЬНА!

И Эва затащила меня в угол к картине, представляющей неизвестно что. Мне лично ЭТО по-казалось похожим на тарелку, доверху наполненную полуразложившимися внутренностями. Эва не отрывала глаз от картины, с каким-то самозабвенным отвращением

впитывая ее трупную эманацию. Мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-то так рвался наслаждаться МЕРЗОСТЬЮ. С опаской глядя на Эву, я спросила:

– И долго ты еще обязана на нее смотреть?

– Нет, – ответила Эва. – Довольно, пожалуй. Не правда ли, на редкость мерзко? Зато теперь все остальное покажется просто прелестным.

Она отвернулась от картины и, взяв меня за руку, потянула к выходу. Внезапно я почувствовала, как она вся напряглась и, по инерции сделав еще несколько шагов, буквально вросла в пол. На лице ее выразились сначала замешательство, потом страх. Я проследила за ее взглядом.

Лавируя между посетителями выставки, к нам пробирався высокий черноволосый необыкновенно красивый мужчина, одетый несколько вызывающе, но тем не менее со своеобразной элегантностью – темный костюм, светлый галстук и ярко-красная рубашка. И хотя я лично не люблю мужчин такого типа, но тут вынуждена была признать – он из тех, кто не может не нравиться женщинам. Только не мне.

Когда красавцу оставался до нас уже какой-то метр, Эва вдруг ожила и, глядя сквозь красавца ледяным невидящим взглядом, устремилась к выходу, таща меня за собой.

– В вашем доме и в самом деле творятся жуткие вещи, – лихорадочно трещала она. – Неужели вы никак не можете положить этому конец? Столько жертв... На каждом шагу трупы...

Ясное дело, она говорила первое, что приходило в голову, лишь бы что-то сказать, лишь бы отвлечь мое внимание от происходящего. Красавец остался стоять столбом, а его красивое лицо выражало полнейшее недоумение. Недоумение постепенно вытеснилось мрачной угрюмостью, он круто повернулся и удалился.

Продолжая болтать всякую чепуху, Эва попыталась привлечь мое внимание к барельефам, украшавшим стены парадной лестницы. Я видела, какого труда ей стоило не смотреть вверх, где остался черный тип в красной рубашке.

Потрясенная встречей с ним, я молчала, пока не спохватилась, что мое молчание становится подозрительным. Надо срочно что-то сказать.

– Это ужасно! – вырвалось у меня. И в самом деле, меня ужаснула несомненная связь Эвы с преступным типом в красной рубашке.

– Да ты что? – возразила удивленная Эва. – Как раз эти барельефы – самое лучшее на выставке. Какой дурак развесил их на лестнице, а ту мазню – в залах? Где логика?

В свое оправдание могу сказать, что на барельефы я и не взглянула, охаяла их, можно сказать, не глядя. Пришлось срочно выдумать, будто я вообще не выношу барельефы, ну, испытываю к ним чисто личную, субъективную неприязнь.

Эве было все равно, и она тут же признала мое право на субъективную неприязнь. Мы с ней вышли на Ньюэвен и молча дошли до Конгенс Нюторв.

– Хочешь, пройдемся по Строету до Центрального вокзала? – предложила Эва. – Посмотрим на витрины магазинов. Я не была тут целую вечность.

Мне лично Центральный вокзал был ни к чему, намного удобнее ехать в Аллерод с Эстерпорта, а витрины я внимательно изучила не далее как позавчера, однако с Эвой сейчас расставаться было не в моих интересах. Надо попытаться выяснить, кем был красавец брюнет.

При виде тряпок у Эвы сразу же поднялось настроение.

– Нет, ты посмотри на эту юбку! Прелесть, правда? А вон те зеленые туфли просто очаровательны! Обожаю зеленую замшу.

Поскольку дипломатия никогда не была моей сильной стороной, я задала вопрос в лоб:

– Что это за тип?

– Какой тип? – с деланным равнодушием спросила Эва, оторвавшись от созерцания зеленых туфель и сразу теряя весь энтузиазм.

– Ну, тот брюнет в красной рубахе, который на выставке хотел к нам подойти.

Эва молча рассматривала со вкусом подобранные комплекты туфель, сумок и перчаток.

– Мне не хочется признаваться, – с трудом произнесла она, оторвавшись от кожгалантереи и двинувшись дальше, – но тебе, так и быть, скажу. Это моя прежняя большая любовь. Только никому не говори.

Просьба никому не говорить по понятным причинам привела меня в замешательство, хотя к этой манере Эвы мне уже следовало бы и привыкнуть. Помню, сколько натерпелись мы с Алицией, когда она держала втайне свой брак с Роем, раскрыв тайну лишь мне и Алиции, причем каждой из нас отдельно и с каждой взяв слово абсолютно никому не говорить. Восемь долгих месяцев мы испытывали адские муки, сплетничая о Рое с Эвой и всеми силами стараясь не проболтаться друг дружке. И вот, наконец, не выдержав, я тогда позвонила Эве и спросила, как долго она еще намерена держать свой брак втайне и нельзя ли сказать о нем хотя бы Алиции. В ответ Эва преспокойненько заявила, что Алиция знает о нем столько же времени, сколько и я, а она, мол, хотела только проверить, правду ли о нас говорят, будто мы умеем хранить тайну. Меня чуть кондрашка нехватила!

А теперь, когда в деле замешано преступление, я опять никому не имею права сказать?!

Эву же как будто прорвало. Не ожидая моего ответа, она заговорила без остановки, нервно теребя перчатки:

– Я знала, что он в Копенгагене. С ним меня уже давно ничто не связывает. А тогда я была молода, глупа и безумно влюблена. Порвала с ним раз и навсегда, больше мы не встречались. А теперь я тем более не хочу его видеть. Из-за Роя. Считаю, что видеться с ним теперь глупо и вообще... неприлично. Рой о нем ничего не знает. Когда я его неожиданно увидела на выставке, то просто растерялась. Сделала вид, что его не знаю. Не желаю его знать!

Я молчала, не зная, как реагировать. К нежным чувствам, учитывая личные обстоятельства, я всегда относилась с пониманием и неплохо в них разбиралась, так что Эва совершенно напрасно пыталась меня убедить, будто не испытывает к бывшему возлюбленному совсем никаких чувств, будто он ей совершенно безразличен, будто она вообще забыла о его существовании. Поведение Эвы при встрече с черным красавцем, равно как и выражение ее лица могли свидетельствовать о чем угодно, но только не о равнодушии.

– Как его зовут? – осторожно поинтересовалась я.

– Джузеппе, – с тяжелым вздохом ответила Эва. – Джузеппе Грассани. Он итальянец.

– А где живет?

– Не знаю. Тогда жил в Марселе, там и расцвела наша любовь. Но из Марселя он уехал сразу же после того, как мы расстались, и где теперь живет – не знаю...

Всю дорогу до Центрального вокзала я ломала голову над возникшей проблемой и даже не заметила, как спустилась по лестнице и села в поезд. Спихватилась, лишь проехав несколько станций, – ведь еду без билета, так сказать, зайцем. Сразу же позабыв о проблеме, я принялась нервничать по этому поводу – на каждой станции мог войти контролер. Издержавшись вконец, я сообразила-таки, что появление контролера означало бы всего-навсего утрату 25 крон, а это отнюдь не стоит загубленных нервов. На последнем отрезке пути, между Биркеродом и Аллеродом, я наконец приняла решение: о встрече с черным Джузеппе в красной рубашке скажу, а о связи его с Эвой умолчу.

Не исключено, что, приехав домой, я бы нарушила свое решение и сказала больше того, чем собиралась, но... Обстановка в доме вообще исключала всякие разговоры. Датские родственники Алиции, которые до сих пор тактично держались в стороне, пришли к выводу, что теперь правила приличия позволяют им нанести визит родственнице, на которую свалилось столько несчастий. Родственники не сговаривались, но как-то так получилось, что заявились все сразу. Оно бы ладно, да вот только не следовало бы им вообще являться в этот дом...

Стараясь скрыть обуревавшее ее беспокойство, Алиция подавала на стол кофе, сливки, марципаны и сдобное печенье. Павел в дальней комнате предварительно тщательно рассматривал угощение через мою лупу. Совершенно не скрывая своих чувств, Зося громким шепотом протестовала против возложения на нее ответственности за жизнь и здоровье стольких ни в чем не повинных людей. Ни в чем не повинные гости же, не подозревая, какой опасности подвергаются, в вежливой и тактичной форме выражали Алиции свое сочувствие, издавая сдержанные крики ужаса.

Бедная Зося очень обрадовалась моему приходу.

– Что делать, ума не приложу! – в ужасе зашептала она мне. – Алиция, видно, совсем спятила, смотри, она разливает им коньяк, который не допили Владя с Марианной.

– Да ведь в коньяке яда не было, полиция проверяла.

– Могли досыпать после, бутылка-то не закупорена. Еще не хватает, чтобы тут очоурились и все Алицины родственники!

– Ты совершенно права, будет гораздо лучше, если они это сделают у себя дома.

– Перестань, я серьезно...

– Да ты не волнуйся, они выглядят совершенно здоровыми, – успокаивала я Зою, разглядывая туземцев. – К тому же ты знаешь, какой невезучий наш убийца...

– Когда-то же ему может и повезти! Гости заняли все кресла и диван. Пришли оба брата Торкиля Енс и Оле с женами, его двоюродная сестра Карин, кузина Грета и племянник Торстен. Последний был единственным из гостей, кто понимал всю серьезность происходящего. Остальные, похоже, воспринимали трагические события в доме Алиции как увлекательнейшее повествование о потрясающе интересных, хотя и несколько шокирующих обычаях, бытующих среди поляков.

Гости засиделись с Алицией допоздна, так что у меня было время поразмыслить. Когда они, живые и здоровые, покинули дом, я перехватила Павла на полпути в ванную и затащила его в кухню.

– Послушай, ты опознаешь того типа, которого видел с Эдиком?

– Какого типа?

– Ну, черного парня в красной рубашке, он еще хотел проехаться с Эдиком в угольном фургоне.

– Ясно, опознаю! Я за ними довольно долго наблюдал.

– А что, он у тебя под рукой? – поинтересовалась Алиция, отодвинув Павла от дверцы холодильника, чтобы спрятать в него масло.

– Не совсем. Павел, опиши того парня подробно.

– Черный, – начал Павел, навалившись на мойку. – Брюнет, значит. Такой, из южных народов, с носом. Волосы кудрявые, не длинные, не короткие, морда смуглая. Высокий. Не толстый и не тощий, средний. Вроде красивый, я там не разбираюсь, матери такие мужики нравятся.

– Это какие же мне мужики нравятся? – подозрительно спросила Зося, входя с грязной посудой на подносе и отодвигая Павла от мойки.

Хотя кухня Алиции была очень уютна и рационально оборудована, ее размеры оставляли желать большего. Павел умудрился втиснуться в пространство между мойкой и холодильником.

– Такие, как тот парень, которого я видел тогда с Эдиком.

– Мне бы не хотелось показаться негостеприимной, но неужели вам всем надо обязательно торчать в кухне? – спросила Алиция и вытеснила Павла, чтобы положить на полку банку с кофе и остатки печенья. – Ведь есть же в доме и другие помещения.

– Это не мне такие нравятся, а Алиции. Павел, ради бога, убирайся отсюда. И ты тоже, Иоанна.

– Я лично шел в ванную, – обиделся Павел.

– Ну так иди!

– Слушайте, милые девушки, – сказала я. – Перестаньте третировать Павла! Сейчас он у нас тут станет самым главным. Дело в том, что сегодня я встретила в Копенгагене черного типа в красной рубашке. Из южных народов. Очень красивый, высокий, вьющиеся волосы, не длинные, не короткие, морда смуглая, средней упитанности. Ну, что скажете?

Вопросы Алиции и Зоси прозвучали одновременно.

– Ты думаешь, это тот самый? Где ты его видела? – спросила Зося.

– Ты думаешь, рубашка та самая? – спросила Алиция.

– Видела я его на выставке. Рубашка вроде чистая, наверное, он ее время от времени снимает и стирает. Может, у него принцип такой – рубашки только красные.

– Черных парней южного типа здесь не так уж и мало, – скептически заметила Алиция. – И многие любят красные рубахи, потому что брюнетам они к лицу. С чего же вдруг ты решила, что это тот самый?

Дать прямой ответ на вопрос я не могла, не впутывая Эвы. Именно ее поведение при виде красавца заставило подумать – тот самый! Но об Эве я пока не могла сказать, поэтому ответила уклончиво:

– Конечно, я могу и ошибиться, но выглядит он точь-в-точь как тот. Надо будет Павлу на него посмотреть.

– Я не желаю, чтобы Павла впутывали в это дело! – тут же взъерошилась Зося.

– Он уже впутался, – пробурчала Алиция, а Павел, естественно, взвился:

– Вот, опять! Ничего мне нельзя! Большое дело – посмотреть на человека! Ведь не задушит же он меня за то, что я на него посмотрю! А тогда они с Эдиком меня даже не заметили. Интересно, где же он?

– В Копенгагене.

– Это понятно. А где в Копенгагене?

– Пока не знаю. Был на выставке, но сомневаюсь, что все еще там. И сомневаюсь, что захочет еще раз пойти туда. Скорее уж в каком-нибудь ресторане, по виду он из тех, которые любят ночные развлечения.

Слушая меня, Павел, навалившийся теперь на косяк двери, столь энергично кивнул головой, что больно ударился об этот косяк:

– Вот, вот! Тот тоже похож на таких. Где будем искать?

– Не знаю. А где в Копенгагене процветает ночная жизнь?

– Нигде, – отрезала Алиция и принялась вытирать стол. – Тогда уж лучше занять пост на центральной площади города и ждать. Когда-нибудь он через нее пройдет.

– Ну да, мне в сентябре уже надо быть в Варшаве!

Зося с ее здравым смыслом не выдержала:

– Знай себе только болтают глупости! Тоже придумали – на площади сидеть! Делать, что ли, нечего? И зачем вам этот парень?

Тут я вспомнила, как Эва сказала, что красавец приехал в Копенгаген откуда-то издалека, и мне в голову пришла гениальная мысль:

– Гостиницы! По виду он приезжий, значит, остановился в гостинице или пансионате. Просто надо обежать самые приличные, по одной в день, посидеть в холле в те часы, когда люди уходят или возвращаются, понаблюдать.

– Ну! – Павел с энтузиазмом воспринял мою идею. – Могу посидеть!

Я проявила самоотверженность:

– Будем сидеть попеременно, один из нас – я или ты – обнаружит искомую личность, и тогда мы вместе пойдем на него смотреть.

Для меня парень в красной рубашке являлся главным пунктом программы. Это его анкетные данные я хотела узнать у Эдика. Он мог оказаться самым обыкновенным, ни в чем не повинным человеком, а

мог и оказаться замешанным в грандиозной афере, о которой я имела весьма смутное представление и о которой следовало разузнавать с величайшей осторожностью. Его фамилия, сообщи мне ее Эдик, многое бы прояснила. Разумеется, я могла обратиться сейчас в датскую полицию, попросить ее узнать, где проживает некий Джузеппе Грассани, и предъявить его Павлу для опознания. Однако полиция, травмированная событиями в Аллероде, наверняка проявила бы пристальное внимание и ко мне, и к Грассани, стала бы докапываться до сути, а последствия трудно предугадать. Значит, официальный путь, самый прямой и верный, исключался, и мне оставались лишь обходные пути, полные рывков и ухабов, подстерегающих в копенгагенских фешенебельных гостиницах и пансионатах.

– Делайте, как знаете, – Зося махнула на нас рукой и приступила к мытью посуды. – Я не очень понимаю, зачем знакомому Эдика понадобилось вдруг приезжать в Копенгаген, не понимаю, какое это имеет значение, но с меня достаточно непонятных преступлений, и очень хочется, чтобы хоть что-то прояснилось... Только умоляю вас, будьте осторожны.

На следующий день в доме царили тишина и благодать. Страдавшая на нервной почве бессонницей Зося вытащила Павла из постели ни свет ни заря, и они отправились за покупками. Еще не совсем проснувшаяся Алиция вяло, безо всякого энтузиазма искала письмо от Эдика, время от времени заставляя себя вспомнить и о письме от тетки. Я, сидя на диване, тоже без особого энтузиазма делала себе маникюр и раздумывала над тем, каким боком Эва может быть замешана в преступлении.

Если парень в красной рубаше был тем самым, которого Эдик знал в Варшаве, и тем самым, которого подозревали в преступной деятельности, и если Эдик, зная, что тот связан с преступниками, узнал о его знакомстве (если это можно так назвать) с Эвой... Стоп, что-то не сходится. Какое отношение имела Эва к преступной деятельности красавца? Или все-таки имела? Имела, не имела – не важно, ей не хотелось, чтобы знали о ее связи с этим парнем, а тут Эдик вдруг принялся кричать об этом на весь Аллерод...

– Иоанна! – позвала Алиция, высунувшись из своей комнаты. – Можно тебя на минутку?

Прервав размышления и растопырив все пальцы, я поспешила к ней.

– Смотри! – каким-то зловещим тоном произнесла она, указывая на полку с работами Торкиля. – Видишь, как они стоят? Приглядиись!

Я пригляделась. Большинство скульптур и статуэток было мне знакомо. Среди них выделялась группа, состоящая из двух сирен, сплетенных хвостами, вернее, несколько таких групп в разных вариантах. Впившись в фигурки напряженным взглядом, я ожидала увидеть нечто страшное, может быть, разгадку преступления. Не увидев ничего такого, я вопросительно взглянула на Алицию:

– Ну и что?

Сняв крайнюю группу сирен, Алиция переставила ее в середину полки, растолкав остальные.

– А стояли вот как! Видишь?

– Ну и что? – повторила я, еще не понимая. – Вижу. И что?

– А то, что сами они туда не переползли! Все сирены стояли вместе, а кто-то переставил одну на самый край полки. Кто-то здесь копался!

– Ты не ошибаешься? Уверена?

– Абсолютно. Я сама расставляла фигурки, еще в мае. И всех сирен поставила вместе, в самой середине. А сегодня увидела, что одну переставили, а все остальные тоже трогали, так как пустого места в середине не было. Ты тут ничего не трогала?

– Ты что?! Как будто я не знаю, чем это грозит!

– Вот именно. Спрошу еще Зосю с Павлом, хотя уверена, что они тоже не трогали. Фру Хансен также знает и к ним не прикасается. А теперь гляди сюда. Эта папка со счетами всегда лежит у меня на столе слева, а сейчас где? Посередине! Видишь?

Я вытаращила глаза, пытаюсь увидеть то, что Алиция называла папкой со счетами. На столе лежала какая-то коробка в цветочек с крышкой, корзинка с нитками, одежными щетками и еще чем-то, две черные сумки, несколько пар перчаток, семена разных растений в пакетиках с картинками, чулки, множество всевозможных бумаг, три пары обувных колодок, несколько целлофановых пакетов, секатор, моток проволоки и большой кухонной нож. Ближе к стене стояли банки с красками и кистями. Ничего похожего на папку!

– Нет, – честно призналась я. – Не вижу.

Алиция раздраженно отодвинула одну из сумок и указала на высовывающийся из-под груды журналов угол пластмассовой папки.

– Вот же она, видишь теперь? Лежит здесь. А оставила я ее вот тут, слева. Кто-то здесь копался.

– И я даже могу тебе сказать кто, – не очень удивилась я. – Убийца. Потерял терпение и сам принялся за поиски Эдикова письма. Пора, наконец, взглянуть правде в глаза: он, как танк, прет к своей цели, а проникнуть в твой дом для него не проблема. Похоже, он стоит перед выбором – или найти письмо, или убить тебя. Может, надеется, что после твоей смерти весь хлам будет выброшен оптом, а вместе с ним и разоблачительное письмо. А может, тебе известно про него что-то такое...

Не dokonчив, я с подозрением взглянула на Алицию. Алиция с таким же подозрением смотрела на меня.

– Ты что-то знаешь... – неуверенно начала она.

– И ты тоже, правда?

Алиция покачала головой, придвинула стул, села и задумчиво уставилась в пространство.

– В том-то и дело, что нет, – отвечала она подумав. – Ничего не знаю и ничего не понимаю. Но вот ты точно знаешь. Не можешь сказать?

Все еще держа пальцы растопыренными, я осторожно села на стул, стоящий у раскрытого окна:

– Хотя я не очень-то уверена, но, может, и знаю. Но я совершенно уверена в том, что и ты знаешь нечто такое, чего никто другой не знает. Подумай-ка лучше, что бы это могло быть?

Алиция перевела взгляд из пространства на меня:

– В одном я совершенно уверена – никто не знает, где я закопала горшки с луковицами тюльпанов. Но и я этого не знаю. Надо было как-то отметить место, вот уже несколько месяцев рою везде и никак на них не попаду.

– Правда, убийца может не знать, что ты не знаешь, но сомневаюсь, что его интересуют горшки с луковицами. Тем более что луковицы, поди, уже давно сгнили...

– Стой! – прервала Алиция. – Ты сказала очень важную вещь. Он не знает, что я не знаю... Он думает, что я знаю!

Мы устали друг на друга.

– Ха! – одобрительно произнесла я. – Всегда говорила, что два наших ума – это вещь! Ясно, он думает – ты знаешь, он не знает, что ты не знаешь. И панически боится. Ведь ты можешь узнать...

– Конечно, узнаю, когда прочту Эдиково письмо.

Взяв двумя пальцами сигарету из ее рук, я осторожно прикурила. Алиция из-под мусора на столе раскопала пепельницу.

– Нет, – не согласилась я. – Независимо от письма Эдика. Может что-то произойти, не знаю что, ты можешь с кем-то встретиться или от кого-то что-то услышать, понятия не имею что. И убийца не намерен ждать, пока это произойдет. Он намерен пристукнуть тебя раньше.

– Ты говоришь прямо как зловещая гадалка. «Вечерней порой встретится тебе, милая, трефовый король...»

Отложив сигарету, Алиция сняла очки и, достав из корзинки зеркальце, в очень неудобном положении – низко нагнувшись над столом – принялась доставать соринку из глаза. Не поднимая головы, она добавила:

– Интересно все-таки, что именно знаешь ты. Уж больно ты умная. Одной красной рубахи недостаточно. Почему ты вдруг уцепилась за этого парня?

– Так и быть, скажу, хотя и не следовало бы... Видишь ли, черный парень из Варшавы замешан в очень нехорошем деле, а черный парень из Копенгагена связан с одним из тех, кто находился в твоём доме в вечер убийства Эдика. Очень тесно связан...

Услышав это, Алиция подняла голову и, бросив на меня испуганный взгляд, вдруг с дикой злобой рванулась ко мне, заорав не своим голосом:

– Опять свалились на мою голову, чтоб вам лопнуть! Прочь отсюда!

Выпустив из руки сигарету, я локтем больно ударила обо что-то и не упала вместе со стулом лишь потому, что его спинка опиралась о подоконник. За окном послышался шелест, кто-то отскочил в сторону и с шумом повалился в астры.

– Прочь отсюда! – еще раз громко крикнула Алиция в окно и, погрозив для убедительности кулаком, вернулась на место.

– Ради бога, – с трудом вымолвила я, пытаюсь унять колотившееся сердце, – ради бога... разве так можно? Неужели нет других способов

довести до моего сведения, что я тут – гость нежеланный? Учти, у меня нервы... Сигарета куда-то тут упала, еще пожар начнется.

– Да я не тебе...

– Кто это был? Убийца?

– Дети повадились обрывать сливы, – все еще кипя гневом, объяснила Алиция. – И, главное, не сливы жалко, ведь ветки ломают, кусты в живой изгороди все помяли и переломали, дырку проделали. Надеюсь, я их здорово напугала!

Прежде чем я успела высказать недовольство таким методом отпугивания детей за мой счет, что-то зашелестело за окном, и дрожащий женский голосок неуверенно позвал:

– Алиция!

– Что такое? – испугалась Алиция и поспешно нацепила очки. – Езус-Мария! Агнешка?

Я обернулась. Не будучи знакома с Агнешкой, тем не менее я много о ней слышала. Эта молодая особа отличалась удивительной способностью везде, где появлялась, вызывать осложнения, нарушать спокойствие, переворачивать все вверх дном. Первый раз в Аллерод она прибыла год назад в качестве невесты двоюродного племянника Алиции и в скором времени как-то непонятно, без каких-либо усилий со своей стороны стала невестой кузена Торкиля, впрочем, ненадолго, ибо тут же ее женихом стал один из наших молодых земляков, некий Адам. Племянник имел претензии к Алиции, кузен имел претензии к Алиции, некий Адам имел претензии к Алиции – дескать, какое те имели право иметь претензии, и одна лишь Агнешка никаких претензий ни к кому не имела, безвольно и послушно воспринимая каждого нового жениха. Вскоре она уехала с Адамом, и Алиция наконец-то могла вздохнуть спокойно.

И вот теперь Агнешка стояла за окном, дрожащая, испуганная, совершенно сбитая с толку, в разорванной одежде и с всклокоченными волосами, не решаясь войти в дом после того, как ее столь решительно прогнали прочь.

Чувствуя себя крайне неловко, сконфуженная Алиция поспешила открыть ей дверь.

– Как ты меня напугала! – сказала, входя Агнешка. – Мне и в самом деле убираться прочь? Но куда я пойду?

– Ах нет, что ты! Я думала, это опять хулиганы. А ты почему такая? Что с тобой случилось?

Сдержанно, с печалью и покорностью судьбе Агнешка сообщила, что путешествовала автостопом по Европе, так как Адам велел ей ознакомиться с архитектурными памятниками Франции и Испании. Тут подвернулась оказия проехать через Данию и Швецию, она, Агнешка, воспользовалась оказией, но по дороге машина потерпела аварию, поэтому она, Агнешка, покинула машину и водителя, который принялся нахально к ней приставать, и пешком добралась до Аллерода с какой-то не знакомой ей стороны. У нее нет ни копейки, она не спала уже две ночи, она очень голодная и очень грязная и надеется, что родные из Англии пришлют ей деньги на адрес Алиции. Она не знает, можно ли, но ей страшно хочется вымыться и выспаться, а у нее очень болят все те места, которые она травмировала сначала в аварии, а потом здесь, в астрах.

Я имела возможность внимательно ее разглядеть. Агнешка и в самом деле была очаровательна и отличалась какой-то сверхъестественной, совершенно телячьей кротостью. Видимо, именно эта телячья кротость и делала ее совершенно неотразимой в глазах даже самых неуверенных в себе мужчин, ибо на фоне ее пассивности и покорности они выглядели мужественными и энергичными. Вот почему они буквально стаями осаждали ее.

Агнешке разрешили принять ванну, а Алиция принялась ломать голову над тем, где ее уложить.

– Ой, чуется мое сердце, опять не обойдется без скандала... Ты остаешься в мастерской? Тогда она может занять последнюю комнату. Какое счастье, что нет Эльжбеты!

Это было сказано с такой радостью, что я удивилась:

– Не понимаю, чему тут так радоваться. Они могли бы вдвоем занимать одну комнату.

– Вдвоем они не смогли бы жить даже в одном доме, не только в одной комнате, потому как не выносят друг друга. Если судьба сводит их вместе, они принимаются отчаянно отбивать друг у дружки ухажеров, а когда под рукой не оказывается ухажеров, отбивают друг у дружки что придется. В общем, когда они сходятся вместе, наступает форменный конец света!

– Понятно. Обе представляют один и тот же тип женщины, а это даром не проходит. Особенно, если обе красивы.

Вернулись Зося с Павлом. Измученная, невыспавшаяся, хромающая Агнешка вышла из ванной и вдруг чудесным образом в мгновение ока преобразилась. Павел выглядел значительно старше своих лет и был в полном расцвете красоты и молодости. От Агнешки прямо-таки физически ощутимо стали излучаться какие-то флюиды, а сияющий, доверчивый взгляд робкой сиротки, обиженной жизнью, ни на секунду не отрывался от парня. И даже хромала она теперь с каким-то трогательным изяществом.

Павел от всего этого немного обалдел, а Зося тут же стала выходить из себя. Мне же на конкретном примере как-то сразу стало понятно, откуда берутся упомянутые Алицией троянские войны и недоброжелательное отношение Эльжбеты.

– Вот именно, – со вздохом подтвердила Алиция, с которой я поделилась своими наблюдениями. – Такая уж она есть. Знаешь, у нее это в крови, думаю, она просто не отдает себе отчета в своих действиях.

– Велика Федора, да дура! – с презрением бросила я, имея в виду Алицию.

– Меня на этой мякине не проведешь. Поверь, она прекрасно во всем отдает себе отчет. И она вовсе не безвинная жертва кипящих вокруг нее грубых страстей, а безнравственная, хладнокровная искательница приключений. Ведь Павел моложе ее на пять лет.

– На шесть, – поправила меня Алиция. – Но мне она не мешает.

– Мне тоже. Но не люблю лицемерия.

Зося ощутила вдруг непреодолимое желание немедленно отыскать парня в красной рубашке и категорически потребовала, чтобы Павел сию же секунду отправился на пост в гостинице – не имеет значения какой.

Я подружку понимала и вполне разделяла ее чувства. Поговорить с Алицией с глазу на глаз сейчас не было возможности, и я решила поехать с Павлом в Копенгаген. С трудом вымолив у Зоси позволения хоть позавтракать, мы отправились выполнять боевое задание.

В пути мы разработали план: я посижу, в «Англетере», а Павел проверит небольшой, но солидный пансионат на одной из боковых улочек, прилегающих к Конгенс Нюторв.

Я была уверена, что сидение в «Англетере» окажется пустой тратой времени, ибо черный парень, хоть и не выглядел бедняком, но и на миллионера тоже не был похож, и проживать ему положено в каком-нибудь отеле средней руки. Вот и сидела я из чистой добросовестности тихо и спокойно в глубине роскошного холла «Англетера» на красном диванчике, от нечего делать пытаюсь читать датскую газету, как вдруг увидела нечто ужасное.

Дверь лифта, на которую я посматривала вполглаза исключительно из свойственного мне чувства ответственности, открылась, и из него вышли два человека: тип в красной рубашке (хотя на нем сейчас была желтая) и потрясающе элегантная Эва в огромной шляпе, закрывающей все лицо. Пройдя через холл, они вышли на улицу.

От неожиданности я механически продолжила чтение датской газеты, пришла в себя лишь тогда, когда они уже были на улице, и бросилась за ними. Выскочив на улицу, я в который уже раз пожалела, что приехала в Данию не на своей машине. Как бы она мне сейчас пригодилась!

Подойдя к паркингу перед гостиницей, Эва с черным красавцем сели в «форд» и исчезли с глаз моих. Будь у меня машина, я рванула бы за ними, и, кто знает, может, уже сегодня все выяснила.

Злая и раздраженная, я извлекла Павла из пансионата и сообщила ему: объект оказался в «Англетере», вышел из гостиницы и, судя по всему, вернется не скоро, ездит на черном «форде», а нам остается кусать локти. Павел принял информацию близко к сердцу и решил завтра же с самого утра занять пост в гостинице.

– Мне кажется, вполне достаточно, если ты появишься там к обеду. С самого утра он вряд ли встанет...

К восьми вечера мы добрались до Аллерода, и тут же черный парень вылетел у нас из головы.

Нет, на сей раз не было свежего трупа, не было и фамильного съезда, дома мы застали лишь Алицию с Зосей, зато донельзя взволнованных. Агнешка спала, Алиция же висела на телефоне, говоря что-то по-датски и свободной рукой нетерпеливо отмахиваясь от наших расспросов. Для разъяснения происходящего оставалась одна Зося.

– Проклятие, что ли, висит над этим домом? Ну и лето! Как раз сейчас, когда заявила эта девка, приезжает еще и тетя. Оказывается, Алиция должна была заказать для нее гостиницу, слышите, звонит, везде все занято, сезон! А тетка уже едет...

Она посмотрела на часы, встала и нервно опорожнила пепельницу.

– Тетя будет здесь минут через двадцать. Нужно ехать встречать ее на станцию. Просто не знаю...

Не только Зося, никто из нас не знал, что делать, в том числе и Алиция. Положив трубку, она повернулась к нам вместе с вертящимся креслом, явно обескураженная и растерянная. Выхватив у нее из-под носа вторую пепельницу, Зося принялась ее яростно драить, как будто тетка приезжала специально для ревизии пепельниц. Только сейчас я заметила стоявшие на столе чистые пепельницы, собранные со всего дома.

– Тетя – противница курения? – осторожно поинтересовалась я.

Зося нервно вздрогнула:

– Что? А я откуда знаю? Подумала, просто, на всякий случай, надо прибраться. Впрочем, я уже ничего не знаю!

– Нигде нет мест, – сказала Алиция. – Туристический сезон в разгаре. Сколько времени? Холера, она сейчас будет здесь! Понятия не имею, что делать, наверное, она у меня переночует, как вы считаете? В гостинице обещали номер с завтрашнего дня, сегодня – нигде нет. Значит, так: спокойно, всем сделать приятные мины. Выхода нет, я должна ее принять у себя.

– Почему ты? – гневно поинтересовалась Зося. – А Оле и Енс? Они ей более близкая родня, почему бы ей не поехать к ним?

– Я только что звонила, ни Оле, ни Енса не застала дома. Не могу же я с вокзала привезти тетку прямо к ним и свалить на их головы! Нет, так не делают, надо заранее предупредить. И потом, ведь она приезжает ко мне. У нас найдется что-нибудь на ужин?

– Найдется, найдется, что-нибудь придумаем, ты сейчас отправляйся на станцию, а это предоставь нам. Павел, и ты с ней, у тетки наверняка большой багаж.

Через несколько минут бессвязных восклицаний, вопросов без ответов, поисков ключей от машины Алиция с Павлом галопом

вылетели из дому. Зося в изнеможении рухнула в кресло, но, что-то вспомнив, вскочила и принесла еще одну пепельницу. И опять рухнула.

– Ну и отпуск у меня! – угрюмо сказала она. – Придется, видно, после него взять за свой счет, чтобы хоть немного отдохнуть. И что за скотина устраивает нам все эти преступления! Интересно, где она поместит тетку на ночь?

Эта же проблема мучила Алицию всю дорогу до станции и обратно. Две маленькие комнатки ее дома были заняты Зосей и Павлом, катафалк мной, в лучшей комнате на лучшей постели в этот момент спала Агнешка со своими травмами и даже повышенной температурой. Оставался лишь диван в гостиной, ну и вторая часть тахты, которую можно разложить, если извлечь ее из-под Агнешки. Как одно, так и другое абсолютно исключалось в качестве спального места для почтенной родственницы. Пожилая датская дама, безусловно, заслуживала более комфортабельного ложа.

По возвращении Алиции с гостьей, воспользовавшись пребыванием тети в ванной, мы устроили срочное совещание.

– Перевести Агнешку на диван, а тетю в ее комнату, – предложила Зося.

– Диван в проходной комнате, не ляжешь, пока все в доме не улягутся. А Агнешка действительно нездорова, спит, ей нужен покой.

– Ну так Павла на диван, а тетю на его место!

– Не поместится со своими вещами, ведь у Павла в комнате все место занимает фисгармония. Нет, придется, видно, уложить ее в моей комнате, а я пересплю на диване. Все равно лягу позже всех.

– Ну тогда пусть на диване спит Павел, а ты с фисгармонией.

– Не делай проблемы, столько перемещений! Ведь это всего одна ночь, нет смысла срывать всех с привычных мест. Между прочим, на диване очень удобно...

– Но узко!

– Павел, значит, поместится, а для меня узко? Считаешь меня такой толстой? Успокойся, я прекрасно высплюсь на диване.

Протесты Зоси ни к чему не привели, Алиция настояла на своем и быстренько, пока тетя принимала ванну, приготовила ей свою комнату, наведя в ней относительный порядок: вынесла из нее два ящика и лишний стул, постелила чистое белье на постели и прикрыла

безобразии на столе отрезом махрового полотна, предназначенного для нового халата.

– Все белье кончилось, тете постелила последнюю смену, – сказала она. – Надо срочно устроить стирку, а то, не дай бог, еще кто приедет, а постелить нечего. Я сегодня собиралась стирать, но кто-то мне помешал. Вы случайно не знаете кто?

– Знаем, – ответила мстительная Зося. – Агнешка.

– А, правда. Ну что ж, придется стирать завтра. Хотя нет, как же завтра, ведь в доме тетя! Боже мой, как к ней обращаться – на «ты» или на «вы»?!

– Ты так и не вспомнила?

– А когда у меня было время? Пока ехала на станцию? Так я ведь за рулем, больше ни о чем думать не могу. А потом морока с ее чемоданами. Она же ко мне обращалась как-то в безличной форме, так что до сих пор и не знаю.

– Не переживай, вот выйдет из ванны, может, скажет что-нибудь.

– И письмо ее куда-то запропастилось, – продолжала плакаться Алиция. – Вот я и не знаю, которая это тетка. Их у Торкиля две, одну зовут Ютте, а другую Ингер. Пусть кто-нибудь из вас спросит, будет ли она ужинать, я не знаю, как к ней обратиться.

Обратилась к ней Зося. По-немецки. Тетя от ужина отказалась, ибо чувствовала себя усталой и желала бы лечь спать. Мы отнесли к тетиному ответу с пониманием. Как-никак ей 89 лет, хотя она и отличалась несвойственной этому возрасту бодростью и даже живостью. Обежав тяжелой рысью весь дом, она стащила в одно место свои вещи, разложила их, кое-что простирнула, напилась кофе – все это время не переставая что-то говорить – и наконец закрыла за собой двери Алициной комнаты.

Мы вчетвером собрались за столом в кухне, в молчании предаваясь блаженному отдыху после пережитых эмоций.

– Откуда в них столько энергии? – прервала молчание Зося.

– Им никогда не приходилось стирать в корыте, – пробурчала я, твердо убежденная в том, что неправдоподобная бодрость датских старушек объясняется техническим прогрессом в их домашнем хозяйстве.

Алиция в отчаянии уставилась на дверь:

– А я так и не знаю, которая это из теток!

– Но ты же с ней все время разговаривала!

– Ну и что? Она делилась со мной своими дорожными впечатлениями. Наверное, у нее все-таки склероз, она по два раза повторяла одно и то же. Или я ей показалась исключительно тупой и она специально повторяла для меня, сомневаясь, пойму ли я с одного захода.

– Может, установить личность тебе поможет ее возраст? Ей 89 лет, она сама сказала.

– Им обеим по 89 лет. Они близнецы.

– Как? Близнецы в таком возрасте? – удивился Павел.

– Надо же! И не побоялась в таком возрасте ехать! – восхитилась Зося. – А где она живет? В Выборге? Так уж ты, наверное, знаешь, которая из них живет в Выборге?

– Они обе живут в Выборге.

– Слушай, а, может, их всего одна, а не две?

Неразрешенная проблема тети настолько поглощала Алицию, что ни о чем другом с ней просто невозможно было говорить. Не в силах более выносить неизвестность, она, несмотря на позднее время, бросилась искать тетино письмо.

Глядя на ее лихорадочные поиски, я заметила в пространство:

– Алиция правильно поступила, оставив Павла спать на его месте. Зачем ей удобная постель, какое значение имеет ширина дивана, если она все равно на этот диван даже и не присядет? Теперь всю ночь будет искать письмо...

– ...и найдет Эдиково, – поддержала меня Зося.

– Заткнитесь, ладно? – огрызнулась Алиция.

Утром первым проснулся Павел. Может, его подняло с постели нетерпеливое желание приступить к выслеживанию красавца в красной рубаше, а может, и мысль об Агнешке. Во всяком случае поднятый им в ванной шум разбудил нас всех. Алиция тут же принялась нас подгонять, ибо к моменту пробуждения тети мы уже должны быть при полном параде.

И совершенно напрасно торопила. Завтрак давно стоял на изящно сервированном столе, а тетя все спала. Желая произвести на почтенную родственницу самое выгодное впечатление и тем самым хоть немного снять с себя вину за прокол с гостиницей, Алиция не позволила нам притрагиваться к завтраку, чтобы не нарушить красоту сервировки. Мы расползлись по дому и саду, подальше от стола, дабы избежать искушения при виде недоступных нам яств. По террасе прохаживалась Агнешка, грациозно опираясь на руку Павла. Будучи не в состоянии выносить это зрелище, Зося скрылась в своей комнате.

Мне наконец представилась возможность сообщить Алиции о наличии в «Англетере» черного парня – кстати, прекрасный повод оторвать ее от осточертевшей всем проблемы, на «ты» она с тетей или на «вы». Алиция живо переключилась на черного красавца:

– Да, кстати, ты хотела рассказать, что за всем этим кроется. Ну-ка, раскалывайся!

Она стряхнула пепел с сигареты в самую плохонькую пепельницу, специально выделенную нам Зосей, и выжидательно уставилась на меня. Отступить было некуда, пришлось признаваться:

– Черный парень очень важная персона. Павел видел с ним Эдика. А я знаю... Собственно, я ничего конкретного не знаю...

– А!

– Нечего ехидничать, этого не знаю не только я. И не исключено, что черный парень замешан в одной очень нехорошей афере. Подробности мне неизвестны, да и не интересуют меня...

– Так я тебе и поверила! – перебила Алиция. – Тебя да не интересуют?! Что с тобой случилось?

– Ничего. Не интересуют, и все тут. Но я обещала частным образом узнать персональные данные черного парня, которые

наверняка были известны Эдику, ведь он познакомился с ним давно, несколько лет назад. Я уже сказала тебе, выяснить это обстоятельство хочу просто из любопытства... Ну, не обязательно моего, перестань ухмыляться. Я бы в Варшаве спросила у Эдика фамилию парня, но он уже уехал сюда. Я приехала сюда, а он уже... Вот теперь и не знаю, в угольном фургоне Эдик разъезжал с честным пьянчугой или с международным аферистом.

– А если бы Эдик назвал тебе его фамилию, сразу все стало бы ясно? Существуют списки международных аферистов?

– Ну, не обязательно. Просто кое-кто знает о них кое-что, – туманно пояснила я, пододвигая к себе пепельницу.

Алиция бросила на меня быстрый взгляд:

– Слушай, в кого ты, говоришь, влюбилась?

– В одного блондина, а что?

– А то, насколько я тебя знаю...

– Уж слишком ты умна, – недовольно перебила я. – Соображаешь, ничего не скажу. Но повторяю: из чистого любопытства, частным образом, а не официально. И не уклоняйся от темы. Черный тип был в Варшаве, черный тип теперь в Копенгагене...

Алиция оттащила пепельницу к себе.

– Черных типов на свете пропасть. Почему ты решила, что это тот самый?

Я придвинула пепельницу к себе и решила сказать все.

В конце концов, Эва солгала. Мне наговорила с три короба о разрыве с красавцем, а сама встречается с ним, собственными глазами видела. А единожды солгавши... Могла и о любви соврать. Их могло связывать преступление, а не любовь. Правда, одно другому не мешает, но не буду же я хранить тайну преступницы!

Моя информация очень взволновала Алицию.

– Трудно мне представить Эву в роли преступницы, – сказала она. – Но если Эва действительно встречается с этим типом... Если этого типа знал Эдик... И Эдик принялся громко выражать возмущение по поводу того, что я бог знает кого у себя принимаю... Не знаю, не знаю... Ты считаешь, Эва способна впасть в такую панику, чтобы поубивать столько народу?

– Во-первых, не поубивать. Убит один Эдик. Остальные – случайные жертвы, но они живы. И убивать их она совсем не

собиралась. Убивать она собиралась тебя, но ты ведешь себя, извини, совершенно непредсказуемо, все запутываешь и упорно избегаешь ловушек. А во-вторых, как знать, ведь пока неизвестно, кто этот черный тип. Может, и аферист, может, шантажирует ее, а ведь у Эвы налаженная жизнь, дом, дети, Рой...

– Почему ты говоришь «дети»? Один ребенок, и не Роя, а от первого мужа. А если шантажирует, то убить надо было его, а не Эдика.

– Так-то оно так, если рассуждать логично. Но ведь не исключено, что она его любит и не в состоянии убить.

– Ерунда. И шантаж и убийство – все глупости. Рой так любит Эву, что простит ей все на свете.

– Не знаю, не знаю, – рассеянно произнесла я, стараясь ухватить мелькнувшую мысль. Встав со стула, я прошла по кухне и заглянула в холодильник, автоматически отметив, что у нас кончилось молоко. – Не знаю, не знаю... Что я хотела сказать? Да, как-то все эти любви никак не укладываются в мою схему.

– Не понимаю.

– Ну, смотри. Эдик кричал, что ты рискуешь, что тебе грозит опасность. Так? Помнишь? Громко вопрошал, зачем ты рискуешь и принимаешь у себя дома таких людей. Можно допустить, что под «такими людьми» он подразумевал Эву, но чем ты рисковала? Тем, что Рой нанесет тебе оскорбление?

– Непонятно, – согласилась Алиция и задумалась. – Может, все-таки дело в шантаже? Может, он и вправду аферист, преступник, способный на все? Любовь, шантаж... Господи, людям иногда такие глупости приходят в голову...

Я тоже задумалась, глядя на пустой пакет из-под молока. Если Эва любит красавца брюнета, а Рой любит Эву и все ей простит... А может, Эве вовсе не хочется, чтобы ей все прощали? Может, ей хочется, чтобы Рой пришел в ярость, устроил грандиозную сцену ревности, пинками прогнал красавца... Может, она жаждет развязаться с красавцем, любит Роя, мечтает о спокойной и счастливой жизни с ним, а тут Эдик чуть не выдает тайну, а Рой, узнав ее, примется прощать... Или и того хлеще – решит пожертвовать собой, устранившись, и Эва останется один на один с постылым красавцем...

– Не верю я в такую любовь, ради которой идут на убийство, – сказала Алиция. – Мы не в двенадцатом веке живем.

Я была иного мнения:

– В любви ничего не меняется тысячелетиями. Это ты такая слишком рациональная, никаких эмоций, нет у тебя никакого понимания полового вопроса. А у Эвы есть. И у меня тоже. И не исключено, что на этой почве я тоже могла бы кого-нибудь убить.

– Ну так убей, а чепуху нечего молоть! Есть хочется зверски. Я рискую, принимая в своем доме неподходящих людей... Глупость какая-то! Разве что черный парень и в самом деле подозрительная личность. И хотя я его в своем доме не принимала, у Эдика по пьяной лавочке в голове все перепуталось и он решил, раз парень подозрительный – Эва тоже, вот и решил меня предостеречь?

Эва была явно встревожена, неожиданно увидев красавца. Мне сказала, что не желает его больше видеть. А может, не желает, чтобы я видела? И перед моим мысленным взором предстала яркая картина: ночная терраса, красный круг лампы, вопли пьяного Эдика. Эву охватывает ужас: она может потерять Роя, налаженную спокойную жизнь, семейное счастье. Потеряв от всего этого голову, она в отчаянии хватается за стилет... Интересно, откуда у нее взялся стилет, и вообще, что это такое? Ну ладно, хватается, значит, за стилет и, почти не сознавая, что делает, вонзает его Эдику в спину. А потом узнаёт, что осталось письмо, которое может ее разоблачить, и остается Алиция, которая в любой момент может обо всем узнать. Она знает, что Алиция ее любит, очень любит, но знает также и то, что смерти Эдика Алиция ей не простит и не будет покрывать убийцу...

– В конце концов, померла эта тетка, что ли? Сколько можно ждать! Мы тут сами помрем с голоду.

Возглас голодной Алиции заставил меня оторваться от созерцания захватывающей картины – Эва с занесенным стилетом и вернул с ночной террасы в спокойное солнечное утро.

– Одиннадцать часов. Наверное, приличия позволяют уже разбудить почтенную даму? А может, она давно не спит и лишь из скромности, не желая мешать нам, не покидает своей комнаты?

– Смеешься? Из скромности?!

– В таком случае, надо будить. Ибо, позволь заметить, тебе грозит разорение. Не только мы с тобой голодны, но и все остальные. Заметь,

выпито все молоко и съедены все бананы – к ним ты не запретила прикасаться. И сыр тоже съеден, тот, что лежал в шкафчике.

– Очень хорошо, что съеден, его давно уже надо было съесть, но никто не хотел. Ну ладно, рискну.

Алиция подняла руку, чтобы постучать в дверь теткиной комнаты, но в последнюю минуту сдрейфила. Приложила ухо к двери, послушала, опять подняла руку и опять не постучала.

– А как я к ней обращусь, черт возьми? На «ты» или на «вы»? Я так надеялась, что она выйдет и первая обратится ко мне, и все станет ясно.

– Может, и обратится. Ты скажи просто «добрый день».

– А не лучше заглянуть сначала в окно?

– Вот уж не уверена, что будет вежливее будить пожилого человека, неожиданно заглядывая к нему в окно. Мало ли что с ней может случиться от страха. Кто знает, может, она боится взломщиков. Лучше просто постучать в дверь.

– Тут взломщики не водятся, – возразила Алиция, но все-таки в третий раз подняла руку и, поколебавшись, постучала наконец.

Ответа не последовало.

Алиция постучала громче. И опять без толку. Тогда она постучала в третий раз, причем так громко, что затрясся бы весь дом, будь он не столь крепок.

Я с интересом наблюдала происходящее.

– А она, случайно, не глухая? Ты вчера ничего такого не заметила? Или, может быть, она встала чуть свет и отправилась в костел?

– В какой еще костел?

– Ну откуда я знаю... В протестантский, наверное?

Алиция хотела многозначительно повертеть пальцем у виска, но в раздражении вместо этого больно стукнула себя кулаком по лбу и с удвоенной силой забарабанила в дверь. Потом, решившись, нажала на ручку, осторожно заглянула в щель, вдруг широко распахнула дверь и со сдавленным возгласом «Матка боска!» застыла в странной позе, как бы в полупоклоне.

Сорвавшись с места, я бросилась за ней и с тем же возгласом «Матерь божия» (тоже наверняка сдавленным голосом) с разбегу нечаянно толкнула ее в выпяченный зад, в результате чего мы обе с грохотом свалились на пол.

Было от чего прийти в ужас. Лежащая в постели Алиции тетя представляла собой на редкость жуткое зрелище. На подушке вместо головы сплошное кровавое месиво, так что даже нельзя было разобрать, затылок это или лицо.

Я еще успела заметить лежащий на постели молоток, которым, видимо, воспользовался убийца, и закрыла глаза, невольно прошептав «все красное» немеющими губами и чувствуя, как мне становится нехорошо.

Алиция задом же вытолкнула меня из комнаты, закрыла дверь и прислонилась к косяку. Я прислонилась к другому. Обе мы молчали, будучи не в силах вымолвить слова.

В немом отчаянии Алиция смотрела на меня. Желая ее хоть как-то утешить, я произнесла:

– По крайней мере тебе теперь на надо решать проблему – на «ты» вы с ней или на «вы».

– Ну и дура! – Алицию ничто не могло утешить. – Ведь осталась вторая, а значит, и проблема. И вторая обязательно придет на похороны.

– А ты и ее пригласи переночевать, – мрачно предложила я. – И проблема решится сама собой. На нашего убийцу можно положиться...

Алиция содрогнулась и вроде немного пришла в себя. Сквозь ужас и отчаяние на ее лице мелькнул проблеск надежды:

– Может, она еще жива? Как те. Врача!

– Да ты что! От человека осталось лишь кровавое месиво, крови вокруг, как на бойне...

Не слушая меня, Алиция бросилась к телефону и вызвала «скорую помощь», потом принялась разыскивать герра Мульдгорда. У нее тряслись руки, дрожали губы, видимо, только сейчас она осознала весь ужас происшедшего.

«Скорая помощь» приехала через несколько минут. Алиция с трудом выдавила из себя несколько фраз, чтобы ввести в курс дела врача, кстати, того же самого, который приезжал к Владе и Марианне.

Взглянув на тетку, врач тут же принялся за какие-то непонятные манипуляции. Потом я с изумлением увидела, как старушку осторожно положили на носилки и понесли в машину. Лицо Алиции выражало высшую степень обалдения.

Как только машина «Скорой помощи» отъехала, я потребовала от подружки объяснений.

– Тетя жива. Да, да, жива!

– Как жива? Жива с разможженной головой?

– Ничего у нее не разможжено.

– Но я же сама видела! Красное месиво вместо головы...

– Косметическая маска. Из клубники.

Я потеряла дар речи. Как, впрочем, и все прочие дары.

Алиция сжалилась надо мной и снизошла до объяснений:

– Косметическая питательная маска из клубники, ничего особенного. Придает коже лица свежесть и эластичность. Продается готовая, в баночке еще осталось. Тетя наложила ее на ночь.

– Сколько же там было клубники? Пять кило? Из одной баночки такое месиво?!

– Не только, добавилась еще кровь. Из рассеченной артерии над глазом. Видимо, тетя разрезала ее стеклом от часов. Разбитые часы были у нее на руке.

– Тогда и вовсе непонятно, как же она осталась жива, ведь должна была истечь кровью.

– Должна была, но маска, засохнув, стянула кожу. В состав питательной маски, кроме клубники, входит вещество, способствующее стягиванию. Наверное, маска была еще свежая, когда преступник замахнулся на тетю молотком...

Пока господин Мульдгорд собирал свою бригаду, пока они ехали к нам из Копенгагена, мы успели съесть изящно сервированный завтрак и убрать со стола.

Новое неудачное преступление как-то не лишило нас аппетита – похоже, мы начали привыкать. Я даже высказала предположение, что того и гляди начну чувствовать себя неудобно, если поблизости не окажется свеженьких потерпевших. И добавила философски:

– Видишь, Алиция, тетка спасла тебе жизнь.

Возмущенная Алиция обрушилась на меня, Из ее бессвязных криков удалось понять, что она предпочла бы тысячу раз умереть, чем теперь отвечать за тетку перед родственниками.

– Что я им скажу? Как объясню? Подумать только, все было бы в порядке, если бы я заказала гостиницу. Что теперь делать?..

– Идиотка! – раздраженно перебила ее восклицания Зося. – Да ты соображаешь, что говоришь? Если бы заказала ей гостиницу, лежала бы теперь вместо нее с разможенной головой!

– Ну и пусть! Может, тоже осталась бы жива! А артерию себе я бы не перерезала, часы я перед сном снимаю...

– Ох, ничего не понимает! Да ведь наверняка, уже замахнувшись, он увидел, что это не ты, и в последний момент попытался сдержать удар, поэтому он и получился не сильным. Тебя трахнул бы изо всей силы.

– Те трое пострадавших живы и чувствуют себя уже лучше. Не убийца, а портач какой-то!

Павел попытался восстановить детали последнего преступления:

– Убийца приехал ночью. Он не сомневался, что Алиция спит в своей комнате. Ведь она все время там спала, сколько гостей ни приезжало...

– Тетю он не предусмотрел, – вставила я.

Павел продолжал:

– Убийца понял, что с ядомдохлый номер, ничего у него не выйдет, так как яд не действует. То есть действует, но не на того, на кого надо... Ну и решил бить наверняка – чтобы без ошибки, разделаться, можно сказать, одним замахом. Подскочил к постели, замахнулся – и увидел питательную маску! И остолбенел! И рука дрогнула! Я сам бы остолбенел.

– Наконец-то я узнала ее имя, – с грустью сказала Алиция. – Врач в документах вычитал. Хотя пользы от этого немного, я все равно не помню, с которой из них я на «ты»...

Приехал господин Мульдгорт со своими молодцами и приветствовал нас как добрых знакомых – видимо, тоже начал привыкать к преступлениям в Аллероде и воспринимать их как нечто обыденное в нашей жизни. И в общем-то был прав.

С интересом оглядев Алицию (наверное, удивлялся, что она все еще жива), он полюбопытствовал, кто такая Агнешка, после чего с присущей ему скрупулезностью выяснил обстоятельства нового преступления, а затем вежливо поинтересовался у Алиции:

– Ужель возжелаху пани еште гости?

Не дав Алиции ответить, Зося вскричала в отчаянии:

– Ради бога, не приглашай больше гостей!

Алиция же ответила как-то неуверенно:

– Не знаю. Я больше никого не приглашаю. Они приезжают сами. Понятия не имею, кто еще может приехать.

Полицейский успокоил ее:

– Да будет их многое множество! Ваше жилище присно будет бдети страж, мой работник. Искони повинен быти, вотще аз не учинил того, вина моя велика есть!

Последние слова он произнес с таким удовлетворением, как будто сообщал нам не о своем промахе, а о величайшем достижении.

Алицию его сообщение отнюдь не обрадовало.

– Это как же понимать? Теперь полиция днем и ночью будет шастать по всему дому и саду?

– Отнюдь! – решительно возразил господин Мульдгорд. – Полиция сокрыта вельми будет. Под сень дерев.

– Еще хуже! – не уступала Алиция. – Как представлю, что из кустов будет неожиданно выскакивать полицейский... Тут уж тот, кого не успеет прикончить убийца, умрет от разрыва сердца. Во всяком случае, нервное расстройство гарантировано.

Господина Мульдгорда неприятно удивили ее слова:

– Бдение живота твоего ради, аще полни протест имея...

Алиция спохватилась. Выразить протест против присутствия полиции в доме, где преступления следуют одно за другим, а преступник остается неизвестным, по меньшей мере неразумно. И без того у полиции на подозрении все обитатели ее дома, а уж она – в первую очередь, уже хотя бы только потому, что до сих пор жива. Алиция пересилила себя и заставила сказать:

– Никакого протеста я не выражаю. Пусть полиция сидит в кустах, только не на глазах.

Кажется, господин Мульдгорд не очень понял, что означает «не на глазах», так как долго озадаченно молчал, после чего решил сменить тему. Поскольку установить алиби обитателей дома в минувшую ночь не было никакой возможности, все мы спали, причем каждый отдельно, в результате чего ни один не был в состоянии подтвердить алиби другого, зато любой свободно мог встать ночью и пристукнуть тетю, – ему пришлось заняться орудием преступления, молотком.

– Кто ведает молот сей? – задал полицейский вопрос, один из тех своих вопросов, на которые дать точный ответ было чрезвычайно

трудно и задавать которые он был большой мастер. Действительно, попробуй ответь, кто знает этот молоток. Не удивительно, что ответы на такой вопрос не могли удовлетворить следователя.

– А кто его там знает, – отмахнулась Алиция, я же дала ответ прямо противоположный:

– Его все знают. В «Дельсе» их пруд пруди.

Мои подруги заинтересовались:

– Ты думаешь, он куплен в «Дельсе»?

– Откуда мне знать? Но думаю, что такие вещи проще всего покупать в крупных магазинах самообслуживания, где их полным-полно и где никто на тебя не обратит внимания. Сама видела, их там полным-полно, по двенадцать семьдесят пять.

– По тринадцать двадцать пять, – поправила меня Алиция. – Во всяком случае, в моем доме такого не было.

– По четырнадцать пятьдесят, – вмешался Павел. – Я сам видел.

– Так ты видел те, что побольше, а этот меньше и стоит тринадцать двадцать пять.

– Да какое значение имеет цена молотка? – возмутилась я. – Главное, что в Копенгагене полным-полно таких молотков.

Наша оживленная дискуссия о молотках вселила надежду в сердце господина Мульдгорда, который попытался уточнить:

– Ужели око ваше зрело сие наперед?

С некоторым трудом удалось ему растолковать, что, почитай, все наши очи видели такой молоток раньше в виде товара в одном из суперсамов Копенгагена. В доме же до сегодняшнего дня никто сие не видел.

– Воистину убивец явился отягощен сим молотом, – сделал вывод следователь, и мы с ним согласились.

Когда полицейские удалились и мы остались одни, Павел внес предложение:

– Надо устроить ловушку! Как мы раньше не догадались? Преступник, глядишь, давно бы попался.

– Что ты имеешь в виду? Капкан? Чтобы за ногу схватил?

Павел с воодушевлением подтвердил:

– Ну! Что-то в этом роде. Преступник ведь шляется по саду. Вот и попадется!

– Скорей мы сами попадемся.

– У меня есть только мышеловка, – сказала Алиция. – И к тому же я, естественно, не знаю, где она. Придумайте что-нибудь другое.

Фантазия Павла разыгралась буйно:

– Ну, какая-нибудь проволока или веревка... Привязать к звонку или еще чему такому, чтобы звонило. Получится сигнальная установка. Он крадется по саду, ногой или рукой зацепит. И как начнет выть или трезвонить!

– Убийца?

– Да нет же, установка!

– Ага, мы все срываемся с постели, толкаясь, выскакиваем из дому, гоняемся за преступником по всему Аллероду, а потом оказывается, что это был почтальон или мусорщик!

– Нет, – с потрясающей рассудительностью возразил Павел, – если начнет убегать, то только убийца. Почтальон или мусорщик, услышав вой, растеряются и с места не двинутся. Если даже не испугаются, подождут специально, чтобы узнать, что все это значит. Хотя бы из любопытства.

– Парень дело говорит, – поддержала Павла Алиция. – Ладно, я согласна. Так и быть, приготовьте какую-нибудь ловушку. Только чтобы без особых расходов. И вообще без меня. Похоже, у меня теперь не будет времени.

Алиция знала, что говорила. После злодейского покушения на тетю жизнь в Аллероде вдруг забила таким ключом, какого я никак не ожидала от флегматичной Дании. Ну, просто Содом и Гоморра!

Во-первых, чрезвычайно оживилась полиция. По несколько раз в день нас стали навещать вместе с господином Мульдгордом какие-то важные чины, безуспешно пытавшиеся объяснить с нами на самых разнообразных языках. Во-вторых, излишне оживились и датские родственники Алиции, которых чрезвычайно встревожило несчастье с тетей. И они уже не пытались скрыть своего отрицательного отношения к происшествию в доме Алиции. Польский темперамент, конечно, вещь достойная, но ведь надо же и меру знать!

А тут вдруг еще оказалось, что пострадавшая тетя приехала не только в гости, но и по делу – улаживать какие-то невероятно запутанные проблемы по наследству умершего несколько лет назад родственника, связанные то ли с продажей его недвижимости, то ли с ее покупкой, то ли с передачей кому-то. Тетя временно оказалась

недееспособной, но в ее бумагах обнаружили документ – что-то вроде доверенности на ведение дела о наследстве, выписанной на имя Торкиля, которому, кстати, причиталась часть упомянутого наследства. А поскольку Торкиль умер, доверенность автоматически переходила на его вдову Алицию. Вот так получилось, что той пришлось воленсноленс заменить тетю.

Дело оказалось хлопотным и запутанным сверх всякой меры, требовало множества встреч, консультаций юристов, ведения документации, переговоров с заинтересованными и незаинтересованными лицами. А ведь бедной Алиции еще кроме того приходилось посещать три больницы, ибо жертвы преступлений были размещены в разных. Вообще минуты свободной не было не только у Алиции, но и у нас, ведь мы по мере сил старались помочь ей, иначе она просто не выдержала бы. На поиски черного парня и изготовление капкана времени решительно не оставалось. Я очень переживала по этому поводу. Ведь уедет – и поминай как звали!

– Нашла из-за чего расстраиваться! – сердилась Зося. – Подумаешь, несчастье! Других печалей нет? У меня вот каждый день сердце не на месте с тех пор, как Алиция стала ездить на машине.

Обстоятельства заставили Алицию отыскать затерявшиеся ключи от своей машины и ездить на ней, хотя она не любила водить машину и не имела такого опыта. Но теперь стало ясно, что иначе ей просто не справиться с делами. Правда, был и второй выход – разоряться на такси, гоня целыми днями по всей стране. Пришлось сесть за баранку. И, надо сказать, это даже пошло Алиции на пользу, ибо, сидя за рулем, она думала только о машине и дороге и была просто не в состоянии думать о чем-либо другом, в том числе и о свалившихся на нее несчастьях.

В это время к нам каждый день стал заходить Торстен. Я так и не узнала, кем он приходится Алиции, ибо ее датская родня была на редкость многочисленна, и разобраться, кто кому кем приходится, было свыше моих сил. Во всяком случае, Торстен оказался чрезвычайно симпатичным молодым человеком. Его умные глаза всегда излучали доброту и доброжелательное любопытство, а благодаря белокурой бородке он выглядел достойным потомком предков-викингов. Оказалось, его с самого начала интересовали происходящие в нашем доме события, и он давно занялся бы ими, но

сначала надо было защитить диссертацию на какую-то мудреную историческую тему. Методичный народ датчане и малонервный.

Теперь, защитившись, он получил возможность активно включиться в дело, чтобы, пользуясь научным методом логического мышления, вычислить преступника. С этой целью молодой ученый составил в хронологическом порядке список событий и отправился на переговоры к герру Мульдгорду.

Как будто мало нам было всех этих забот, так еще чуть ли не каждый день в четыре часа утра нас стал будить телефон. Это звонила из Австралии некая Кенгуриха, приятельница Алициной сестры. Сестра с семьей жила в Польше, в сельской местности, телефона у них не было, а в Кенгурихе вдруг взыграли сентиментальные чувства, и она каждый день желала знать состояние здоровья Алициной сестры и ее зятя, просила передать им самые лучшие пожелания и заверяла в своей неизменной к ним любви. И еще она просила обязательно передать им, что она, Кенгуриха, намерена-таки когда-нибудь выбраться в Европу и лично заверить их в своих чувствах.

После одного из очередных ее звонков в четыре тридцать восемь утра вырванная из сладкого предутреннего сна Алиция сказала мне, скрежеща зубами:

– Я уже начинаю мечтать о том, чтобы она поскорей приехала в Европу и заночевала в моей постели. Вот сегодня она позвонила лишь для того, чтобы осчастливить нас информацией, что любит путешествовать в марте. Какое мне дело до того, в каком месяце она любит путешествовать? И кроме того, теперь я должна бросать все и сидеть дозваниваться сестре на работу, чтобы узнать, не схватила ли та насморк, чтобы завтра опять в неурочное время передать эту информацию австралийской идиотке!

Я всецело разделяла Алицино возмущение и, раздрающе зевая, поинтересовалась:

– Может, она ненормальная?

– Какое там ненормальная! Просто обыкновенная идиотка. Ей и в голову не приходит учесть разницу во времени между Европой и Австралией.

– А зачем же каждый день звонить? Скажи ей раз и навсегда, что все здоровы, и дело с концом.

– Видишь ли, она всякий раз забывает о чем-нибудь меня известить, разумеется, о какой-нибудь глупости, вот и звонит опять. В конце концов, это пожилая женщина и скучает по родине своих польских предков. Господи, когда уж у сестры установят телефон, чтобы она звонила прямо туда!

Состояние нервов Алиции вызывало серьезные опасения. Она была теперь постоянно раздражена и выходила из себя по самому ничтожному поводу. Мы с Зосей объясняли это чрезвычайными событиями в Аллероде и сверхпрограммными звонками Кенгурихи, но, как вскоре выяснилось, мы знали еще не все. Дело оказалось значительно хуже.

Я как-то совсем не придавала значения тому факту, что Алиция несколько раз звонила с работы и интересовалась, не пришло ли письмо из Англии. Каждый раз мы ей отвечали отрицательно. В тот день, когда я дала утвердительный ответ, Алиция вернулась очень поздно и сразу набросилась на корреспонденцию. Поспешно разорвав конверт, она стала читать пришедшее из Англии письмо и после первых же слов страшно побледнела.

– Холера! – сказала она голосом бешеной фурии в тот момент, когда ее (фурию) душат за горло.

И тут в дверь постучала кухня Грета.

Как легко, оказывается, можно убить человека! И Зося, и я одновременно подумали об этом, когда постучала кухня Грета. А Грета так и не узнала, что была на волосок от насильственной смерти, и только наше поразительное самообладание позволило ей остаться в этом мире и не переселиться в иной. Строя приветственные гримасы кухне Грете, я все-таки сделала попытку выпытать у Алиции, что за убийственная весть содержалась в роковом письме.

– Ради бога, что случилось?

– Ужасная вещь! – ответила Алиция, с усилием заставляя себя оскалить зубы в неудачной имитации приветливой улыбки, адресованной кухне. – Думаю, этого я не выдержу. Впрочем, не уверена, до конца я не успела дочитать.

Мне стало плохо.

– Ты куда дела письмо? – зловеще прошипела я.

– Да вот оно... Гляди-ка, нету... Куда же я его положила?

Зося издала тихий стон. Если пропадет еще одно письмо, подумала я, буду сама вскрывать всю корреспонденцию, не дожидаясь Алиции. К кухне Грете, которая и раньше не особенно нам нравилась, мы питали теперь прямо-таки ненависть.

Было ей двадцать семь лет, а выглядела она на все пятьдесят. Лицом Грета походила на лошадь, а телом на корову. Однако самым

замечательным в ней были гигантские ноги. Впрочем, и общей массы тела с избытком хватило бы как минимум на трех обычных женщин. Излишек ног компенсировался полным отсутствием талии. Этакий внушительный столп на могучих подпорках, увенчанный лошадиной мордой, чтоб ей...

Излишне (на мой взгляд) снисходительная к своим датским родичам, как, впрочем, и ко всем остальным представителям рода человеческого, Алиция как-то даже серьезно рассердилась на меня, когда я высказала свою точку зрения по поводу внешности этой молодой дамы. Алиция утверждала, что я преувеличиваю (преувеличиваю! Как будто это возможно!), что Грета очень даже красива, а мое утверждение, будто польки красотой на голову превосходят датчанок, есть не что иное, как чистой воды шовинизм. В подтверждение своего тезиса я привела в пример несколько малокрасивых датчанок и узнала, что у меня отвратительный характер и такой же вкус. Больше я этой теме не затрагивала.

Но сейчас я просто не смогла сдержаться (принесла же ее нелегкая так некстати!), отвращение бушевало во мне, как буря в степи, и я дала ему выход, с ненавистью прошептав Зосе:

– Посмотри на них! Внимательно посмотри на них! На сколько лет Алиция ее старше, а как выглядит? Сильфида да и только! Чистая сильфида! Хотя и фигура у нее не ахти, и юбка на заднице вытянулась, а на животе как жеваная, и все равно. Если рядом с Агнешкой Алиция выглядит как пугало огородное, то рядом с Гретой – просто нимфа! Как же тогда выглядит Грета?

– Как корова! – припечатала Зося. – А сейчас оставь Грету в покое, надо искать письмо.

Обуздав свои чувства, я попыталась сосредоточиться.

– Значит, если дедуктивным методом... Вот здесь она стояла, когда начала читать. Явилась эта корова... А я, дура, еще ей дверь открыла! Надо было наоборот, с этой стороны подпереть... Я ей открыла, а Алиция в тот момент стояла за мной. И держала письмо еще в руке. А что она сделала потом?

– Это я тебя спрашиваю, что она сделала! Я ведь была в кухне и дверей кому не надо не открывала! Алиция, должно быть, вышла к ней в прихожую, а когда они вдвоем вошли в гостиную, письма уже у нее в руке не было. Может, успела зайти к себе в комнату?

Мы заперлись в Алициной комнате и после непродолжительных поисков нашли письмо на ночном столике у кровати, тщательно укрытое в куче рекламных проспектов. Нам и в голову не пришло бы искать его именно там. Обнаружили мы конверт лишь потому, что нечаянно сбросили упомянутую кучу на пол, а поднимая, начисто забыли о письме, увлекшись рекламируемыми товарами и со вниманием рассматривая каждый из проспектов особо.

– Теперь я его спрячу, – решительно сказала Зося. – А ты смотри и запоминай где.

Я посоветовала:

– Выбирай какое-нибудь недоступное для нее место, а то обязательно переложит, и тогда уже не найдешь. Вот, в сумку спрячь. Или, может, в чемодан? Отдадим, когда эта тумба отвалит.

– Ладно, давай в чемодан. Смотри, вот сюда засовываю, за подкладку, будь свидетелем.

Мы с Зосей были очень довольны собой – до ухода кухни Греты, которого с трудом дождались, после чего коллективно извлекли письмо и с торжеством вручили его Алиции.

– Хороши! – снисходительно бросила Алиция. – Это то самое теткино письмо, которое я не могла найти. Не видите, что ли? Датским ведь языком написано. А то было по-польски, от Бобуся из Англии. Куда же я его могла сунуть?

Мрачно поглядев на нее, я опять вступила на путь дедукции и выдвинула ящик подзеркальника в прихожей. Письмо лежало сверху.

– Теперь то? – с беспокойством спросила Зося.

– Да, на этот раз то самое.

– Ну, слава богу!

– Быстрее читай! – потребовала я. – И скажи, черт возьми, что же случилось?

Мы зажгли ей сигарету, подали пепельницу, Зося даже отправилась в кухню – приготовить Алиции свежий кофе. Так мы ее ублажали, лишь бы она дочитала проклятое письмо. Ясно было – письмо содержит в себе нечто ужасное. Но что именно?

Алиция дочитала-таки письмо, выронила его из рук, какое-то время просидела неподвижно, а потом, как бы выпуская излишки пара, прошипела с холодной яростью:

– Только этого не хватало! Мало нам было всего, что тут делается! Скучно нам было! Ничего, теперь станет веселее!

Мы в молчании выжидательно смотрели на нее.

– В конце концов, плевать я хотела на их конспирацию! – продолжала бушевать Алиция. – Они с ума сходят, а я должна соблюдать приличия! Что-бы их ублажать, всех остальных мне из дома повыгонять? Дудки! Не дождутся они этого! Да и полиция запретила нам покидать дом. А вы, если не слепые, то и сами все поймете!

– Нет, нет, мы не слепые, – поспешила я уверить ее, боясь, что сомнения в этом аспекте могут заставить Алицию отвлечься.

– Ну так вот. Бобусь возмечтал встретиться с Белой Глистой. Для свидания они не нашли лучшего места, как здесь, у меня в Аллероде. И даже, паразит, не соизволил спросить разрешения, просто извещает о приезде как о деле решенном. Любовь у них, видите ли, чтоб им... У меня все эти любви уже в печенках сидят. Я еще надеялась, что эта кикимора не получит загранпаспорт. Так нет же, едут!

Я поняла Алицию с полуслова. Бобусь, ее давнишний польский знакомый, был на редкость мерзким типом и величайшим пройдохой. Сбежав из Польши еще несколько лет назад, он обосновался в Лондоне, выгодно там женился на очень милой, славной, а главное, богатой девушке, которой Алиция очень симпатизировала. И все удивлялась: как та не разглядела этого мерзавца?

В Англии Бобусь удивительно быстро сделал финансовую карьеру – разумеется, с помощью богатого приданого жены.

Белая же Глиста была большой любовью Бобуся и женой одного из польских Алициных знакомых. Бобусь полюбил Глисту еще в дни их польской молодости, но тогда она не отвечала ему взаимностью. Любовь, как вулканическая лава, изверглась из сердца Белой Глисты несколько лет назад, когда та, пребывая в Париже в загранкомандировке, встретила разбогатевшего Бобуся. У Глисты, разумеется, хватило ума не требовать от него развода – тогда бы он достался ей сирым и нищим. В результате, не имея возможности, увы, соединить свою судьбу с драгоценным Бобусем, Белая Глиста придерживалась, на всякий случай, собственного мужа, не изъявляя пока желания покинуть польскую родину навсегда. Ей вполне хватало кратковременных романтических выездов за рубеж для свидания с

Бобусем, после которых она возвращалась на родину вся обвешанная драгоценностями, сверкая и переливаясь, как рождественская елка.

Разумеется, романтические свидания держались в большом секрете от обоих супругов.

Алиция же, зная об аморальном поведении Бобуся и его зазнобы, выходила из себя. Белую Глисту она терпеть не могла, но с ее мужем находилась в приятельских отношениях и из симпатии к нему не могла порвать с ней. Бобуся Алиция не выносила, но очень любила его славную жену, и из-за этого же не могла себе позволить захлопнуть перед ним двери своего дома. К тому же приходилось считаться с давними традиционными связями Бобусевой родни с Алициной. Да и ей самой в дни ее молодости в Польше он казался вполне порядочным человеком, не очень удачливым в жизни и достаточно несчастным из-за своей безответной любви к Глисте. Неузнаваемо переродился он после своего постыдного бегства на Запад, став обладателем солидного капитала и откровенно презирая всех своих не столь состоятельных родственников. Когда же он стал счастливым обладателем и Белой Глисты, его самомнение выросло поистине неимоверно. Алиция по глупости пыталась было раскрыть Бобусю глаза на истинную природу чувств Глисты, за что Бобусь сразу же и навсегда невзлюбил Алицию, хотя и продолжал пользоваться ее гостеприимством и выгодами проживания в Дании.

Зося прекрасно знала и Бобуся, и мужа Белой Глисты. Известие о сентиментальном романе было для нее совершенной неожиданностью. До сих пор нежелание Алиции поддерживать отношения с Бобусем она объясняла мерзким характером последнего и его подлым бегством на Запад.

– Как это роман? – не могла она понять. – И кто такая Белая Глиста?

– Жена Славомира. Она еще всегда ходит в белом.

– Но как же это? Ведь она еще совсем недавно при мне рассказывала, что виделась с Бобусем, чтобы обсудить какие-то общие дела... Как же это? Ведь Слаvek с Бобусем дружат...

– Ну и наивность! Общие дела, в самом деле... У Бобуся и Белой Глисты.

– И они хотят встретиться здесь? – с возмущением спросила Зося, выслушав наш рассказ. – Может, еще благословения у тебя попросят?

Надеюсь, ты не разрешишь им приезжать к тебе!

– Поздно. Они уже выехали. Будут здесь завтра, самое позднее – послезавтра. И не спрашивали они никакого разрешения.

– Может, с ними здесь что-нибудь случится? – выразила Зося наши общие надежды. – Я удивляюсь, как еще у них хватает смелости явиться в этот зачумленный дом. Ведь ни один приезжий не уцелеет, практика показала.

– Постучи по некрашеному дереву! – возмутилась хозяйка «зачумленного» дома. – Они же не знают, что здесь происходит, я об этом не писала.

– Газет не читают? Вся пресса пишет о нас!

– Ну, во-первых, не вся, монополию захватила Анита. А, во-вторых, наши фамилии нигде не называются. А, в-третьих, покаковски они должны читать? По-датски?

– А, в-четвертых, любовь их ослепила и оглушила, – ядовито добавила я.

Алиция рассмеялась:

– Чья бы корова мычала...

В ответ на удивленный Зосин взгляд я пояснила:

– Эта язва меня высмеивает. Ты знаешь из-за чего, я тебе говорила в Варшаве. Да ты и сама заметила...

– Как, это у тебя еще не прошло? – удивилась Зося. – А выглядишь вполне нормальным человеком. Ну, а он?

– Более-менее так же...

– Интересно, я когда-нибудь узнаю, кто он такой? – спросила Алиция.

– По слухам, нечто необыкновенное, – ответила Зося. – Впрочем, однажды я его видела, так скажу тебе – вполне, вполне... После этого я перестала удивляться, что Иоанна продержалась всего неделю. Так ведь?

– Пять дней, – честно призналась я.

– Ну, так кто же он в конце концов?

– Да перестаньте вы! – резко сменила тему Зося. – Тут надо срочно решать, что делать с Бобусем и его выдрой. Лично я ради Бобуся не намерена освободить помещение. Разве что Агнешка уедет. Долго она намерена тут еще торчать? Не выношу ее!

– Вряд ли уедет, – со вздохом ответила Алиция. – У нее нет денег, она ждет, пока ей пришлют родственники из Англии. Кстати, где Павел?

– В Копенгагене. На посту в «Англетере». Зося его погнала, чтобы уберечь от когтей вампирши...

Зося пожала плечами и поинтересовалась, где же упомянутая вампирша.

– Не знаю, – сказала Алиция. – И вообще, я ее сегодня не видела. Думала, она уже спит. А кто из вас видел мой старый халат?

– Если ты имеешь в виду тот, в красный цветочек, так его после ванны надела Агнешка и ходила в нем.

– Хороша! Приехать в чужой дом и без зазрения совести носить чужие вещи! – фыркнула Зося.

– Откуда ей взять свои вещи, если ее рюкзак пропал в катастрофе? Пусть себе ходит в моем халате. Я возьму другой.

Павел вернулся поздно и в очень плохом настроении, ибо искомого брюнета так и не увидел. Я, конечно, могла ошибиться и принять кого-то другого за знакомого Эдика, но в «Англетере» Павел не видел никого, даже отдаленно напоминавшего нашего красавца.

Я встревожилась – терялся единственный след.

– Надо было позвонить Эве, – сказала Алиция, – и проверить, дома ли она или шляется где со своим аферистом. А сейчас уже поздно.

– Почему поздно? Мы можем узнать, когда она вернулась.

– Уже второй час ночи. В Дании в это время звонить не принято.

– А преступления в Дании совершать принято? Раз в твоём доме убивают, ты имеешь право звонить в любое время суток. В конце концов, и Эва и Рой в числе подозреваемых.

Четверть часа понадобилось на то, чтобы убедить Алицию. Она позвонила Эве, разбудила ее домработницу и узнала, что дома нет ни Эвы, ни Роя, причем они находятся в разных местах и оба по делам службы. Эва организует выставку польского фольклора, а Рой – датской археологии. Я, разумеется, не поверила.

– Браки все это. Эва путается с хахалем, а Рой следит за ними. Хотя их обоих я очень люблю и хотела бы верить.

– Может, благодаря этому хоть одно убийство произойдет где-нибудь в другом месте, – высказала Алиция робкую надежду. – Я

отнюдь не настаиваю, чтобы все было только у меня.

* * *

– Где Агнешка? – спросил Павел на следующий день после завтрака.

– А тебе что за дело? – сразу вскинулась его мать. – Спит еще небось.

Меня вдруг укололо беспокойство. Осторожно, стараясь не взволновать понапрасну ближних, я сказала:

– Мне очень не хотелось бы снова выступать в роли провидца, но Владя с Марианной еще спали, тетя еще спала, теперь Агнешка еще спит...

Какое-то время Зося с Павлом, не мигая, смотрели на меня, потом сорвались с мест и помчались в последнюю комнату. Я бросилась за ними.

Перед запертой дверью мы затормозили.

– Боюсь! – сказала Зося. – Может, сначала в окно заглянем? О господи, боюсь!

Набравшись храбрости, я постучала в дверь. Ответа не было. Я постучала сильнее. Ну точь-в-точь, как с тетей. Что делать? Двум смертям не бывать. Я открыла дверь и заглянула в комнату. Комната была пуста. На кровати, похоже, не спали.

– Можешь открыть глаза, – сказала я Зосе. – Нет тут ее, ни живой, ни наоборот. И, кажется, вообще не было. И, выходит, ночью я понапрасну бегала вокруг дома.

– Слава богу! – с облегчением выдохнула Зося. – Не люблю я ее, но худого ей не пожелала бы. И куда она могла деться?

– Понятия не имею, со вчерашнего дня я ее не видела. После того, как она отправилась мыться в ванную.

– Не утонула же она в ванной! Но, постой, я ведь ее тоже вчера весь вечер не видела. Может, стоит позвонить Алиции?

– Может, и стоит, да нельзя. Алиция носится по городу по своим наследственным делам. Ничего, узнает, когда вернется, а до тех пор Агнешка, может быть, еще и проявится.

Мы с Павлом собрались поехать в гостиницу «Англетер», чтобы вдвоем поохотиться на черного парня, но Зося заявила категорически, что ни за что не останется одна в этом кошмарном доме, где люди не

только становятся жертвами преступлений, но и исчезают самым непонятным образом. На всякий случай мы обыскали дом, заглянули под все кровати, во все шкафы и сундуки. Павел тщательно осмотрел сад. Агнешки нигде не было. Атмосфера тревоги и беспокойства овладела нами.

Позвонила Эва, чтобы узнать, почему мы среди ночи будим ее домработницу. Она, Эва, беспокоится. Алиции нет на работе, не стряслось ли чего...

Разозлилась я жутко. Какое отвратительное лицемерие! И это Эва, которую до сих пор я считала совершенно неспособной на такого рода ханжеское двуличие. Внимательно вслушиваясь в каждое произносимое ею слово, я пыталась в самом тоне найти подтверждение страшным подозрениям.

– А что с этим твоим... бывшеньким? – осторожно поинтересовалась я.

– Ох, ничего! – небрежно бросила Эва. – Ох, не знаю... Доставил он тут мне хлопот, но, кажется, удалось развязаться. И не напоминай мне о нем больше, я хочу забыть о его существовании!

И в тоне, каким было это сказано, прозвучала такая искренность, что вполне можно было ей поверить...

После Эвы позвонила Анита, не скрывая надежды услышать что-нибудь новенькое. Будь я убийцей, подумала я, тоже звонила бы в притворно беззаботном предвкушении новостей. Ей я сказала об исчезновении Агнешки. Анита очень этим заинтересовалась и вынудила меня поднапрячься, чтобы уточнить время, когда мы видели ее в последний раз. Получалось, что Агнешка исчезла с глаз людских вчера около восьми часов вечера. Интересно, куда она могла подеваться в такое время, да еще в Алицином халате?

Затем позвонила Алиция с сообщением: Бобусь с Белой Глистой придут еще сегодня вечером часов в девять. Делайте что хотите, сказала Алиция, разбейтесь в лепешку, но хоть какой-нибудь ужин должен быть. Она, Алиция, не переживет компрометации в глазах этой... И даже довольно точно определила, какой именно.

В ответ я тоже сделала сообщение – исчезла Агнешка. Алиция велела мне самой связаться с господином Мульдгордом, ей сейчас не до того. Я попыталась выполнить эту задачу и позвонила по тому телефону, что он нам оставил, но его там не оказалось. Впрочем, не

исключено, он там все же был, да только датские полицейские не нашли ничего общего между ним и его фамилией в моем произношении.

Затем звонили еще всякие знакомые Алиции и на разных языках просили передать ей разные вещи. Я аккуратно записывала, обещая передать. Зося яростно гладила выстиранное вчера белье, ворча под нос:

– Она совсем сдурела, разве так можно, а тут еще Агнешка как сквозь землю провалилась, а на голову сваливается Бобусь со своей Глистой... Не известно, кто следующий... Удивляюсь, почему полиция не протестует, ведь кто ни приедет, раз – и готов. По всем больницам распаханы. Постельное белье и полотенца, постельное белье и полотенца – не напасешься, как в гостинице.

Павел, очень недовольный жизнью, угрюмо раскапывал второй курган. Пришлось заниматься этим мало интересным делом вместо захватывающей слежки за преступником. А тут еще вчера Алиция устроила ему скандал, оскорбленная подозрением, что у нее водятся крысы. Если быть точным, то Алиция протестовала против наличия крыс не только в ее доме, но и во всей Дании, что же касается скандала, то его выполнила в основном Зося в рамках своих воспитательных родительских обязанностей. Ее не смягчило наше с Павлом чистосердечное раскаяние в отношении крыс и тот факт, что мы без малейшего возражения согласились сменить их на ласку, барсука и даже выдру. Впрочем, мы согласились бы считать наш могильник жилищем носорога, если бы это могло доставить Зосе с Алицией удовольствие.

Алиция вернулась около шести, и почти тут же нашелся господин Мульдгорд. Он сам позвонил и очень вежливо, но твердо потребовал, чтобы кто-нибудь из нас отправился осмотреть подвал. Довольно долго Алиция пыталась убедить его, что в ее доме подвала нет. Оказалось, полицейский имеет в виду помещение под мастерской. Именно его требовалось осмотреть немедленно и о результатах сообщить по телефону.

Ясное дело, в мастерскую помчались мы все, покинув начатый обед. Не дождавшись, пока Алиция включит свет внизу, Павел первым стал спускаться по ступенькам и на последней резко остановился, как будто врос в землю. Точнее, он бы врос, да я помешала. Следуя за ним

по пятам и не предугадав его намерения, я, естественно, налетела на него, и в момент включения света мы оба свалились вниз, прямо на ящик с искусственными удобрениями. Я услышала за собой стенания Зоси и шаги сбегавшей вниз Алиции.

Агнешка, скрючившись, лежала в углу у стола, на котором в большой картонной папке хранились репродукции памятников архитектуры. Папка была раскрыта, одна из репродукций упала на пол раньше Агнешки и теперь уже ни на что не годилась. На Агнешке был халат в красный цветочек. Стол, стена, пол – все было забрызгано кровью. На сей раз орудием преступления послужил валяющийся тут же старый молоток, в котором Алиция опознала свою собственность. По всей видимости, именно им была разбита голова жертвы. Павел выкарабкался из искусственных удобрений.

– Цветы красные, – бормотал он, дрожа всем телом, – лампа красная, кровь красная. Все красное...

– Перестань! – крикнула ему Зося с верхней ступеньки лестницы.

– Много идиотских мыслей приходило тебе в голову, но эта превосходит все! – с гневом бросила мне Алиция.

Я пожалала плечами. Не подчеркивать же в столь горестный момент, что сама жизнь подтвердила правильность моего перевода названия Аллерод. Вместо этого я сказала:

– Потрогай, может, она еще жива. В конце концов ты в этом разбираешься лучше нас, как бывшая медсестра.

Алиция с сомнением взглянула на разбитую голову Агнешки и отказалась ее трогать:

– По-моему, дело безнадежное, и трогать нечего. А если это опять сотрясение мозга, то тем более лучше не трогать. Вызовем на всякий случай «скорую».

Слабонервная Зося не выдержала страшного зрелища и убежала из мастерской, на ходу выкрикивая отрывистые фразы, из которых можно было понять, что ее мучают угрызения совести. Не любила она Агнешку, хотела как можно скорее от нее избавиться, и вот, пожалуйста...

– Да, – сказала Алиция дрожащим голосом в трубку телефона. – Да, есть подвал. То есть, я хочу сказать, есть Агнешка в подвале... Кажется, мертвая...

Зося тем временем уже выкрикивала другие отрывистые фразы:

– Ради всех святых! Не принимай у себя Бобуся и Белую Глисту! Я этого больше не вынесу!

– А мне казалось, ты уже немного привыкла, – заметила я, получив в ответ полный ужаса взгляд несчастной Зоси. Алиция же, повесив трубку, произнесла странную фразу:

– Почему же? Если кого и принимать, то именно Бобуся с его Глистой. Я ведь все еще жива...

Господин Мульдгорд вызвал «скорую», которая явилась через десять минут. Столпившись на ступеньках лестницы, ведущей в подвал, мы с волнением следили за действиями врача. Агнешка – такая красивая, такая молодая вызывала теперь сочувствие даже у Зоси. Нам казалось крайне несправедливым, если бы после всех неудачных покушений нашего убийцы именно это оказалось удачным.

– Жива! – сказал врач. – Сотрясение мозга и большая потеря крови. Осторожно!

– Чудо! – единодушно решили мы. Страшный, залитый кровью подвал... Со вчерашнего вечера Агнешка имела право умереть несколько раз и, несомненно, умерла бы, промедли еще немного господин Мульдгорд со своим требованием осмотреть подвал. Тем не менее Алиция вслух выразила то, что мы о нем думали:

– Дурак какой-то! Если знал о подвале, почему не позвонил раньше?

– Ведь успел же, не придирайся к человеку!

– Интересно, откуда ему в голову пришла мысль о подвале?

– Ну как же! Ведь мы сообщили об исчезновении Агнешки...

– Ничего подобного, – прервала я. – Ничего мы не сообщили. Пыталась я сообщить, да его нигде не нашла, так что ничего он не знал.

– Выходит – знал. Откуда, интересно?

Это вскоре выяснилось, а пока Зося умоляла Алицию упросить врача поместить Агнешку в ту же больницу, куда увезли тетю, «не то придется нам по всей Дании разъезжать, навещая в больницах твоих гостей».

Прибывший вскоре господин Мульдгорд удовлетворил наше любопытство, не делая тайны из источника своей информации. Его человек, скрытый в зарослях, видел, как уже в сумерках Агнешка через садовую дверь вошла в мастерскую. Затем слабый свет блеснул в

окнах мастерской и по характеру освещения наблюдатель заключил, что свет зажгли в полуподвальном помещении. Затем он заметил, как кто-то вошел следом за Агнешкой, свет потух, а неизвестный вышел и скрылся в сгустившейся темноте. Агнешку он опознал по светлому халату, да и видел ее еще до наступления темноты, второго же человека распознать не мог, ибо уже стало темно, а тот был в темной одежде, кажется, в брюках. Наблюдателя не обеспокоил факт, что Агнешка не вышла из мастерской, он знал о существовании внутренней двери. Но чувство ответственности велело ему сообщить обо всем коллеге, пришедшему его сменить.

Заступивший на дежурство агент весь следующий день ни разу не видел Агнешки, хотя специально высматривал ее. Поскольку же ему было строго-настрого запрещено не только приставать к обитателям дома, но и просто показываться им на глаза, он не пошел сам выяснять, куда запропастилась Агнешка, а сообщил начальству о своих опасениях...

Узнав о том, что халат на Агнешке принадлежал Алиции, господин Мульдгорд кивнул головой.

– Истинно глаголю вам – убивец ходити путем своим. Убивец узревши дама и возомниху – та дама. И следовал по стопам ея в подземелье. Дама взираху на образа быв увлечен вельми, не взираху вспять. Во оноже время убивец молот подвогнул и ударяху. Какова еси година?

Мы хором ответили – без четверти восемь. Оказалось, господин Мульдгорд задавал вопрос не нам, а себе. Заглянув в свои записи, он продолжал:

– Да, восемь годин и семь минут.

– Значит, меня еще не было, – заметила Алиция. – Хотя... Меня действительно еще не было?

– Не было. Ты вернулась около девяти и тут же пришла Грета.

– А где я была?

– Тебе, наверное, лучше знать? Небось, по наследственным делам ездила.

– А, правильно! В это время я с Енсом сидела у адвоката. Кстати, Енс не звонил?

– Звонил. Велел передать тебе, что уже не нужна та бумага, о которой вы говорили.

– Что ты говоришь! Не нужна? Как хорошо! Потому, если нужна, мне пришлось бы сейчас ему везти, а я сейчас должна была ехать... О господи! Бобусь и Белая Глиста! Я должна была ехать их встречать!

– Может, с цветами в руках? – ядовито поинтересовалась я. – Бобусь не паралитик, сами доберутся.

Господин Мульдгорд пытался продолжить расследование. Дело продвигалось с трудом, ибо мы уже целиком переключились на предстоящий приезд новых гостей. Ситуация в доме несколько улучшилась, ведь Агнешка освободила место...

– Если они воображают, что я проявлю по отношению к ним тактичность – ошибаются! – мстительно говорила Алиция. – Не проявлю! Пусть спят в одной комнате! Там, где спала Агнешка, тахта двойная, достаточно разложить...

– И будут у меня под носом? Ну уж нет, пусть спят на катафалке.

– На катафалке они вдвоем не поместятся, Бобусь слишком толстый...

– А я тут при чем? Пусть худеет!

– А ты скажи, что другого места, кроме катафалка, нет, – внесла предложение Зося. – Ну, ты понимаешь, я имела в виду этот памятник.

– Как же, Бобусь прекрасно знает, что есть. Когда был здесь последний раз, сам мне помогал раскладывать тахту. Он рассчитывает, что я предоставлю им каждому по комнате для соблюдения приличий. Плевать я хотела на их приличия!

– Ну, может, так будет лучше, – тоже мстительно согласилась Зося. – Комната с тахтой проходная. Чтобы ты мне не смела бегать вокруг дома! – обратилась она ко мне. – Будешь ходить через них, и чем чаще, тем лучше! А как у тебя со здоровьем? Алиция, может, дать ей чего для расстройства желудка?

– Тогда уж проще надеть на Иоанну мой халат!

– Разумеется, если убийца как следует постарается, я смогу их посещать уже ставши привидением, – разозлилась я. – И никаких слабительных принимать не буду! Если надо, могу делать вид, что прохожу через их комнату, хлопать дверью и шаркать ногами, но вновь и вновь видеть Бобуся – выше моих сил! К тому же в дезабилье...

– Паки были гости в сим жилиште намедни алебо днесь? – поинтересовался господин Мульдгорд.

– Нет, не были, но вот-вот будут сегодня, – небрежно бросили мы и продолжали свою дискуссию.

Видя, что мы поглощены своими делами и совершенно не способны сосредоточиться на делах следственных, господин Мульдгорд попытался было сделать ставку на Павла, но и от него было мало толку, ибо из всех аспектов следствия его интересовал лишь один: где скрываются полицейские наблюдатели. Пришлось господину Мульдгорду прекратить свои изыскания. Полицейская машина со следственной бригадой покидала наш дом как раз в тот момент, когда перед ним остановилось такси с Бобусем и его любовницей. Забытый всеми в сутолоке встречи господин Мульдгорд с интересом рассматривал вновь прибывших.

– Ничего удивительного, – ехидно заметил Бобусь, услышав о несчастной Агнешке. – Когда в доме такой беспорядок, как у тебя... Небось, пищевое отравление?

И этим бестактным замечанием погасил в зародыше слабую симпатию к себе, пробудившуюся было в наших сердцах от счастья, которое мы испытали при виде ужасающе растолстевшей Белой Глисты. Какая жалость, что он не попал к нам в момент обнаружения пострадавших Влади с Марианной или хотя бы Казика! Я решительно повернулась к Павлу:

– Немедленно верни мне лупу! Где она?

В глазах Алиции и Зоси я прочла полное понимание. Никаких средств безопасности для Бобуся с его Глистой!

– Ах нет, – с искренним сожалением ответила Алиция. – На сей раз удар молотком. Но ты не расстраивайся, мы надеемся, что пищевое отравление еще будет.

– А! – ворвался в наш разговор господин Мульдгорд. – Очи мои зрят новые гости?

– Да, – подтвердила Алиция. – Я очень люблю гостей. Проходите, проходите! И извините, что я не встретила вас – просто не успела, сами видите, что тут происходит. Это уже шестая жертва в моем доме. Как я рада видеть вас!

Суматоха в доме постепенно стихала. Господин Мульдгорд уехал, Бобусь и Белая Глиста, весьма шокированные тем обстоятельством, что их поместили в одной комнате, отправились спать. Мы навели порядок после ужина – он же обед – и вздохнули с облегчением.

– Зачем ты им сказала, что это уже шестое преступление в твоём доме? – набросилась Зося на Алицию. – Ещё испугаются и уедут.

– Я их честно предупредила. Пусть знают, и если решат остаться, то на свой страх и риск. Они люди взрослые, пусть сами о себе заботятся. Видели, как они надулись, когда вас увидели у меня? Им, видите ли, не понравилось, что в доме столько людей, им, видите ли, хотелось тишины и уединения. А тут я ещё осмелилась поместить их в одной комнате, теперь вся Европа узнает...

– Ну, теперь-то они уже обязательно уедут, живые и невредимые, – с сожалением сказала Зося.

Я сделала попытку успокоить ее:

– Кажется, Белая Глиста действительно малость перепугалась, но Бобусь, похоже, не поверил Алиции, решил, что она пугает исключительно в рекламных целях, набивает цену своему дому.

– Ох, вся надежда на то, что Бобусь всегда был дураком...

Алицию переполняла мстительная радость:

– Нет, вы обратили внимание, как ее разнесло? Смотреть страшно! Такие отложения жира. Она выглядит на десять лет старше, чем должна!

– А ты чего радуешься? – удивилась я. – Боюсь, даже в темноте ее трудно перепутать с тобой, ведь она в три раза тебя толще. Я просто не представляю, как в такой ситуации убийца может ошибиться.

– Тетя тоже не очень походила на меня, – спокойно возразила Алиция. – Уже не говоря о Казике или Владе. Я даже жалею, что не положила их на своей постели. Не обязательно обоих, хотя бы по одному. Не стоит, пожалуй, усложнять задачу нашему убийце...

– Ты права, надо создать ему условия. Я бы завтра с утра отправилась по делам, – размечталась Зося, – ты поезжай на работу, Павел и Иоанна пусть подежурят в какой-нибудь гостинице. А Бобуся с Глистой уговорим отправиться на экскурсию.

– Пусть осмотрят замок в Хиллероде, – предложила я неуверенно.

– Бобусь уже осматривал.

– Но Белая Глиста не осматривала. Если мы можем по шесть раз его посещать, то и они смогут.

Алиция покачала головой:

– Боюсь, на замок в Хиллероде их не уговорить. Скорее уж замок Гамлета или какая-нибудь картинная галерея...

Я не очень настаивала на своем предложении, ибо понимала, что вторичное посещение замка в Хиллероде – удовольствие сомнительное. Я, например, была там шесть раз, знакомя с ним приехавших в Данию земляков, и, проводя экскурсию в шестой раз, пыталась передвигаться по замку с закрытыми глазами.

Просто невыносимо в шестой раз любоваться украшавшими стены замка портретами скандинавских властителей, хотя, надо признать, таких курьезных физиономий больше нигде не увидишь. Внешность дам вполне объясняла широко известную холодность джентльменов.

– А не помешает ему то, что завтра должна прийти фру Хансен? – поинтересовалась Зося.

– Вряд ли. Фру Хансен приходит ко мне на три часа, а нас не будет дома часов десять. Времени более чем достаточно. Идей у него хватает. Справится!

– Только бы ему не пришла в голову идея напустить нам в кровати ядовитых змей, – встревожилась я. – Вот уж чего не люблю! И даже если он охотится только за Алицией, все равно эта пакость расползется по всему дому. Вылавливай потом!

– Интересно все-таки, кто это? – задумчиво произнесла Алиция. – Мне лично кажется – полиция делает ставку на кого-то со стороны, не из наших. На кого-то, кто, может, и вправду сидел в кустах... И слышал крики Эдика. Или вообще специально охотился за ним.

– В кустах сидел Эльжбетин Казик.

– Правильно, сидел. И мог заметить что-нибудь...

– И убийца тоже мог его заметить. Вот и спешил убить тебя, прежде чем Казик тебе расскажет...

– Нелогично. После моей смерти Казик мог рассказать кому угодно. А убивать Казика путем подбрасывания отравы в моем доме... Ну нет, это уж чересчур сложно! Нормальные убийцы так не поступают.

– Да, кстати, а когда же этот Казик оклемается и сможет говорить? Ведь он же действительно мог что-нибудь заметить.

Алиция встрепенулась.

– Ох, совсем закрутилась и забыла вам сказать, он уже оклемался. И даже может говорить.

Нет, с ней не соскучишься! Мы ждем показаний Казика, как соловей лета, а она, видите ли, забыла! Столько надежд связываем с его показаниями, а она закрутилась!

– Ну знаешь! – возмутилась Зося. – Как можно забыть такое?! И что же он говорит?

– Ну! – включился Павел.

– Что он видел?

– Я бы сказала что, да выразаться неохота, – ответила Алиция. – То самое, что мы все. Его интересовала только Эльжбета, только ее он высматривал, следил только за ней и твердо уверен лишь в одном: это не она... Точнее, не ее ноги. Ее ноги он исключает. Они не останавливались за Эдиком и не могли пырнуть его стилетом. А что касается остальных ног, он не уверен.

– Вот кретин! – разочарованно протянул Павел.

– Действительно, гениальное наблюдение! – подхватила я. – Как будто вообще чьи-то ноги могут пырять! Неужели не мог последить за руками?

Зося всецело разделяла наше недовольство:

– Слепая команда! Сидел незамеченный, смотрел и ничего не увидел! Какой тогда смысл в сидении?

– Никакого, – согласилась Алиция. – Я и сама расстроилась, все-таки очень надеялась, он хоть что-то видел и я смогу прекратить поиски Эдикова письма. А что теперь делать – понятия не имею.

– Но делать что-то надо...

У меня давно была разработана своя концепция выявления убийцы – путем исключения. Я очень надеялась, что вчерашний день в этом плане что-то даст, а вот поди ж ты... Ни у кого нет алиби, ну как сговорились! Даже у нас...

Получив информацию о темной фигуре, которая вслед за Агнешкой вошла в мастерскую, герр Мульдгорд энергично принялся за дело и получил исчерпывающие данные о том, где в это время находились подозреваемые и чем они занимались. И ничего ему это не дало.

Эва ушла с работы раньше обычного и отправилась, по ее словам, изучать витрины магазинов для приобретения опыта в их оформлении, а затем поехала на готовящуюся выставку польского фольклора внести кое-какие коррективы в свои концепции. Домой она вернулась около

одиннадцати, и лишь этот факт подтвержден свидетельскими показаниями.

Рой, по его словам, провел весь день на морском берегу в окрестностях Шарлоттенлунда, где нырял с целью изучения морского дна. Его скафандр и в самом деле был мокрый, но это еще не доказательство алиби. А на его машину никто не обратил внимания.

Аниту Алиция видела в четыре часа, и Анита попросила Алицию подвезти ее на аэродром, где ей предстояло встретить каких-то зарубежных гостей. Алиция отказалась, так как очень торопилась, а потом Аниты никто не видел.

И у самой Алиции, как ни странно, алиби тоже не было. Она, по ее словам, в это время моталась по автостраде между Копенгагеном и Аллеродом, потому что забыла у адвоката сумку, возвращаясь от него, запуталась в дорожных развязках и, как ни билась, не могла отчитаться по меньшей мере за сорок минут.

– Я лично считаю, что случай с Агнешкой окончательно снимает с тебя все подозрения, – подумав, заявила я Алиции. – Ты могла убить Эдика – он чем-то отравлял тебе жизнь. Ты могла отравить Казика – он видел, как ты убивала Эдика, и тебе надо было избавиться от свидетеля. На худой конец, ты могла прикончить Владю с Марианной – из-за различий в мировоззрениях. А тетку – из желания получить после нее наследство. Ну и окончательно решить проблему, на «ты» вы с ней или на «вы». Но вот понять, какого черта ты покушалась на Агнешку, – свыше моих сил.

– А я это давно знаю, – буркнула Алиция.

– Что ты знаешь?!

– Что я их не убивала. Поэтому можешь свои доказательства оставить при себе. А вот что касается вас...

– Стойте! – прервала я, потрясенная внезапным открытием. – Мы тоже! Мы тоже отпадаем! Агнешка нас оправдывает.

– Каким образом?

– Самым обыкновенным. Давай рассуждать логично. Ведь мы исходим из того, что убийца охотится на Алицию, которая всю дорогу делает не то, чего от нее ожидают. Скажу тебе откровенно, дорогая, как жертва ты и в самом деле невыносима. С тобой даже самый уравновешенный преступник выйдет из терпения... Так вот, в этом последнем случае исключается и Павел, и мы с Зосей. Павла не было

дома, а мы с Зосей прекрасно видели, что Агнешка ходит в твоём халате, и никак не могли перепутать ее с тобой.

– Но ведь то же самое было и в случае с тетей, – вмешалась Зося. – Мы знали, что в кровати Алиции спит тетя.

– Так то ночью! Обуреваемый жаждой убийства человек ночью может совершить что угодно. А что касается случая с Агнешкой, то как раз около восьми мы с тобой вместе развешивали выстиранное белье, а до этого вместе его стирали, а потом обе крутились в кухне, и выходит – все время ни на минуту не теряли друг друга из виду. Или мы с тобой вместе совершили убийство, причем совершенно нам обоим ненужное, или нас можно исключить!

– Ненужное? Каждый имеет право немного развлечься во время отпуска, – встрял Павел и немедленно получил от Зоси по голове свернутым в рулон проспектом для садоводов.

– Да, все больше доводов в пользу кого-нибудь со стороны, – вздохнула Алиция, как будто это обстоятельство ее очень огорчало. – А Аните уже известно об Агнешке?

– Не знаю. Я сказала ей только о пропаже Агнешки. А что?

– Ну потому что я могла отвезти ее в аэропорт и тем самым обеспечить ей алиби. Не так уж я тогда торопилась, но она с ходу принялась расспрашивать меня о наших делах, и я поспешила от нее избавиться. Уж очень она нахально интересуется всем, нервов никаких не хватает. Пришлось соврать.

– Что соврать?

– Что мне надо быть в пять часов у адвоката, что до этого еще надо разыскать дома документы. Точно не помню, что уж я ей говорила.

– Напрасно ты так на нее сердишься, ведь она расспрашивает из профессионального интереса, и только благодаря ей ты избавлена от любопытства репортеров других газет. Ну как, завтра оставляем дом пустым?

– Оставляем, – решила Зося.

– Завтра мне надо побывать в больничной кассе. Завтра мне надо быть у Енса. Завтра мне надо сменить масло в машине. Завтра мне надо съездить в Виборг по наследственным делам. Ох, выгонят меня в конце концов с работы! – вздохнула Алиция.

День, проведенный в «Англетере», нам с Павлом никаких особых впечатлений не доставил. Сидя в холле гостиницы, мы с ним развлекались тем, что пытались отгадать, кто из проживающих в гостинице миллионер, а кто простой командированный. Питались мы по очереди сосисками в ближайшем киоске. Не увидев черного парня и преисполнившись к нему чрезвычайной неприязнью, мы под вечер покинули пост и по дороге рассуждали о том, каким образом избежать отравы, несомненно, обильно рассеянной по всему дому.

Дома уже все были в сборе. В Бобусе и Белой Глисте, как мы ни вглядывались, не могли заметить никаких обнадеживающих симптомов. И все равно Алиция с Зосей не могли отвести глаз от Белой Глисты. И в самом деле, было на что посмотреть. На ней были плотно обтягивающие тело брюки и такая же кофточка, так что казалось, она напялила на себя хорошо надутые автомобильные камеры – вид, наполняющий радостью душу каждой женщины. Почти одновременно с нами пришел Торстен.

– Вы как раз к ужину явились, – негромко сказала мне Зося в кухне. – Холера, Торстен тоже... Салат, сыры и паштет безопасны, их мы привезли с собой из Копенгагена. И салями. И кофе вот в этой банке. Маргарин, похоже, не трогали, но кто знает? Все прочее оставалось в доме, и что теперь делать?

– Подсовывать Торстену только паштет и салат, – решительно сказала я. – Датчане – они тактичные, и берут лишь то, что им предлагают. Надо о нем позаботиться. Помни, ради бога, о маринованных огурцах в банке. Их бы я в первую очередь оставила для Алиции.

И тут Бобусь, как по заказу, воскликнул:

– Алиция, что я вижу! У тебя есть маринованные огурчики? Нет, нет, не будешь же ты такой скупердяйкой! Может, все-таки переборешь себя и не пожалеешь для гостей?

Сказать такое Алиции! Теперь я всецело разделяла ее чувства к Бобусю, да и кто бы не разделил?

– Дай ему огурец! – шепнула я Зосе.

Зося с сомнением посмотрела на Бобуся, потом на меня, потом опять на Бобуся. Она явно колебалась.

– Ах, Бобуся, ну зачем ты так! – с ужимкой произнесла Глиста. – Может, Алиция дорожит этими огурчиками? Ведь здесь так трудно достать хорошие огурцы!

В глазах Зоси сверкнула молния. Не говоря ни слова, она схватила банку с огурцами, как следует ее встряхнула, чтобы перемешать маринад, и, сняв крышку, яростно принялась вытаскивать из банки огурцы.

Алиция с интересом наблюдала за происходящим, время от времени зловеще посмеиваясь. Торстен из своего кресла внимательно смотрел на них и наверняка ничего не понимал.

Бобуся же выпендривался перед своей ненаглядной Глистой.

– Что за бардак у тебя на столе! – важно выговаривал он Алиции, поворачиваясь вместе с крутящимся креслом к ее письменному столу. – Разве можно разобраться в этих бумагах? Нет, я бы в два счета навел тут порядок. Разложил их, выбросил ненужное, сложил как следует, полчаса – и дело с концом! Завтра же возьмусь за это.

«Глядишь – еще облегчит жизнь нашему убийце», – подумала я.

– Особенно легко ты расправишься с датскими бумагами, – сладко пропела Алиция.

– А что? Если человек умеет пользоваться словарем... Тут особого ума не надо.

– Надо хотя бы не особый, – проворчала Зося вполголоса, а я невинно поинтересовалась:

– Разве у вас есть польско-датский словарь?

– У меня есть все словари, – снисходительно, как маленькой, бросил Бобуся. – У культурного человека должны быть все словари.

– Для этого надо быть культурным человеком, – опять проворчала Зося, а я с той же невинной миной продолжала:

– Боюсь, на этом столе не найдется кулинарных рецептов. Здесь в основном документы другого характера.

Бобуся, казалось, был немного озадачен. Накрывавшая на стол Алиция замерла в предвкушении развязки – уж она-то понимала, к чему я веду разговор.

– А при чем здесь кулинарные рецепты? – подозрительно спросил Бобуся.

– Ну как же! Ведь польско-датского словаря в природе не существует. Существует лишь идиотский разговорник для туристов, так в нем все больше фразы насчет еды. Он вряд ли вам пригодится.

Алиция издала какой-то странный кашель, напоминающий удовлетворенное воркование. Бобусь же, лишь на секунду сбитый с толку, тут же обрел прежнюю самоуверенность, пренебрежительно махнул рукой и отъехал в кресле от письменного стола. А мне бросил поучающе:

– Неужели не понятно – можно ведь воспользоваться англо-датским или немецко-датским словарем. Любому дураку понятно.

– Ну, разумеется! – радостно подхватила Алиция. – Для этого требуется лишь знать английский или немецкий. Прошу к столу, ужин готов.

Дело в том, что Бобусю так и не удалось овладеть толком ни одним иностранным языком. Даже на английском он не научился свободно говорить, несмотря на многолетнее проживание в Англии. А при всем том он всегда и всюду выдавал себя за полиглота.

Мы нащупали весьма продуктивную тему для светского разговора за ужином, и вечер мог пройти чудесно, но, к сожалению, всех нас четверых – Алицию, Зосю, Павла и меня – всецело поглотила другая задача, и на дискуссию решительно не осталось сил. Я имею в виду благородную миссию охраны Торстена. Все мы сочли своим святым долгом смотреть ему в рот, контролируя потребляемые продукты. Лично я следила за горчицей, последовательно отодвигая ее каждый раз в недоступную для него область стола. Алиция решительно вырвала у него из рук банку апельсинового джема и подсунула сыр, что-то сказав по-датски, от чего Торстен малость обалдел и бросил на Павла исполошенный взгляд. Потом, когда за джем принялась Белая Глиста, он попытался помешать ей, но Алиция опять сказала ему что-то по-датски, и Торстен сник окончательно. Ясно, слова не предназначались для Бобуся с Глистой, поэтому мы не могли спросить, что Алиция сказала Торстену, а это, естественно, доводило нас до белого каления.

Мы внимательно наблюдали за польскими гостями, ожидая, что вот-вот ухудшится их состояние здоровья, а оно все не ухудшалось. Бобусь с Глистой спокойно сидели за столом, обжирались в свое удовольствие и чувствовали себя распрекрасно. Бобусь, по своему

обыкновенно, всех поучал, а Белая Глиста ворковала, напропалую кокетничала с мужчинами и заискивала перед Алицией. После ужина, по-прежнему в отличном состоянии, они вышли прохладиться в садик. Ничего не понятно!

– Он, что же, не воспользовался предоставленной ему возможностью? – возмущалась я. – Теперь каждый день, что ли, придется уходить из дому?

– Таких и кураре не возьмет, – с горечью произнесла Зося.

Алиция вдруг вспомнила о необходимости сменить масло в машине.

– Завтра сменишь, – сказала я.

– Завтра не успею, с самого утра мне надо ехать в Виборг. С раннего утра. Придется сегодня, вот только не уверена, что в это время станции техобслуживания еще работают.

Торстен заверил – работают, и Алиция стала собираться. В этот момент в дверях внезапно появился Павел и, запинаясь, произнес:

– Мне бы не хотелось вас беспокоить, но, кажется, в моей комнате кто-то лежит...

Прервав на полуслове рассуждения о машинном масле, мы молча уставились на него.

– Как это – лежит? – спросила наконец Алиция. – Кто?

– Не знаю. Опять видно только ноги, а остальной туловищ нет.

– Павел, если ты нас разыгрываешь, – начала Зося прерывающимся голосом.

Не дослушав ее и оттолкнув Павла, мы ринулись в его комнату. Боже ты мой, какие еще ноги лежат в этом доме?!

В крохотной комнатке Павла, на свободном от мебели квадрате пола, между фисгармонией и кроватью в самом деле лежали ноги в рабочих брюках. Остальная часть тела терялась в темноте под столиком со швейной машинкой, покрытым скатертью с красной каемкой по краю.

Картина, прямо скажем, ужасающая, ибо создавалось впечатление, что человека разрезали пополам, верхнюю часть забрали, а нижнюю оставили.

– Мать божия! – с душераздирающим стоном произнесла Зося.

– Нет, это уже слишком! – возмутилась Алиция. – С меня довольно ног! Где остальное?

– Под столом, – объяснил Павел. – И я не знаю, живое оно или мертвое. То есть оно-то, конечно, мертвое, но, может быть, искусственное?

– Искусственное, неискусственное, вытянуть все равно надо! Не будет же оно так лежать!

– Не трогай! – завопила я и схватила за плечо Алицию, которая наклонилась, чтобы потянуть за ноги. – Может, этот человек еще жив! И мы не знаем, какая у него травма. А если позвоночника? Потянешь – и каюк!

– Так что же делать?

– Вызвать «скорую помощь», полицию, скорей, чего ты еще ждешь? – Это подключилась Зося. – Иоанна права! Опять наш идиот убийца перепутал и, может, как раньше, не добил! Скорей!

– А если искусственное?

В нервной хаотичной дискуссии на эту тему – искусственное, неискусственное, вызываются ли врачи к искусственным – было выдвинуто предложение не тянуть, а лишь пощупать ноги. Поручили это Алиции.

– Ноги, – информировала она, коснувшись лодыжки, – то есть, того, настоящие. А вот живые ли – через носок не определить.

«Скорая» приехала минут через пятнадцать. Это была местная «скорая», из Аллерода, и врач тот же самый. Похоже, он уже привык к нашим вызовам. Убедившись, что герр Мульдгорд уже извещен и едет, он приступил к своим обязанностям: залез под стол с лампой в руках, немного там побыл, вылез и велел осторожно вытянуть жертву.

– Она жива, – сказал врач без особого удивления.

– Фру Хансен! – простонала Алиция, увидев верхнюю часть жертвы. Зося же форменным образом разбушевалась:

– Безобразие! Вместо Бобуся и Белой Глисты эта ни в чем не повинная женщина! Ну и негодяй! Свинья! Подонок! И как он мог принять ее за Алицию?

– Холера! – только и могла сказать Алиция. Она попятилась и наступила на ногу Торстену. – О господи! А мне еще ехать в Виборг! Проклятое масло!

Конечно, масло – это не такая важная проблема, как очередное покушение. Но, с другой стороны, покушения в нашем доме случались чуть ли не каждый день, а смена масла – очень редко... С помощью

медсестры врач наложил повязку. Видимо, он уже успел подружиться с господином Мульдгордом и всемерно желал облегчить ему задачу, потому что велел нам хорошенько запомнить положение, в котором мы обнаружили пострадавшую, и место, куда попали пули. Да, да, в несчастную фру Хансен стреляли!

Алиция металась по дому, не зная, на что ей решиться – остаться ли с фру Хансен или немедленно ехать сменить масло. Торстен сжалился над ней и предложил свои услуги по части масла. Никому не доверявшая свою машину Алиция сейчас с радостью приняла его предложение и вручила ключи от машины.

Сделав пострадавшей перевязку и уколы, врач решил подождать прибытия полиции, заявив, что фру Хансен это не принесет вреда, а герру Мульдгорду наверняка принесет пользу. Мы не возражали, всецело положившись на его опыт.

Использував минуту передышки, я оттащила Алицию в уголок, чтобы выяснить очень интересовавший меня вопрос:

– Послушай, пока не приехали легавые и опять не перевернули весь дом вверх ногами, переведи мне, ради бога, что ты такое сказала Торстену, когда он собрался есть апельсиновый джем? Он еще сразу поставил его на место, а выражение лица у него было... Странное какое-то.

– Что? – спросила Алиция и смутилась. – Ты обязательно хочешь знать?

– Обязательно, – поддержали меня Зося с Павлом, которые подошли к нам.

– Ах ты, боже мой... Зося, ты извини, конечно. И ты, Павел, тоже. Я ему сказала, что Павел наплевал в джем.

– Что?!

– Что Павел наплевал в джем. Мне очень неприятно, но тогда в спешке ничего другого мне не пришло в голову.

Павел с Зосей от возмущения потеряли дар речи, а я продолжала:

– А что ты сказала ему потом, когда Белая Глиста принялась есть джем?

– Что она его и раньше ела, так как я не успела ее предупредить, и теперь уже как-то неудобно говорить ей об этом. Похоже, Торстен немного удивился, но лучше удивиться, чем отравиться.

– Оказывается, и вовсе бы он не отравился, – недовольно сказала Зося. – И почему именно Павел? Не могла сказать, что наплевала Иоанна?

– Не знаю... Павел как-то больше подходит.

– Ладно, мне не жалко, – великодушно заявил Павел. – Если надо, я и не то еще могу сделать. А вот почему убийца напал на фру Хансен в моей комнате? Может, стал охотиться за мной и принял ее за меня?

Оторвавшись от джема, мы переключились на очередную криминальную загадку. Действительно, трудно было понять логику действий преступника. Семидесятилетняя датчанка-уборщица не была похожа ни на Алицию, ни тем более на Павла. Кроме того, стреляли в нее в тот момент, когда было известно, что Алиции нет в доме, так что перепутать с ней фру Хансен никак не могли. Зачем же тогда стреляли?

– Преступник на сдельщине, – предположил Павел. – Платят ему за выполненную работу, Алиция не попадает, вот он и убивает того, кто подвернется. А в данном случае у обеих одинаковая фамилия, так что он с чистой совестью может доложить, что покончил с фру Хансен.

– Хватит молоть ерунду, – одернула сына Зося. – Наверняка убийца явился в дом, когда нас не было, и стал искать Эдиково письмо. А тут пришла фру Хансен и застучала его в комнате Павла. Ключи у него есть, это ясно!

Ясно это было с самого начала, и только Алиция отказывалась поверить – уж очень ей не хотелось менять замки!

Сейчас мы все согласились с Зосей и вернулись в комнату Павла. На столике, где стояла швейная машинка, в беспорядке валялись нитки, иголки, куски материи, журналы и что-то еще. Бросая сочувственные взгляды на носилки с раненой фру Хансен на кровати Павла и, наоборот, стараясь не смотреть на пол, где остались следы преступления, мы столпились у стола, и Зося наглядно, тыкая пальцем, информировала нас, что и где лежало раньше. Два дня назад она лично шила что-то, лично навела порядок, и, зная ее педантичность, ей можно было верить.

– И здесь тоже все перевернуто, – сказала Алиция, подойдя к фисгармонии, погребенной под горами бумаг. – Все эти кучки лежат не так. А письма Эдика тут нет, я уже два раза искала.

Вскоре прибыл господин Мульдгорд, выслушал то, что мы смогли ему сообщить, произвел тщательный осмотр места происшествия, побеседовал с врачом и подтвердил наши предположения.

– Труп был влекомый яко пребывал на кулуарах, – пояснил он, и в голосе его звучало явное осуждение. – Се бывши убивец, – говоря это, полицейский встал у швейной машинки. – А се во оноже время воззрила жена всуе, – тут он вышел в коридор и заглянул в комнату, изображая несчастную фру Хансен. – Убивец нервный стреляху пистолет два раза.

– Он все делает два раза, – заметил Павел. – Два раза бил по голове, два раза травил...

Герр Мульдгорд, прервав свои умозаключения, с интересом выслушал Павла, а потом продолжал:

– Жена пала на кулуарах и кровь истекла, и убивец повлек ея в покои, о, кровь вельми багрила стезю. Аз мыслить убивец возжелаху врата замкнути.

– Двери закрыть? – пожелала убедиться Зося.

– А зачем же ее было под стол заталкивать?

– А что ему оставалось делать? Иначе бы не поместилась. Тут на свободном полу целый человек никак не поместится.

– Значит, и в самом деле застучала его, когда рылся в бумагах, – заметила Алиция.

– Интересно, узнала ли она его? Ну ладно, а что же ваш человек? Опять никого не заметил?

Господин Мульдгорд таинственно улыбнулся и попросил нас очистить помещение, чтобы его люди смогли, наконец, приступить к работе – не могла же фру Хансен до бесконечности оставаться на кровати Павла. Когда мы собрались в другой комнате, он с удовлетворением проинформировал нас о новом усовершенствовании в работе его группы, а именно: сидящий в засаде теперь снимал телеобъективом все, что оказывалось в поле его зрения. Его наблюдательный пост находился довольно далеко от дома, в кустах, оттуда открывался вид и на калитку, ведущую на улицу, и на дыру в живой изгороди. И вот теперь они проявят пленку, снимки увеличат и завтра нам их покажут. Может, на них мы обнаружим кого-нибудь незнакомого, кто и окажется убийцей.

– Наконец что-то умное придумали, – похвалила его Алиция.

– Ловушка в доме все-таки лучше, – Павел упрямо стоял на своем. Полицейский повернулся в его сторону.

– Отроче, ты еси глаголить истина, – сказал он. – Убивец делать два раза. Аще паки имеет внове стрелять пистолет. На какая особа? Вещай!

– Лопни мои глаза, откуда мне знать? – отбивался ошарашенный Павел.

– Аминь. Вельми мыслити потребно. – С таким напутствием нас отпустили.

Бобусь и Белая Глиста то ли замерзли на улице, то ли их внимание привлекло необычное оживление в доме, во всяком случае они вошли в дом. И как раз в тот момент, когда из него с превеликой осторожностью выносили носилки с фру Хансен, а вслед за ними один из полицейских нес окровавленный коврик из-под стола, на котором она лежала. Надо признать, было на что посмотреть.

Бобусь не успел взять себя в руки и прореагировать, как пристало настоящему мужчине. Он издал какое-то визгливое хрюканье, отчетливо прозвучавшее в тишине, сопровождающей вынос тела.

Белая Глиста с душераздирающим криком схватилась за декольте.

– Что... Что это? Что это значит? – пролепетала она, указывая пальцем на полицейского, который в этот момент появился в дверях.

– Это полицейский, – вежливо ответила я. – Это значит, что в нашем доме совершено новое преступление. На сей раз с помощью огнестрельного оружия.

Я не сочла нужным добавить, что преступление опять неудачное и его жертва осталась в живых.

– О, аз зрю гости! Гости здоровы суть? – поинтересовался при виде их герр Мульдгорд у Алиции.

– Здоровы, – с горечью ответила Алиция.

– Ну знаешь! – с претензией обратился Бобусь к хозяйке дома, все еще писклявым голосом. – Ну знаешь! Мы приезжаем из такой дали, а тут на каждом шагу какие-то трупы!

– Я думала, это вас развлечет, – ядовито ответила Алиция.

Но тут Белая Глиста вдруг стала терять сознание и падать в обморок на руки Бобуся. Будучи на голову выше Бобуся, она своей пружинящей тяжестью совершенно придавила возлюбленного, лишив его возможности должным образом ответить Алиции. Из-под живой

горы доносилось лишь придушенное гневное сопение. С трудом добравшись до дивана, Бобусь свалил на него живую кучу автомобильных покрышек и яростно потребовал лекарства от обморока или, на худой конец, спиртного.

Отнюдь не скупая, а скорее невероятно расточительная Алиция, которая никогда не жалела для друзей своего добра, тут проявила себя как самый настоящий жмот. В ответ на отчаянные требования Бобуся укрепить расшатанную нервную систему Глисты «глоточком чего-нибудь крепкого» она предложила ему пиво. Я с интересом ждала развития событий. Меж тем Павел с полицейским оживленно обсуждали только что родившуюся новую концепцию.

– Стилетом он пырнул только раз, – оживленно доказывал Павел. – Так что, того и гляди, еще пырнет. Учтите!

– Пистолет имеет стрелять два раза, – соглашался с ним господин Мульдгорд.

– Коньячку! Кикуня должна выпить глоточек коньячку! – орал Бобусь.

Алиция демонстративно вышла в кухню и там дала выход своей ярости, прошептав мне:

– Шиш они получают, а не коньячок! Хотя и есть, не дам! Неначатая бутылка «Наполеона» стоит в шкафчике на видном месте. Так я лучше вылью его в унитаз, чем дам этой ...!

– И зачем надо было говорить, что Павел плевал в джем? – шепотом же включилась в наш разговор Зося, которая никак не могла пережить компрометации сына. – Раз он все делает два раза...

Павел с полицейским продолжали развивать концепцию:

– Вот если бы можно было угадать, кого он теперь выберет! И что будет делать! – размечтался Павел. – Тогда бы ловушку подстроили. Хотя ясно ведь, что выберет Алицию. Вот если бы угадать, что Алиция будет делать...

– Спать пойду, – сказала Алиция решительно. Видя, что его игнорируют, разъяренный Бобусь решил действовать самостоятельно. Непонятным и крайне оскорбительным для его самолюбия было пассивное равнодушие Алиции. Покинув на минутку свою обожаемую Глисту, он дробной рысцой подбежал к стеклянной горке, что стояла в углу комнаты.

– Ну, Алиция, у меня кончилось терпение! – воскликнул он. – Обойдемся и без тебя!

Треугольный стеклянный шкафчик, украшавший красный угол комнаты, представлял собой святыню, которую чтили все обитатели дома Алиции. Кроме бутылок со спиртным, в нем хранилось еще и то, что Алиция называла своим фамильным серебром. Горка была заперта на ключик, который висел рядом на гвоздике, о чем все знали. К шкафчику, однако, никто, кроме хозяйки, не смел прикоснуться – таково было неписаное правило. Бестактным считалось даже разглядывание бутылок в этом святилище.

Бобусь снял ключ с гвоздика. Алиция онемела от возмущения. Мы замерли, не веря глазам своим: такое святотатство! Господин Мульдгорд почувствовал, что происходит нечто необычное, и тоже замер, на полуслове прервав свои рассуждения.

Бобусь сунул ключ в дырку, повернул его и с силой распахнул дверцу.

Ослепляющий блеск, грохот, звон и душераздирающий вопль Белой Глисты слились воедино. Мощным взрывом у Бобуся оторвало голову. Пролетев через комнату, она пробила стекло и упала в сад. Тут же выяснилось, что голова у Бобуся на месте, ибо он кричит и держится за нее, а между пальцами у него течет кровь. Увидев это, Белая Глиста завопила еще отчаяннее, сорвалась с дивана и бросилась к полицейскому, видимо ища спасения в его объятиях. Поскольку герр Мульдгорд не предвидел атаки, от толчка он опрокинулся навзничь на стеллаж и повалил его вместе со стоявшим на нем большим магнитофоном. Второй взрыв потряс дом.

Трудно описать, что тут творилось! Бобусь лежал без сознания. Опутанный проводами и магнитофонными лентами полицейский тщетно пытался освободиться от рыдавшей на нем Белой Глисты. Зося и Алиция бросились на помощь Бобусю, Павел с горящими глазами – к шкафчику, а я – к окну. Ведь собственными же глазами видела, как туда пролетела Бобусева голова!

Это оказался парик. Я пришла в себя, да и остальные немного успокоились. Бобусю Алиция сделала перевязку – у него оказалась содранной кожа на темени и несколько ожогов. Придя в сознание, он принялся жалобно стонать, держась за голову. Гораздо больше пострадал магнитофон, который превратился в кучу обломков.

Пострадал и господин Мульдгорд, набив на затылке большую шишку. Тем не менее он первым отметил философски:

– Аминь! Стрелять два раза.

– Значит, теперь остался только стилет! – радовался Павел.

Алиция сияла, и даже потеря магнитофона не уменьшила чувства ее глубокого удовлетворения.

– Ну уж теперь-то он раз и навсегда отучится трогать мои вещи! Как думаете, это достаточный повод, чтобы открыть бутылку «Наполеона»?

– Ну уж нет! – возразила Зося. – Откроем, когда уедут. И как она не разбилась!

– Она стояла ниже, а весь взрыв пошел верхом.

В перерывах между стонами Бобусь, тяжело пострадавший во время взрыва и глубоко оскорбленный в своих амбициях, давал понять, что подозревает Алицию в устройстве покушения на его жизнь. И требовал оказать ему профессиональную врачебную помощь. Странно, но желания немедленно покинуть дом Алиции он не проявлял. В противоположность ему Белая Глиста, смертельно напуганная, громко проявляла такое желание.

– В конце концов ты бы могла сменить гнев на милость, ведь от него есть немалая польза, – говорила я Алиции, помогая сматывать магнитофонную ленту.

– Он лишился парика и выступил вместо тебя в роли очередной жертвы. Согласись, и взрыв он принял на себя. Ты бы так легко не отделалась.

– Он разбил окно и магнитофон, – мстительно сказала Алиция. – Хотя нет, магнитофон разбила Белая Глиста. Впрочем, если перечислять нанесенный ими вред моему дому, получится целый список. И это вовсе не его заслуга, что он ростом с сидящую собаку. Будь я на его месте, куда бы в меня попало?

– Точно в лицо. И сейчас ты бы уже была без головы.

– Скажи пожалуйста, а я и не знала, что он носит парик!

Герр Мульдгорд наконец-то дождался эксперта, которого вызвал сразу же после взрыва, и они вместе с Павлом, не отступавшим от них ни на шаг, осмотрели взрывоопасный шкафчик. Эксперт сразу же понял, в чем дело, сходил в садик и принес оттуда килограммовую

гирю. Вот, оказывается, что пробило стекло! Господин Мульдгорд попытался объяснить нам взрывное устройство.

– Была труба, – объявил он, демонстрируя нам жалкие останки консервной банки. – И сия тягость, – он потряс гирей. – И пи... пи...

– Пирожные? – неуверенно подсказала Зося.

– Отнюдь. Пи... пи...

– Пистолет?

– Пикриновая кислота, – подсказал Павел.

– О да! – обрадовался полицейский. – Пикриновая кислота. Мощь ее велика есть, воздвигла тягость иже вознеси на воздучех.

– Павел, ты понял, в чем там дело?

– А чего тут не понять? – Павла прямо-таки распирала радость сопричастности к такому событию. – Кислота была в банке, банку пружинкой соединили с дверцей. Когда дверцу открыли, по кислоте ударило, гиря звезданула, что твой снаряд. Башку бы ему снесло, как пить дать!

– А горка цела, – удивилась Зося.

– И ничего в ней не разбилось.

– Так вся сила наружу вышла! Если бы он не распахнул дверцу, а открыл осторожно, горку бы разнесло, а так все в порядке.

– И в самом деле, все в порядке, – произнесла Алиция.

– Ну, не совсем все... Я не то хотел сказать. Здорово придумано!

Эффектное покушение придало новый импульс нашему воображению. Столпившись вокруг эксперта и следя за каждым его жестом, мы обменивались соображениями. Убийца наверняка знал, что никто, кроме Алиции, шкафчик открывать не станет. Значит, он из наших знакомых, значит, придется, видимо, расстаться с концепцией кого-то со стороны. После ряда неудач он придумал, казалось бы, верный способ разделаться с Алицией: можно было спать в ее кровати, можно было ходить в ее халате, но открыть заветный шкафчик могла только она лично! Как видно, убийца не знал Бобуся... Мы оставили в распоряжении преступника пустой дом на весь день, времени у него было предостаточно...

– Алиция, шла бы ты спать, уже поздно, а завтра тебе с раннего утра ехать в Виборг, – сказала вдруг Зося.

– Как я могу спать, когда в этом доме все время что-то случается! Может, еще где подложена какая взрывчатка...

– Проверь под своей кроватью и в машине.

– Да, кстати, а где же машина? – вспомнила вдруг Алиция. – Во сколько Торстен уехал? В девять? Так где же он?

– Может, здешняя станция техобслуживания уже не работала, и ему пришлось ехать в Копенгаген. Полчаса пути, потом подождать на станции, еще час обратная дорога... Часа два как минимум!

– Да, но уже прошло четыре часа!

Покончив со шкафчиком, эксперт что-то стал рассказывать господину Мульдгорду, который вдруг проявил признаки беспокойства.

– Машина пани номер какая есть? – спросил он у Алиции.

– VM 18 235, – ответила Алиция, взглянув на бумажку, приколотую к книжной полке. – А что?

Полицейский по-датски повторил номер эксперту, после чего оба мужчины, обменявшись взглядами, уставились на Алицию. Мы с тревогой ждали объяснений.

– Не есть хорошо, – произнес герр Мульдгорд как бы с укором. – Вельми плохо. Огонь великий на автострада. Машина «вольво» нанес удар цистерна бензин. Номер зело подобен...

– Торстен! – вскричала побледневшая Алиция. Мы сорвались с мест. Третье покушение за один день! Нет, это уж слишком!

Эксперт что-то сказал по-датски, и Алиция просто окаменела.

– Что он сказал? – Зося трясла ее за плечо. – Что он сказал?

Алиция не могла вымолвить ни слова. Перевел герр Мульдгорд:

– Внутри машина в пепел и прах обращенные останки...

Его голос прервался от огорчения и сочувствия.

– Матерь божия, что за кошмарный вечер! Сколько же можно?!

Через минуту мы мчались к месту катастрофы на полицейских машинах, проигнорировав глупые протесты Бобуся и Белой Глисты, боявшихся оставаться дома в одиночестве.

Действительно, фатальный день. Ну ладно, несчастье с Бобусем нас, прямо скажем, не очень огорчило. Фру Хансен для нас – человек почти незнакомый. Но Торстен! Такой симпатичный, милый юноша. Ужасная, чудовищно несправедливая смерть!

Несчастный случай произошел у развилки дорог на Хиллерод и Хельсингер. Случайно оказавшиеся на месте происшествия свидетели показали, что со стороны Хельсингера ехала цистерна с бензином.

Увидев «вольво», идущую навстречу из Копенгагена и собирающуюся свернуть на Хиллерод, шофер цистерны притормозил. Из виража «вольво» вышла на довольно большой скорости. Вместо того, чтобы взять немного левее, машина пошла прямо и врезалась в цистерну. Огонь вспыхнул сразу же.

К тому времени, когда мы подъехали, огонь был уже погашен, но суматоха еще царила порядочная – еще бы, такие автокатастрофы случаются не каждый день. От Алициной машины осталась куча металлолома. Стояли две санитарные машины. В одну сложили обращенные в пепел останки, а, точнее, обугленный труп. Возле второй толпились люди.

Всю дорогу Алицию трясло так, что у нее стучали зубы, теперь же она потеряла остатки самообладания. Плача и крича, она рвалась из объятий Зоси к санитарной машине с обугленным трупом, заметно усиливая суматоху. Привлеченные ее криками, подтянулись люди, толпившиеся возле второй санитарной машины, и среди них я, не веря своим глазам, увидела Торстена собственной персоной, живого и невредимого, правда, в слегка разодранной одежде.

Растолкав полицейских, я пробилась к Алиции:

– Успокойся! Перестань кричать! Зачем оплакивать чужие трупы, мало тебе своих? Торстен жив!

Полуживая от горя и отчаяния, Алиция отцепилась от захваченной сверхъестественным усилием санитарной машины и бросилась к Торстену. Торстен позволял себя ощупывать, обнимать, обцеловывать и что-то выкрикивал в возбуждении. Бригада медработников и полиция, не скрывая своего глубочайшего негодования, пытались вырвать его у Алиции и затолкать обратно во вторую санитарную машину. И как его при этом не разорвали на куски!

На обратном пути в Аллерод Алиция со слов Торстена объяснила, что произошло.

– Он говорит – вышла из строя система управления. Руль свое, а колеса свое. Вдруг отделилось одно от другого. И он уже ничего не успел сделать, потому что тут перед носом появилась цистерна, она шла слишком близко к середине шоссе. Торстен только и успел снять ногу с газа. Что было дальше – не знает, потерял сознание. В момент удара его вышвырнуло из машины, замок в левой дверце у меня был испорчен, еле держал. Потом пришел в сознание и говорит, что

чувствует себя хорошо. В больницу его забрали потому, что опасаются сотрясения мозга.

И правильно опасаются, по-моему. Уж очень он был возбужден. Боюсь, как бы у него не было сотрясения чего-нибудь еще, он был совсем непохож на флегматичного, неторопливого Торстена, какого мы знали. Мало того, что выскочил из санитарной ашины и бросился к Алиции, мало того, что возбужденно выкрикивал технические подробности аварии, – когда его вторично запихивали в санитарную машину, он вырывался из рук полицейских и медработников, подбегал к нам, громким голосом продолжая кричать что-то с несвойственным датчанам темпераментом.

– Так кто же сгоревшая жертва? Обугленный труп?

– Какой-то совершенно незнакомый человек. Подошел к Торстену на станции техобслуживания в Копенгагене и попросил подвезти до Аллерода.

– Ужасно! Ни в чем не повинный человек! Так уж, видно, судьбой ему предназначено...

– А водитель цистерны жив?

– Жив. Успел выскочить из машины, только немного обгорел. По мнению Торстена, с моей машиной что-то сделали специально.

– Наверняка. Охотясь за тобой, наш убийца изведет добрую половину человечества. И останетесь на свете только ты, он и тараканы.

– И тараканы?

– Ну да, говорят, они выживут даже в термоядерной катастрофе. Впрочем, не уверена, может, не тараканы, а клопы, помню только, что какие-то несимпатичные животные.

– Интересно, когда он успел это сделать?

– Наш убийца – трудяга, ничего не скажешь. Ему бы взяться за что-нибудь полезное... Кто из твоих знакомых такой трудолюбивый? Не Анита же...

– Ой, боюсь я бросать подозрение на человека, но если говорить о работающих, то только Рой...

Всю дорогу домой мы строили разные предположения насчет того, когда именно можно было испортить машину Алиции и мог ли Рой это сделать. В последнее время Алиция всюю пользовалась машиной, ездила на ней по всей стране, на длительное время оставляя

где попало, преимущественно в местах безлюдных и плохо освещенных, так что у преступника возможностей было множество. Ни к чему определенному мы не пришли.

– Какое счастье, что машина застрахована! – сказала Алиция. – Похоже, теперь я смогу, наконец, купить новую.

Свою точку зрения высказал по этому поводу Бобусь, проснувшийся с нашим возвращением домой.

– А чего еще можно ожидать, если с машиной обращаются так, как Алиция? – презрительно заметил он. – Я это давно предвидел. Ведь ее машина в столь ужасном состоянии...

– Конечно! – подхватила я. – Совсем сгоевшая!

Бобусь пожал плечами и сморщился – наверое, темечко жгло.

– Сгоревшая – не сгоревшая, это не имеет значения. Она уже давно никуда не годилась. Просто Алиция не умеет следить за машиной. В такой машине и портить ничего не надо, она и без того разваливалась. Небось, Алиция сама что-то мастерила и испортила.

– Ну да, я вечно все порчу, – согласилась Алиция, которую чудесное спасение Торстена и страховка за машину привели в состояние беззаботной радости. – Особенно я люблю портить систему управления. А также выводить из строя тормоза. И отвинчиваю гайки от колес. Все хочу, чтобы когда-нибудь что-нибудь оторвалось...

– Ну уж с тобой я никогда не сяду в машину. Надо быть самоубийцей...

– Самоубийцей надо быть, чтобы жить в этом доме, – проворчала Зося. – Интересно, когда до него это дойдет?

– Ах, дорогая, какие ты потерпела убытки! – Белая Глиста обратилась к Алиции с притворным сочувствием, но ей не удалось скрыть удовлетворение в голосе. – Такие убытки!

– Тут я понесла большие убытки, – отпарировала Алиция, указывая на кучу обломков, которые еще недавно были магнитофоном. – Машина была застрахована, а магнитофон нет.

– Старая развалина, а не магнитофон, – фыркнул Бобусь. Не выдержав, Зося выскочила из комнаты, хлопнув дверью. Я тоже не выдержала, хотя и клялась себе не реагировать на Бобуся.

– Некоторые любят старые развалины, – заметила я философски, пытаясь одним глазом смотреть на Бобуся, а другим на Белую Глисту, которая была старше меня на два года. А толще на все двадцать.

Нахмурившаяся было Алиция опять расцвела и бросила мне благодарный взгляд. Думаю, для нее вполне достаточной компенсацией за разбитый магнитофон стала разбитая вдребезги Бобусева надежда на романтическую идиллию со своей Глистой – какая уж тут романтика, когда содран скальп! Еще немного постараться нашему преступнику – и Белая Глиста не выдержит.

– И нисколько мне его теперь не жаль, – сказала я о Бобусе, когда мы с Алицией остались одни. – Он ее вполне заслужил.

– А разве когда-то ты его жалела? – удивилась Алиция.

– Жалела, давно, когда еще его не знала, а ты говорила, что он, в сущности, порядочный человек.

– Скажи пожалуйста! Неужели я так когда-то считала?

– Считала. Впрочем, каждый может ошибаться. А Белую Глисту я хорошо знала, правда, не лично, по ее делам. Помню, как она отбила мужа у одной хорошей женщины, и эта женщина рыдала у меня на груди. И о других подобных подвигах ее слышала, лишь бы мужик был состоятельный. Глиста гналась за богатством без удержу и без зазрения совести. Так что Бобусь имеет то, что заслужил.

– Пойду-ка я спать, – сказала Алиция. – Мне ведь и в самом деле с самого утра надо ехать в Виборг. Надеюсь, сегодня больше уже ничего не случится...

Расставаясь с нами, господин Мульдгорд дал понять, что его удивляет целый ряд моментов, что он хотел бы их для себя прояснить и что с этой целью он приедет к нам завтра вечером, после возвращения Алиции из Выборга. Поскольку у Алиции теперь не было машины и ехать она собиралась на машине Оле вместе с другими родственниками, можно было надеяться на ее возвращение вовремя.

Мне совершенно не улыбалось провести весь день в обществе Бобуся и Белой Глисты, но совесть не позволяла оставить Зосю одну с ними. Поэтому я отказалась от мысли съездить в Копенгаген и решила остаться дома. Тем более что могло прийти письмо (я его очень ждала) – ответ на мое письмо (а точнее, письма), в которых я описывала происходящие у нас события.

Зося внесла предложение поискать пропавшее письмо Эдика.

– Самой Алиции в жизни его не найти, – сказала она с раздражением. – Ее паршивых бумаг касаться не будем, а обшарим все другие места. По крайней мере, будем знать, где его наверняка нет. А драгоценные гости пусть делают что хотят, я не намерена цацкаться с ними! И вообще, глаза бы мои на них не глядели. Павел, марш в гостиницу! Немедленно отправляйся! Ловушку можешь обдумывать и сидя в гостинице. Ну, Иоанна, за дело!

Я отнюдь не разделяла Зосиной уверенности насчет отсутствия Эдикова письма в тех местах, которые мы с ней обшарим, ибо Алиция могла свести насмарку всю нашу работу, перекладывая с места на место, как это у нее водится, вещи уже в ходе наших поисков. Тем не менее я послушно принялась за дело.

Начали мы с подвала и, покончив к вечеру с мастерской, с ног валились от усталости. Мы перетряхнули весь шкаф Торкиля с его рисунками, осмотрев каждый рисунок, каждую бумажку. Проверили все полки с огородным инвентарем. Перебрали тысячи каких-то бебехов в картонных коробках. Просеяли искусственные удобрения и чуть не на кусочки разобрали катафалк. Педантично исследовали каждую простыню и наволочку, каждое полотенце. И теперь могли поклясться, что Эдикова письма в мастерской не было.

– Разве что эта ненормальная сорвала паркет с пола, спрятала под ним письмо, а потом уложила его обратно, – отдуваясь и вытирая пот со лба, сказала Зося. – Хотя сомнительно. Вряд ли забыла, если бы отдирала паркетины.

Приготовив себе заслуженный ужин и не принимая во внимание при этом Бобуся с Глистой, мы сели поесть и передохнуть.

– Пусть сами питаются, – здраво заметила Зося. – Если чего не то съедят, я не буду отвечать. Ты как считаешь?

Я считала так же. Ведь не слепые же они, видят, что творится в доме, так уж пусть питаются на собственную ответственность.

За ужином мы высказали мысль, что убийца, устроив вчера столько покушений, должен же заинтересоваться их результатом, поэтому первый, кто позвонит с невинным вопросом «Как дела?», и будет самым подозрительным.

И тут явилась Эва. Паштет с салатом застрял у меня в горле.

– Я забежала узнать, как у вас дела, – зашебетала Эва, но это был какой-то нервный щебет. – Просто я была тут по соседству и подумала – дай себе забегу. А где Алиция?

Тысячи подозрений зароились в голове.

– Ты на машине? – проглотив и запив глотком чая помеху в горле, поинтересовалась я, так как вроде слышала шум мотора.

– Ах нет, – ответила Эва. – То есть да... То есть нет... Меня подбросили на машине, а возвращаться я буду поездом. Послушайте, не дадите ли вы мне кофе?

– Алиции нет дома и мы не помним, куда она поехала, – веско произнесла Зося. – Кофе сейчас приготовим. И для них тоже, Иоанна?

Кофе можно было пить спокойно, уж о его безвредности мы проявляли особую заботу. Можно, конечно, пожертвовать и для гостей, хотя жалко.

Эва то и дело посматривала на часы, нервно поправляла волосы и ко вчерашним событиям в нашем доме проявила весьма умеренный интерес. И при этом выглядела так, что при виде ее Белая Глиста позеленела, схватила кофе и плотно закрыла за собой двери комнаты, в которой Бобусь пребывал со своим травмированным темечком. Зося многозначительно молчала, разглядывая в упор самую подозрительную кандидатуру.

– Ну мне пора, – вдруг заявила Эва. – Послушай, Иоанна, не могла бы ты проводить меня до станции?

Естественно, я могла.

Обычно от дома Алиции до станции девять минут пути нормальным шагом. Приблизительно через полчаса мы были на полдороге.

– Это ужасно, у меня уже нет сил! – в отчаянии выкрикивала Эва. – Я никак не могу от него отделаться! Преследует меня на каждом шагу, является за мной на машине, не могу же я устраивать ему сцены на людях, вот и вынуждена была сюда приехать, ничего другого мне не пришло в голову. Больше всего боюсь, как бы Рой не узнал, он не поверит, что мне этот тип опостылел, ты ведь сама видела, каков он внешне!

– Да нет, мне он не понравился, – робко вставила я.

Эва в отчаянии махнула рукой.

– Джузеппе – брюнет, у Роя комплексы, он убежден, что я предпочитаю черных. И как ему объяснить, что это не так?! Ведь датский язык такой трудный... Черт бы побрал эти языки.

И в самом деле, положение Эвы осложнялось тем, что они с Роем общались исключительно на английском. Ни для Эвы, ни для Роя это не был родной язык, так что уже неоднократно случались недоразумения даже по самым простым вопросам. А что же говорить о таком сложном!

– Так что мне с ним делать? – в отчаянии выкрикнула Эва.

– Раз и навсегда отнять от груди! – без колебаний посоветовала я. – Ты, наверное, слишком мягко с ним обращаешься.

– Ох, не знаю! Ох, возможно! Но ты же знаешь, я не умею отказывать, когда вот так нахально пристают! Ох, как он меня измучил!

Она и в самом деле пребывала в таком глубоком отчаянии, что у меня язык не повернулся задать бестактный вопрос, не она ли убила Эдика, чтобы он ее не выдал, а после Эдика нанесла ущерб еще семи лицам. Да и не очень верила я в ее вину. Если еще могла поверить, что Эва способна убить кого-то в состоянии аффекта, то уж в преднамеренном убийстве заподозрить ее было невозможно. А может быть, она положила начало, убив Эдика, а ее возлюбленный взялся

продолжить начатое? Хорошо бы этот возлюбленный сейчас вернулся в гостиницу, чтобы сидящий в засаде Павел наконец его увидел.

– Послушай, а чем он, собственно, занимается, этот твой Джузеппе? Кто он?

– Не мой! Только не мой! – энергично запротестовала Эва. – Не мой!

– Ладно, ладно, не твой. Чем он занимается?

– Ох, откуда я знаю? Мне ведь это неинтересно. Ну он просто деловой человек. Какие-то дела, бизнес. Плевать я хотела на его бизнес и его деньги!

Молнией мелькнула мысль – хорошо бы на Джузеппе напустить Белую Глисту. Но я тут же спохватилась – уж очень отличались эти женщины внешними данными, и после Эвы Джузеппе уж никак не польстится на Глисту. Вот если бы он был слепой или ненормальный... А жаль.

– Он когда-нибудь был в Польше? – продолжала я хитрый допрос.

– Не знаю, – равнодушно ответила Эва. – Может, и был. Он по всему свету ездит. Ох, какое мне дело до того, был он в Польше или нет, я не знаю, что с ним делать в Дании! Сейчас!

– Думаю, тебе ничего другого не остается, как во всем признаться Рою, – тяжело вздохнув, посоветовала я. – Ну, даст ему Рой по морде...

– Рой впихнет меня в его объятия, – раздраженно прервала Эва. – Рой меня любит. Рой устранился с моего пути. Рой подумает, что с тем я буду счастлива!

Я с удивлением посмотрела на нее. Слово в слово то же самое говорили мы с Алицией. Надо же, какие мы умные!

– Знаешь, не исключено, что я к вам как-нибудь опять приеду, надо же мне куда-то приезжать, когда он силой забирает меня с работы! Так что предупреди Алицию. Он думает, мне у вас надо бывать из-за всех этих преступлений. Да, кстати, а больше никого у вас не убили?

Я была шокирована. Видно, и в самом деле ничто так не оглушает и не оглушает, как любовь! И тут же самокритично призналась себе, что ведь и я сама гораздо сильнее переживала бы все эти преступления, если бы не была занята личными проблемами.

– Не знаю, на ком ты остановилась, – ответила я Эве. – Кто у тебя числится в последних жертвах?

– Вроде бы погибла тетка Торкиля, – неуверенно ответила Эва. – Вроде бы что-то такое с ней случилось...

– Э, ты здорово отстала. Во-первых, тетка Торкиля выжила...

– Что ты говоришь! В ее возрасте...

– Датские старушки очень крепкие и долговечные. Сейчас она поправляет здоровье в больнице. Во-вторых, после тетки жертвой пали Агнешка и фру Хансен, домработница Алиции. И вообще все окрестные больницы забиты несостоявшимися жертвами нашего убийцы. И Торстена там держат с подозрением на сотрясение мозга. С еще одной жертвы сняли скальп, а еще погиб совсем посторонний человек, абсолютно не предусмотренный программой. Вот какой активный наш убийца!

– Это ужасно, – рассеянно произнесла Эва. – Ну прямо гекатомба в Аллероде! Надо вам как-то с этим кончать.

Посадив Эву в поезд, я быстрым шагом пошла домой. И в самом деле, надо нам с этим кончать! Как мы можем допускать подобные преступления у нас в доме?!

Зося встретила меня попреками за то, что я так вежливо разговаривала с преступницей.

Я не поддержала разговора на эту тему, так как дома оказался Павел. (Мы не встретились с ним по дороге, потому что шли с Эвой не прямым путем к станции, а дали кругалья.) Естественно, я сразу накинулась на него с вопросом, видел ли он черного парня.

– Откуда? – ответил раздраженно Павел. – Опять проторчал напрасно. Не было его.

– Как это не было? Часа полтора прошло, как он уехал. И должен был быть. Как ты мог его не видеть?

– Да не было его, чтоб мне лопнуть! – защищался Павел, его малость испугал мой наскок. – С утра я сидел в гостинице, голодный как волк, на сосиски уже смотреть не могу. И никакого черного парня не видел. Мне пришлось смываться, потому как портье на меня нехорошо поглядывал, глаза я ему намозолил...

– Интересно! Какое тебе дело до портье? Пусть глазеет! Не мог еще с полчаса посидеть? Он обязательно бы вернулся.

– Да почему обязательно? Что, он не мог поехать в какое другое место? Свободно мог, а вернулся бы в час ночи. И вообще, я сижу,

высматриваю его, а он мотается по всему городу! Может, есть другое место, где он обязательно появляется?

Ну, конечно! Есть такое место! Из того, что мне говорила Эва...

– Стой! – сказала я. – Ты прав, мы поступаем по-идиотски. Завтра я тебе скажу, где и когда точно он будет. Но это тайна, никому нельзя говорить. Если окажется, что это не он, я поставлю в неудобное положение одного человека.

– Как же не он, когда я столько времени его высматриваю, – возмутился Павел и убедил меня.

Алиция прибыла почти в одно время с господином Мульдгордом. Алиция пообедала, господин Мульдгорд отказался даже от кофе...

Прежде чем приступить к своим расспросам, он любезно поделился с нами сведениями, которые получил вчера. Оказалось, система управления Алициной машины была очень хитро выведена из строя, причем времени у преступника это заняло очень немного, а катастрофу гарантировало. В Дании ездят быстро и даже не на крутом повороте внезапный выход управления из строя обязательно грозит катастрофой. Возможно, преступник не стремился к тому, чтобы Алиция разбилась насмерть, возможно, его устраивало, чтобы она в слегка поврежденном состоянии была отвезена в больницу, и он, воспользовавшись ее отсутствием, мог бы приняться за поиски проклятого документа.

– Пани его ведать! – прокурорским тоном заключил герр Мульдгорд, наставив на Алицию указательный палец. – Пани блюсти тайна!

– Какую еще тайну я блюду?

– Яко убивец присно ищет. Пани ведать, пошто ищет убивец.

Алиция не могла себя заставить возразить полицейскому. Но и подтверждать не хотелось, и она сидела молча, чувствуя себя очень неловко. А полицейский продолжал оказывать на нее давление:

– Пани ведать, кто он есть! Пани ведать, пошто он ищет. Аз жажду ведати! Вещай!

– Не совсем так... И вовсе я не знаю, что он ищет. Я могу лишь догадываться, а мои догадки – мое личное дело. Они могут быть неправильными. И не знаю я, кто убийца! Знала бы, так сказала.

Нахмутив брови, господин Мульдгорд смотрел на нее с выражением величайшего неодобрения и продолжал обличать громким

голосом:

– Пошто пани не даватъ алкоголь для гость головой скорбный? Аз разуметь польский. Мое ухо слышало. Гость возжелал алкоголь, пани не даватъ. Пани не возжелаху отверзти вместилище алкоголя, имея присно «Наполеон». Убивец уготавлиху эксплозия, аще пани имея вестъ сию?

Алиция с возмущением опровергла обвинение в том, что она якобы знала о подготовленном взрыве шкафчика или, того хлеще, сама приготовила покушение на Бобуся. Не знаю, удалось ли ей убедить полицейского в своей невинности.

– Аз глаголю: во оноже время пошто пани не даватъ алкоголь для ради гости?

Зося, Павел и я прекрасно понимали смущение Алиции, даже панику, отразившуюся на ее лице, когда она услышала этот вопрос. Разве можно этому датскому представителю властей, действующему в строгих рамках закона, поведать о всей сложности взаимоотношений с Бобусем и Белой Глистой? Разве можно убедить его, что дело не только в неначатой бутылке «Наполеона»? Что тут затронуты гораздо более тонкие материи?

Не получив ответа на свой вопрос, господин Мульдгорд стал еще более официален и задал вопрос в лоб:

– Пани собственная персона воздвигла эксплозия? Аз жажду ведати!

Тут взорвалась уже Алиция:

– Глупости! Делать мне нечего, только из-за всякого кретина портить свою мебель! Я уже не говорю о магнитофоне и оконном стекле!

В глазах герра Мульдгорда мелькнуло что-то вроде понимания. Он задумчиво смотрел на гневную Алицию и о чем-то напряженно размышлял, затем его хмурое лицо прояснилось, и он произнес:

– А! Пани изрекла, аз внял и малая толика разумею. А! Добро. Токмо убивец искони присно ищет. Ищет. Пани ведати. Што?

Последующий обмен фразами не продвинул следствие вперед. Алиция грудью преградила доступ к своим бумагам и ее пагубное нежелание допускать к ним кого бы то ни было победило. Эх, если бы дело происходило не в Дании, ей бы это даром не сошло, победу наверняка бы одержал представитель власти.

Поставив на Алиции как источнике информации крест, герр Мульдгорд извлек обещанные фотографии и продемонстрировал нам эти достижения следственной мысли. Полицейские решили показывать их всем подряд в надежде, что кто-нибудь опознает запечатленные на них лица. Расчеты полиции оправдались. Большинство лиц на фотографии удалось идентифицировать. Это оказались жители соседних домов, их знакомые и работники различных социальных служб города. Так, например, среди них фигурировали мальчики-посыльные из магазинов, на двух во всей красе предстал местный почтальон, на трех – сотрудник местного муниципалитета, в чьи обязанности входило следить за зелеными насаждениями Аллерода и подстригать живые изгороди. Только из фотографии Алиция узнала, что ее живая изгородь со стороны улицы была красиво подстрижена. Это ее встревожило:

– А потом пришлют счет. Я бы и сама могла это сделать!

Только одно-единственное лицо опознать не сумел никто. Это был мужчина среднего роста и средней упитанности, невероятно кудлатый и бородатый, который, как заявил сидящий в засаде полицейский, крутился у дома Алиции без всякой видимой причины. Сначала он постоял на улице перед калиткой дома, потом на задах дома, понаблюдал за садовником магистрата, который подстригал ветки на Алициной живой изгороди, а потом куда-то исчез. Если уж считать, что на предъявленных нам фотографиях обязательно фигурировал убийца, так это только он.

– Парик снимет, бороду отклеит и ни один черт его не признает, – откомментировала Зося, а Павел возмущился действиями, а вернее, бездейтельностью полиции:

– Таких подозрительных надо задерживать на месте!

– Павел, помолчи! – одернула его мать.

– Я-то помолчу, но вот если бы полиция его задержала на месте и проверила документы, так знала бы, кто он такой, и не надо фотографии предъявлять. А так снова мне придется выслеживать какого-то...

Тут уж все три бабы напустились на парня. Зося в воспитательных целях, а мы с Алицией из опасения, как бы Павел не проболтался и не выдал полиции Эву. Павел обиделся, надо признать, не без оснований, покинул наше общество и вышел в сад немного поостыть.

Господин Мульдгорд вернулся к волнующей его теме.

– Убивец возжелает лишить пани живота, – обратился он к Алиции. – Убивец ходит окрест на круги своя. Яко имеющи причина. Он ищет да обрящет. Аз внял гласу пани. Вещай, ради какова причина возжаждал убивец смерти твоя?

Вопрос полицейского, может, немного излишне изысканно сформулированный, тем не менее звучал вполне понятно и логично. Мы-то знали, что преступник панически боится сведений, содержащихся в Эдиковом письме, и торопится его найти. А одновременно то и дело покушается на Алицию. Где же логика? Убей он ее, и дом наполнится родственниками и полицией, которые перевернут все вверх ногами, найдут письмо, а значит, угроза по-прежнему будет висеть над головой преступника. Вот если бы он убил Алицию в тот момент, когда она обнаружит письмо Эдика и примется его читать! Стукнуть ее по голове, вырвать письмо из рук и смотаться. Тогда я понимаю, логика есть, и смысл есть, а так... Остается предположить, что, независимо от письма, сама по себе Алиция еще знает нечто, представляющее опасность для преступника. Знает и не отдает себе в этом отчета.

Дойдя до таких умозаключений, и я уставилась на Алицию с такой же подозрительностью, как и герр Мульдгорд.

– Мне кажется, тебе следовало бы рассказать нам подробно о всех событиях, свидетелем которых ты была за последние лет пять, – сказала я ей. – Что-то там такое было...

– Прямо сейчас? – ядовито поинтересовалась Алиция. – И со всеми подробностями?

– А почему нет? Сегодня у нас просто на удивление спокойный вечер, никого не убили, Бобусь и Белая Глиста сидят спокойно в своей комнате, не мешают...

Мне помешали закончить господин Мульдгорд и Зося. Они оба как-то одновременно встрепенулись и их вопросы прозвучали дуэтом.

Полицейский:

– Прошу прощения. Белая... што?

Зося:

– И в самом деле как-то слишком-тихо сидят. Может, с ними уже что-нибудь... того?..

Мы трое сорвались с места, тактично скрывая обуревавшие нас надежды и демонстрируя беспокойство. Полицейский сорвался тоже. С визгом раздвинулась стеклянная дверь, за ней с грохотом и скрежетом, не постучав, мы рванули вторую, обычную, и ввалились в комнату...

– О, извините, пожалуйста, – в смущении пробормотала Алиция, задом пытаясь вытолкнуть напиравшую на нее группу.

В ответ Бобусь и Белая Глиста ничего не ответили, видимо, потеряв от возмущения голос. Я бы тоже потеряла, если бы ко мне в комнату ввалилось четыре человека в самый неподходящий момент...

– Холера! – никак не могла прийти в себя Алиция, когда мы неловко ретировались.

– Похоже на то, что с ними ничего плохого не случилось, – вздохнула Зося.

– Похоже, – согласилась я. – Но, может, немного погодя...

Господин Мульдгорд, хотя и чувствовал себя тоже смущенным, однако не забывал об интересах следствия.

– Што белая? Пани глаголить – белая. Белая што?

– Белая Глиста, – пояснила Алиция. – Так зовут эту даму.

– А! – произнес полицейский. – Днесь вотще...

Он не договорил. Из сада донесся громкий треск и чей-то отчаянный крик. Мы все опять вскочили со своих мест.

– Павел! – страшным голосом вскрикнула Зося.

Хорошо, что дверь на террасу была открыта, иначе мы бы наверняка сорвали ее с петель. В яме у второго, наполовину раскопанного кургана, что-то шевелилось...

– Свет! – крикнула Алиция. Полицейский выхватил электрический фонарь. Его яркий луч осветил Павла, без одной ноги, отчаянно мечущегося в яме. С громким воплем Зося бросилась к нему.

– Стой! – при виде ее заорал Павел. – Не подходите! Ой, брюки разорвал!

Мы с разбегу затормозили в последний момент, иначе всей кучей свалились бы на него. В свете яркого полицейского фонаря ясно стало видно, что одна нога Павла провалилась в глубокую дыру, проломанную в досках, бесформенной грудой торчащих вокруг. Уцелевшее дощатое покрытие на наших глазах проломилось под его второй ногой. С громадным трудом нам удалось извлечь Павла из ямы без особого ущерба для его гардероба.

– Какого черта ты туда полез? – набросилась Алиция на парня. – Весь сад в твоём распоряжении, обязательно было соваться сюда?

– Это твоя ловушка? – догадалась я.

– Ужели убивец уготоваху яма сия? – интересовался полицейский.

– Нет, – ответил Павел. – Убивец был вон там. А я хотел тут где-нибудь спрятаться.

– Зачем?

– Подглядеть за убийцей! Он как раз оказался в саду и крался к дому, к окну. И сбежал! Вон через ту дыру!

Не вдаваясь в дальнейшие разговоры, мы бросились к дыре в живой изгороди, спотыкаясь в темноте о грядки и цепляясь за сучья кустов и деревьев. Фонарь бегущего полицейского суматошными всполохами светил куда угодно, только не под ноги. Согнувшись в три погибели и оцарапавшись о ветки сливы, мы по очереди пролезли через дыру в живой изгороди и выскочили на улицу. Тут было светлее, недалеко горел уличный фонарь.

В нескольких метрах от нас на тротуаре у живой изгороди стояла Анита и что-то держала в руке. Фонарь господина Мульдгорда высветил ее безмерно изумленное лицо.

– Господи боже мой, чем вы тут занимаетесь? Бег по пересеченной местности? Что это все значит?

– А ты что здесь де... де... лаешь? – голос Алиции прервался, она, как и все мы, разглядела предмет, который Анита держала в руке. Это был большой черный пистолет с каким-то странным, нетипичным дулом. Мой опыт читательницы и писательницы детективных повестей подсказывал, что это скорее всего глушитель.

Какое-то время мы стояли молча, пялясь на пистолет и ничего не понимая. Молчание прервала Анита, не в силах сдержать любопытства. Взмахнув пистолетом, она повторила:

– Что все это значит? Да говорите же! Я слышала крики, шум, треск, будто стадо слонов продиралось сквозь заросли. Кто это был?

– Мы, – ответила наконец Алиция. – Ловим преступника. Откуда это у тебя?

Анита взглянула на пистолет, который все еще держала в руке.

– В том-то и дело, что не знаю. Это вылетело из кустов, когда я тут проходила. Ну я и подняла. Вы им бросались? Вроде бы это служит не для бросания, а для стрельбы...

Господин Мульдгорд наконец ожил, подошел к Аните и осторожно вынул оружие из ее руки. Мы сразу почувствовали себя лучше. Шумно переведя дух, я поинтересовалась, откуда она тут взялась.

– Я иду со станции. А с вами был еще кто-то? Мне показалось...

Аните показалось, что кто-то с шумом и треском то ли продрался, то ли перескочил через изгородь соседнего с Алициным дома. Нет, она его не видела, только слышала. И тут как раз из кустов на траву у тротуара выпал пистолет, который она машинально подняла, встревоженная непонятным шумом, не зная, что предпринять. До этого она вроде бы слышала какой-то крик, а потом через дыру в живой изгороди вывалилась куча темных фигур.

– Это были мы, – повторила Алиция.

– Да, теперь вижу, – согласилась Анита.

– Чего вы ждете? – торопил Павел. – Ну, чего стоите? Если он помчался туда, надо за ним!

– Ты с ума сошел! – решительно запротестовала Зося. – За ним в такой темноте? Разве найдешь? Да к тому же он, наверное, опять на машине и уже смылся.

– Может, сегодня пешком...

Алиция поддержала Зося:

– Нет смысла его преследовать. Откуда мы знаем, в какую сторону он побежит? О, слышите?

Откуда-то издали донесся шум запущенного двигателя машины. И в самом деле, если это убийца, мы его уже упустили.

Разом сникший Павел поплелся к дыре в изгороди и стал в темноте что-то там высматривать, бормоча сквозь зубы:

– Интересно, зачем он выбросил пистолет?

– Может, он его вовсе не выбрасывал, пистолет мог сам выпасть, когда преступник продирался сквозь кусты.

– У преступников пистолет всегда висит на лямке, – информировала Анита, тоже склоняясь под ветками. – Каждый уважающий себя преступник носит пистолет на лямке. Может, у него лямка оторвалась?

– Интересно, зачем он ломился через изгородь, вместо того чтобы нормально выскочить на улицу через дыру? – задумчиво произнесла Алиция.

– Кажется, он так и собирался сделать, – оживилась Анита. – Вроде бы в том месте что-то показалось и исчезло.

– Ты думаешь, он высунул голову, увидел тебя и дал задний ход?

– Думаю, высунул не только голову и действительно нырнул назад. Я шла открыто...

В дверях террасы нас встретил разгневанный Бобусь. Он стоял в пижаме, держась обеими руками за голову.

– Это уже переходит всякие границы! – бушевал он. – Какой-то сумасшедший дом! Знаешь, Алиция, от тебя я всего мог ожидать, но такое... Боюсь, если так и дальше будет продолжаться, я вынужден буду уехать!

– Боже! – с надеждой в голосе прошептала Зося. – Возможно ли такое счастье?

А я, повернувшись к идущему за мной Павлу, вполголоса произнесла:

– Придется тебе провалиться еще в одну яму! Надо!

– Да нет другой! – с искренним огорчением отозвался Павел.

– Давай срочно копать...

– Это же форменное хулиганство! – продолжал бушевать Бобусь. – Бедная Кика так испугалась, чуть жива...

– Ну что я могу поделать? – почти ласково оправдывалась довольная Алиция, безуспешно пытаясь скрыть свою радость. – Ведь у нас всегда так. Я и то удивляюсь, что сегодня слишком тихо. Пожалуйста, предупреди Кику, пусть подготовится к худшему.

Бобусь раскрыл рот, закрыл, испепелил Алицию взглядом и, фыркая от возмущения, как закипающий чайник, скрылся в своей комнате.

Господин Мульдгорд решил, что полиции настало время действовать, и взял в перекрестный огонь допроса сначала Павла, а потом Аниту. Оказалось, что Павел сидел у мастерской в засаде и, сжимая в руке коробок спичек, затаив дыхание следил за склоном кургана, на котором что-то двигалось. Наверняка подопытное животное вышло на ночную охоту. Внезапно внимание Павла привлек шелест в глубине садика. Он увидел какую-то черную фигуру, которая, прячась за деревьями, прокралась к дому и пыталась заглянуть в окно гостиной, где в тот момент собрались все мы. Фигуру как следует Павел на разглядел, так как она была полускрыта курганом. Он стал

осторожно подкрадываться к преступнику и нечаянно наступил на доски, прикрывавшие яму-ловушку...

– Остальное вам известно, – мрачно закончил Павел.

– Ну хорош! Сам подготовил ловушку и сам же в нее попался!

– Да не я! Про яму я ничего не знал! Не такой уж я дурак! – обиделся Павел.

– Ох, это я виновата! – призналась Алиция. – Яму я выкопала еще до вашего приезда и прикрыла досками, чтобы вы в нее не угодили.

– И как раз угодили! – обрушилась я на нее. – Странно еще, что до этого никто в ней себе ног не переломал! Я, например, каждую ночь вынуждена бегать в потемках вокруг дома, знаешь ведь...

– А черная фигура куда подевалась?

– Вроде бы отпрыгнула от окна, но только когда вы все выскочили из дому.

Анита показала: она возвращалась в Копенгаген из Хиллерода и по дороге решила сойти в Аллероде, навестить Алицию, узнать, что новенького. Ехала она в первом вагоне поезда, он остановился далеко, ей не хотелось возвращаться, и она пошла к дому Алиции кружным путем, по улице, которая выходит на зады Алициных владений. Находясь еще довольно далеко от дома, она услышала сначала крик, а потом какой-то шум, ускорила шаги и остановилась у дыры в живой изгороди.

Слушая показания свидетелей, герр Мульдгорд все больше и больше мрачнел.

– Не есть хорошо, – веско произнес он и взглянул на Алицию. – Бысть свет на пани особа. Убивец пришедши во тьме ночи во оноже время воззряху чрез окно и пани умертвяху, ако пистолет имеа. Не должно пани свет пребывати!

– А где же мне пребывати? – рассердилась Алиция. – В уборной запереться?

– Живота твоего ради окна замкнуги, – спокойно объяснил полицейский, показывая жестом, как затягивают шторы. Беда лишь в том, что штор у Алиции на окнах не было.

– Немедленно повесь! – приказала Зося. – Столько у тебя тряпок, найдешь, что повесить на окна. Он прав!

– Тряпки найдутся, да на чем их закрепить?

– Как на чем? Я видела у тебя такой железный прут, на который вешают шторы.

– Он уже давно куда-то запропастился.

– Как это?

– Обыкновенно. Как все у меня в доме теряется? Я его уже несколько месяцев не вижу. Искала, искала – без толку. Сама удивляюсь, куда это он мог запропаститься.

Ну, это уж слишком! В этом доме потерялся даже карниз для штор более трех метров длиной! Не так уж много найдется в доме мест, где мог поместиться хоть по горизонтали, хоть по вертикали железный прут таких размеров. Это действительно надо умудриться, чтобы потерять такую вещь!

Полицейский настаивал на своем, требуя от Алиции соблюдения чрезвычайных мер предосторожности. Вполне удовлетворенная ворохом сегодняшних новостей, Анита стала прощаться.

– Не знаю, помогут ли тебе шторы, если в окне вообще нет стекла, – сказала она перед уходом, ткнув пальцем в последствия покушения на Бобуся. – Ты когда собираешься его вставить?

– Завтра, я уже договорилась, с самого утра придет человек и вставит. Ох, опять опоздаю на работу, ведь мне придется подождать, пока он это сделает.

Господин Мульдгорд, в отличие от Аниты, совершенно не удовлетворенный, осуждающе покачивал головой, глядя на разбитое окно, и повторял:

– Запоры замыкать. В ночи почивать присно иное место, одна особа вельми лепо бдети.

– Хорошо, пойду почивать на диван, – послушно согласилась Алиция и сняла трубку зазвонившего телефона.

Пока она разговаривала с кем-то по-датски, переспрашивая и что-то уточняя, господин Мульдгорд не поленился еще раз повторить всем нам свое требование соблюдать меры предосторожности, запереть все окна и двери и Алиции, по возможности, спать каждую ночь на другом месте. После этого, без особого труда уговорив Аниту воспользоваться его машиной, чтобы доехать до Копенгагена, он попрощался, и они вышли вдвоем.

– Хотелось бы мне хоть раз вовремя лечь спать! – с раздражением сказала Алиция, запирая за ними двери. – Звонил Енс, завтра мне

придется подписать какую-то важную бумагу, но эту бумагу он привезет домой только в половине одиннадцатого ночи, и в половине одиннадцатого ночи мне надо быть у него. До двенадцати наверняка там проторчу.

– Не могла ему сказать, чтобы он привез эту бумагу сюда? – набросилась на нее Зося. – Обязательно тебе туда тащиться?

– Говорила я. Придется тащиться, кроме меня ее должны подписать еще несколько человек – Оле, Кирстен, еще кто-то. Ему пришлось бы всех объезжать, а время не терпит, в восемь утра бумага уже должна быть у адвоката. Так что по-другому никак не сделаешь.

– Тогда уж хотя бы сегодня ложись спать пораньше.

– Послушайте, – осторожно заговорил Паел. – А вам не кажется это подозрительным?

– Что именно? – Алиция замерла с кофейником руках.

– Ну... эта Анита. Я не хотел при ней говорить. Уж как-то слишком неожиданно оказалась она на улице, и как раз тогда, когда мы гнались за убийцей.

Зося, вставшая со стула для того, чтобы убрать со стола, плюхнулась на него обратно.

– Вот, вот. Откуда она, интересно, там взялась?

– Со станции пришла, – сказала я. – Ты ведь слышала, как она рассказывала.

– Мало ли что она рассказывала! Могла и соврать!

Откровенно говоря, мне тоже показалось странным присутствие Аниты в столь позднее время на улице в Аллероде. Узнать о новостях в нашем доме она могла и по телефону. Чем объясняется столь нетерпеливое желание увидеться с Алицией?

– Давайте рассуждать логично, – предложила Алиция. – Если бы она была убийцей и готовилась совершить новое преступление, разве стояла бы она на виду у всех с пистолетом в руке? Уж его-то она обязательно бы спрятала или выбросила!

– Могла не успеть.

– Глупости! За те несколько минут, что мы провозились в саду, она не только сто раз могла выбросить пистолет, но и сама убежать.

– Но... – начал Павел, и в этот момент кто-то отчаянно забарабанил в дверь.

– Кого это еще нелегкая принесла в такую пору? – вскочила с места Алиция.

– Не надо было говорить, что сегодня у нас на редкость спокойный вечер, – проворчала Зося. – Вот и сглазила.

Нелегкая принесла Роя. Он казался каким-то странным, непохожим на себя. Куда делись его обычные спокойствие и вежливость?

– Извините, не у вас ли Эва? – спросил он без предисловий и неизвестно на каком языке, ибо поняли его мы все. Возможно, на датском вперемешку с английским.

– Эва? – удивилась Алиция, которой я еще не успела рассказать об Эвином визите. – А разве она должна быть у нас?

– Не знаю, – угрюмо ответил Рой. – Я думал, что у вас.

Я решила вмешаться. Скрывать визит Эвы не имело смысла, а языковые трудности, к счастью, помогут обойтись лишь краткой информацией, без излишних подробностей. Совсем ненужных подробностей.

– Да, Эва у нас была, – сказала я. – Пришла повидаться с Алицией, но не застала ее. Не дождавшись Алиции, Эва уехала домой. Уже довольно давно.

– А! – сказал Рой. – Понимаю. Большое спасибо. Извините.

И направился к выходу.

Алиция, придя в себя, задержала его и предложила кофе. От кофе Рой отказался, заявив, что уже поздно. Впрочем, ясно было, что Рою сейчас не до светской жизни. У двери он остановился и спросил:

– А когда Эва у вас была? И во сколько ушла?

– Была в начале восьмого. И сразу же ушла. Я проводила ее на станцию.

– А! Благодарю вас. Спокойной ночи!

И он вышел.

Мы недоуменно уставились друг на друга. Пожалуй, из всех нас лишь я кое-что понимала.

– Ничего не понимаю, – пожала плечами Алиция. – В чем дело? Чего это они ко мне так поодиночке приходят?

– В надежде потерять жизнь, – пробормотала я, не решаясь поведать им то, что знала сама.

– Как это потерять?

– Очень просто, ведь наш убийца все время ошибается...

– Странно выглядел Рой, правда? – прервала Алиция беспредметный разговор. – Иоанна, а ну говори, что еще Эва выкинула? Почему он ее разыскивает? Она здесь была одна?

– Здесь она была одна, – честно ответила я, сделав упор на «здесь».

Алицию не проведешь.

– А где не одна?

– Точно не знаю. И что выкинула, тоже не знаю. И почему ее нет дома – не знаю, не знаю также, почему Рой ее ищет. А все это вместе взятое мне очень не нравится.

Задумчиво глядя в разбитое окно, Алиция мрачно согласилась:

– Мне тоже. Чего он тут вдруг появился? В самом ли деле ищет жену? Почему именно здесь? Смотрите, сначала Эва, потом Анита, теперь Рой...

– Сначала я думала, что Павел прав, и Анита очень подозрительна, – вслух рассуждала Зося. – А теперь и не знаю... Анита стояла на улице открыто, пистолет держала на виду, а этот Рой... Он тут откуда взялся? Может, это он удирал от нас?

– А что, если они действуют вдвоем?

– Рой приехал сюда на машине, – сказал Павел. – Я слышал шум мотора и когда он приехал, и когда уезжал.

– Рой – убийца? – засомневалась Алиция. – Хотя все возможно... Правда, я бы скорее предположила, что через сад он крался для того лишь, чтобы поглядеть, нет ли у нас Эвы. А Павел его спугнул.

– Крался с пистолетом в руке? А потом швырнул его в Аниту?

– Я, конечно, не знаю, но, может, он хотел пристрелить свою жену? – высказал предположение Павел.

– Перестаньте, так можно договориться бог знает до чего! – возмутилась Зося. – В конце концов, мы где находимся? В Испании? Или, может, в Сицилии? Здесь Скандинавия, здесь жен не убивают!

– Это датских жен не убивают, а вот если бы они хоть немного походили на Эву...

– Ну, поехали! Эдик ничьей женой не был, а начали-то с него! Давайте рассуждать здраво.

Мы попытались, и это заняло у нас часа два. Сегодняшние непонятные визиты Эвы и Роя побудили меня поделиться с Зосей и

Павлом сведениями о том, что между Эвой и черным парнем в красной рубашке существует определенная связь и, рассуждая здраво, из наших знакомых лишь у Эвы были более или менее уважительные причины прикончить раскричавшегося Эдика. Об Аните мы напрочь забыли. Развивая версию с Эвой, мы зашли бы бог знает как далеко, если бы не полное отсутствие у Алиции даже малейших подозрений на ее счет.

– Ну, сами подумайте! – горячилась она. – Какого черта надо Эве за мной охотиться? Даю вам честное слово, ничего я про нее такого не знаю. Для нее уж скорее имело бы смысл убить Иоанну.

– Почему только меня? Теперь уже все мы про нее что-то знаем, убивать, так всех нас.

– И лучше всего из автомата, – это, конечно, Павел вмешался. – Выстроить нас в ряд и одной очередью...

– Павел! Мыться и спать!

– Так я уже мылся.

– Тогда отправляйся спать! Алиция, послушай...

– А теперь кто в ванную? Ты, Зося?

– Да, я, но послушай, очень тебя прошу, эту ночь не ложись в своей комнате. Я не паникую, но полицейский прав, осторожность не помешает. Убийца слишком уж рьяно охотится за тобой. Пока не вставят стекло, не спи в своей постели.

– А где же мне спать? В гостинице?

– Да хотя бы здесь, на диване. Нет, лучше здесь я, а ты на моем месте.

– И не подумаю!

Тут мы услышали, как у нашего дома остановилась машина, в ночной тишине это было отчетливо слышно. Звякнула калитка, потом раздался стук в дверь.

– Сиди! – нервно крикнула Зося. – Я сама открою!

– Да, сегодня у нас просто на удивление спокойный вечер! – ядовито процитировала меня Алиция. – Напророчила! Вот интересно, как тебе удается всегда так кстати ляпнуть?

В прихожей послышался голос Эвы, потом появилась и она сама, но, боже мой, в каком виде! Такой мы ее никогда не видели: растрепанная, зареванная, с размазанным макияжем, в халате и домашних тапочках, с трясущимися руками и губами, в пальто, кое-как

наброшенном на халат. Привалившись к косяку двери, она произнесла слабым голосом:

– Алиция, не могла бы ты одолжить мне немного денег? За такси нечем заплатить...

Алиция оказалась на высоте положения. Ровным, спокойным голосом она ответила:

– Войди и успокойся. Таксисту я сейчас заплачу.

– Нет! – опять вырвалась Зося. – Заплачу я!

Не в обычаях Алиции было разрешать командовать в ее доме, но, поглядев на решительное лицо подруги, она послушно отдала ей кошелек.

Отвалившись от косяка, Эва нетвердыми шагами прошла в комнату и рухнула в кресло. Мы терпеливо ждали, тактично сдерживая рвущиеся из груди вопросы.

– Я сбежала из дому! – наконец прошептала Эва, по-прежнему трясясь всем телом и не пытаясь остановить струившиеся потоками слезы.

– Навсегда? – сочувственно поинтересовалась Алиция.

Эва неуверенно пожала плечами и высморкалась в шелковый шарфик, который достала из кармана пальто. Потом, неуверенно же, ответила:

– Не знаю еще. Алиция, нельзя ли у тебя это время... Иоанна, а Алиция знает?..

– Не все. Немного знает. Ты ведь не разрешила никому об этом говорить.

– Так теперь скажи! Я больше не могу! Они встретились в нашем доме! И Рой уходит из дому! Джузеппе его обманул... А я ничего не сумею объяснить...

В ответ на недоумевающий вопросительный взгляд Алиции я со вздохом проговорила:

– Все идет по сценарию. Как и предполагалось, Рой благородно жертвует собой и устраняется с ее пути, а она его не хочет. Черного парня не хочет. До чего же мы все точно предугадали, аж противно делается!

Дважды объяснять Алиции не требовалось.

– Оставайся здесь! – распорядилась она. – До утра успокоишься, и все разъяснится. Если хочешь, я сама Рою растолкую, что ты

предпочитаешь его. Да перестань плакать, по-датски он поймет. А будешь реветь – от тебя оба откажутся. Ну, успокойся, вот сейчас я тебе кофе сделаю, выпьешь, все будет хорошо.

– Ей бы глоточек чего покрепче, – посоветовала я.

Заплатив таксисту, вернулась Зося.

– Хорошо, хоть те ведут себя спокойно, – сказала она, с отвращением кивнув на закрытую дверь в соседнюю комнату. – Хотя и подозрительно мне это спокойствие.

– Ну уж нет, я к ним больше не заглядываю! – отреагировала Алиция. – Даже если лопнут там! С треском!

– Если с треском – заглянешь! Эва, сними же пальто. Можешь оставаться в своем халате.

Выпив рюмку коньяку и чашку кофе, Эва немного успокоилась и смогла, хотя и хаотично, всплакивая временами, рассказать нам, что произошло. Рой устроил скандал сразу же по возвращении домой – судя по времени, он преодолел трассу Аллерод – Роскилле в рекордный срок. Джузеппе виделся с ним раньше, аккурат в то время, когда она была у нас в Аллероде. И наговорил ему с три короба: он Эву любит, Эва любит его, а его хочет бросить, он не отступится и своего добьется, он ни за что не откажется от Эвы, он имеет на нее больше прав, а он не более чем идиотское препятствие на пути к их счастью, и она только из жалости не решается бросить его. Благородный и гордый Рой решил немедленно самоустраниться с их пути, для него, Роя, главное – счастье ее, Эвы, и единственный упрек, высказанный им Эве, – почему она сама ему честно и откровенно не сказала обо всем, ставя в унижительное положение перед любовником. При этом Рой проявил такую твердость, что довел Эву до отчаяния, она ничего не могла ему втолковать, а тут вдруг появился настырный Джузеппе, приехавший нахально к ним домой. Рой решил, что все подстроено, и самоустранился немедленно, а успокаивать Эву предоставил Джузеппе. Для самоустранения Рой воспользовался машиной. Эве, не желающей оставаться ни минуты в обществе Джузеппе, пришлось сбегать из дому на такси. На развалинах разбитого семейного очага остались настырный ухажер и перепуганная домработница, а супружеская чета разлетелась по свету.

Рассказ Эвы был очень сбивчивым и потребовал от нас немалых умственных усилий, позволивших не пойти по ложному пути и

разобраться в конце концов, кто кого любит и кто кого бросает. Не зная предыстории, можно было предположить, что это Джузеппе полюбил Роя, а Эва из благородных побуждений бросает сама себя. Но мы понимали – нельзя слишком много требовать от человека в таком состоянии.

– Ладно, утро вечера мудренее, – заключила Алиция. – Завтра, если хочешь, я с Роем поговорю...

– Да, да! Очень прошу тебя! Объясни ему все на этом жутком языке, может, поймет!

– Хорошо, хорошо, объясню, а сейчас пора спать! Тебе надо отдохнуть. погоди, я тебе дам пижаму, есть у меня совсем новая, очень красивая.

– Мне бы хотелось немного умыться...

– Конечно, конечно... А где же я тебя положу? Может, ляжешь вот на этом диване?

– Да где угодно! Пожалуйста, не беспокойся из-за меня.

– Какое там беспокойство, – пробурчала Алиция и спросила, повернувшись ко мне:

– Ну, как там у тебя? На этом кончается спокойный вечер или тобой еще что припасено?

– Отстань, – невежливо ответила я. – Еще сюда могут приехать они оба, Рой и Джузеппе, и биться на шпагах в твоём саду. Но это уже будет глубокой ночью, а что касается вечера, то он, считай, закончился.

Измученная переживаниями Эва, как только легла, заснула сразу, тяжело вздыхая во сне. Отчаянно жестикулируя, Зося созвала нас с Алицией в комнату последней и плотно прикрыла дверь.

– Алиция, торжественно заявляю, если ты не откажешься от идиотского намерения спать в собственной кровати, остаток ночи я просижу на стуле у окна! Не нравится мне все это. Конечно, очень легко можно свалить все на нервное расстройство, когда думаешь о себе, а не о каких-то убийствах, и как можно подозревать человека в таком состоянии, а труп лежит. Или опять же, жена, бедняжка, не в себе, а труп лежит.

– Послушай, Зосенька, повтори, пожалуйста, еще раз и по порядку, а то я что-то не пойму...

– А чего тут не понять! Зося права, Эва могла разыграть комедию лишь для того, чтобы остаться ночевать в твоём доме и ночью зарезать

тебя. Или под предлогом розысков сбежавшей жены Рой явится сюда и опять же тебя зарежет, и вообще, никакая это не семейная драма, а хорошо разыгранная комедия. Мне лично Эва не кажется похожей на симулянтку, я видела этого ее Джузеппе и готова ей поверить, но береженого бог бережет. И на твоём месте я бы спала на другом месте. На всякий случай.

Алиция с укором посмотрела на меня.

– А тебе не кажется, что не очень красиво с моей стороны подсовывать убийце другую жертву вместо себя?

– Не говори глупостей. Ты никого не подсовываешь, а можешь просто переспать эту ночь на матрасе в мастерской. Места предостаточно.

– А ты ночью встанешь и на меня наступишь...

– Чего это я буду вставать? Но если боишься, ложись в подвале. Уж там я на тебя не наступлю.

Зося, злая, как черт, поддержала меня:

– Иоанна права. Перестань придумывать дурацкие отговорки! В мастерской свободно поместится рота солдат. Белье на матрас я лично положила чистое, постели и ложись. Марш!

Еще немного посопротивлявшись, Алиция наконец уступила нашим уговорам. Не желая будить Эву, а тем более Бобуся и его Глисту, мы с Алицией несколько раз пробежались вокруг дома, поскольку требовалось еще попасть и в кухню, и в ванную. Толстый матрас из пенопласта был действительно разложен, и на нем лежала стопка чистого постельного белья. Мы оттащили матрас в такое место, чтобы, слезая с катафалка, я не наступила на Алицию. Вокруг дома мы бегали с Алицией вдвоем, этого от нас категорически требовала Зося. Мы еще собирались обсудить создавшуюся ситуацию, спокойно лежа в постелях, но из этих планов ничего не вышло – обе сразу же заснули, не успев даже начать разговаривать.

Проснулась я на рассвете. Разбудил меня настойчивый телефонный звонок, доносившийся откуда-то издалека. Сквозь сон я подумала, что трубку снимет Алиция, и еще представила, как она будет злиться на эту идиотку Кенгуриху – никто другой не мог звонить в столь несусветное время. А потом вспомнила, что Алиция спит тут же, в мастерской, бог даст, не услышит звонок, и успокоилась. А потом вспомнила, что на диване, в той комнате, где звонит телефон, спит Эва,

которая, конечно, проснется, поднимет трубку, а потом разбудит-таки несчастную Алицию. Нет, надо успеть посоветовать Эве сказать, что Алиции нет дома. Что она уехала и вернется только через неделю.

Телефон звонил и звонил, а трубку никто не поднимал. Да ну их всех к черту, не встану и все тут! Алиция, к счастью, крепко спала и даже слегка похрапывала. Последнее меня совсем не раздражало, наоборот, даже радовало, так как служило доказательством того, что она жива. На сон Алиция никогда не жаловалась. Но вот Эва... Как она может выдержать такой трезвон?

А телефон продолжал звонить с каким-то диким упорством и невыносимой размеренностью. Даже из комнаты Бобуся слышался шум, что-то там задвигалось – ага, помешал им звонок! Я выжидала, что будет дальше.

Приглушенный звук раздвигаемой двери дал понять, что кто-то из гостей соизволил все-таки встать и пошел к проклятому телефону, звук которого доносился теперь до меня более отчетливо. И вдруг его перекрыл другой звук – высокий, страшный, пронзительный вопль Белой Глисты.

Все обитатели дома вскочили на ноги в одно мгновение. Дом наполнился шумом и стуком. С Алицией мы столкнулись в проеме первой двери, через вторую силой протолкнули Бобуся. Павел с Зосей ввалились со стороны кухни. Скрючившись в кресле, закрыв лицо руками, Белая Глиста вопила самозабвенно и безостановочно. Телефон звонил. Тут и Бобуся принялся издавать какие-то отрывистые дикие крики.

Эва лежала на диване вниз лицом – в этом положении обычно спала и Алиция. И вообще, если бы Алиция в данный момент не стояла рядом со мной, я бы не сомневалась, что это лежит она. Обе они в данное время носили один и тот же цвет волос – черные с рыжиной, впрочем, для обеих этот цвет был натуральным, только Эва вернулась к нему всего неделю назад, до этого красилась в рыжий. А сейчас в ее спине торчала на самом виду рукоятка тонкого стилета...

– «Спокойный вечер!»– обрушилась на меня Зося, как будто я во всем виновата. – Скажет же такое!

– При чем тут вечер? – возмутилась я. – Уже давно утро. А о спокойном утре я ни словечка...

– Черт возьми, да успокой же ее, сделай что-нибудь, пусть наконец заткнется! – Алиция толкнула Бобуся к Белой Глисте.

– Телефон! Телефон! – кричал Павел.

– Ради бога, кто-нибудь, снимите трубку! Скажите этой старой перечнице, пусть катится ко всем чертям! Не до нее тут!

– Прошу пани! – заорал Павел в трубку по-польски. – Алло!!! Прошу пани ко всем... того... Нам не до того!!!

Я схватила Эву за запястье свисающей с дивана уки. Или мне показалось, или пульс действительно прощупывался... Тут и я заорала, пытаюсь перекричать всех остальных:

– Эва жива! Слушайте, она жива!!! «Скорую»!!!

– Павел!!! Освободи телефон!

– Что? Не понимаю. А, понял! Да, да! Жертва есть! Еще жива, нужна «скорая помощь»! А я думал, это Кенгуриха, извините! Скорее! Некогда объяснять!

И отключился прежде, чем Алиция выдернула у него трубку.

– И вовсе это не Кенгуриха! – обиженно сказал он. – Звонил герр Мульдгорд. Они видели, как приехал убийца. Сейчас будут здесь.

Разъяренная Зося приволокла из кухни большой котел воды и выплеснула все его содержимое на Белую Глисту. Та захлебнулась водой, и наконец смолк ее пронзительный безостановочный крик.

Алиция трясущимися руками осторожно ощупывала Эву.

– Гляди! – сказала она мне. – Нет, ты погляди, куда он ее пырнул...

Я поглядела. Стиллет торчал с правой стороны. Мы переглянулись.

– Он знал, что у тебя сердце с правой стороны. Он принял ее за тебя. Он хотел прикончить тебя!

– И ты, дура, тоже в это поверила? У меня сердце с нормальной стороны, как у всех людей, только чуть-чуть сдвинуто. Я только тебе сказала об этом, а ты уж растрезвонила на всю Европу, что у меня сердце с правой стороны. Сделала из меня какого-то монстра...

– И благодари бога за это! Ты жива, и Эва, глядишь, выживет! Может, он промахнулся.

Белая Глиста обрела, наконец, способность говорить по-человечески. Она высказала категоричное желание покинуть этот дом – сегодня же, немедленно, сию минуту! Бобусь вообще перестал с

нами разговаривать. «Скорая помощь» приехала через пять минут, а господин Мульдгорд – через пятнадцать.

– Пустяки, – успокоил нас врач «скорой». – Повреждены мягкие ткани, только и всего. Заживет быстро. А сейчас мы ее забираем в больницу.

За утренним кофе – в полшестого утра, а что делать? – мы обсуждали очередное происшествие. Моя бестактность по отношению к подруге, мой длинный язык спасли жизнь Эве. У той, к счастью, все органы были на своих местах. По мнению врача, удар стилетом был нанесен буквально несколько минут назад (господин Мульдгорд потом уточнил – без четверти пять, не раньше, может, даже без десяти пять). Выходит, убийца замахнулся ножом – и тут же зазвонил телефон. Резкий звонок в несусветную пору наверняка его спугнул. Вот-вот проснется весь дом! У убийцы не было времени рассчитать на пальцах до сантиметра место нанесения удара, он быстренько пырнул наугад в спину жертвы с правой стороны и бросился наутек, пока народ не сбегался к телефону. Возможно, перед этим он искал Алицию в ее комнате, убедился, что ее там нет, увидел ее на диване...

– Здорово мы его надули! – радовался Павел.

А я мучилась угрызениями совести. Ведь проснулась же от телефонного звонка! И если бы я сразу же поспешила к телефону, да еще побежала вокруг дома, наверняка бы встретила убийцу! Может, и помешала бы ему! И он не ранил бы бедную Эву. Вот она выйдет из больницы и надает мне по морде! И поделом!

А Рой теперь при одном моем появлении будет плевать...

– Да перестань ты так переживать! – пыталась успокоить меня Алиция. – Главное, Эва жива. И нет худа без добра – теперь мы точно знаем, что не она убийца. Подозреваемых все меньше...

– Точнее, их остается всего две штуки, Рой и Анита. Ну и все остальное человечество, если это кто-то посторонний.

Приехал господин Мульдгорд и согласился тоже выпить чашечку кофе – если мы будем так любезны и сварим ему тот, который он предусмотрительно привез с собой. Кофе мы ему приготовили в рекордно быстрое время, уж очень не терпелось услышать от него, откуда он знал, что убийца едет на очередное дело. И только он открыл рот, чтобы рассказывать, зазвонил телефон. Алиция взглянула на часы.

– Без десяти шесть, – прошипела она. – Если это Кенгуриха...

Это оказалась не Кенгуриха, а Рой. Абсолютно не считаясь с его чувствами, Алиция коротко сообщила о покушении на Эву. По ту сторону телефонного провода Рой впал в такое бешенство, какого Алиции не приходилось наблюдать ни у одного датчанина. Тем более, что она не преминула заодно высказать ему все, что думает о его поведении и возмутительном третировании жены. Если бы не его идиотское решение устраниваться с ее пути, Эва не сбегала бы из дому, не ночевала бы в Аллероде и не стала бы жертвой убийцы!

– Не знаю, то ли он там сознание потерял, то ли вообще концы отдал, – удовлетворенно сказала она нам, положив трубку. – А если убийца – он, то так ему и надо! Может, теперь они помирятся...

– А если не он, придется тебе на коленях вымаливать у него прощение за бестактность. И мне тоже – за собственную лень.

– Заткнись наконец, дай сказать господину Мульдгорду! И вообще, не мешайте ему!

Непонятно, к кому это относилось. Зося с Павлом вообще ни слова не проронили, а Бобусь с Глистой пребывали в своей комнате. Правда, оттуда отдаленно доносились звуки скандала, но мы твердо решили не реагировать.

Из рассказа господина Мульдгорда мы узнали: его «работник», сидящий в засаде и имеющий с полицией связь по рации, доложил начальству, что на рассвете к дому подъехал автомобиль марки «мерседес», из которого вышла подозрительная темная фигура. Услышав об этом, полицейский немедленно позвонил нам. И звонил, и звонил...

– Аз телефонировать зело длинно, – осуждающе сказал полицейский. – Аз исполнен бысть опасений о все и вся особы неживые. Вотще! По прошествии толика времени одна особа вещала ко мне: прошу пани ко всем... Пошто аз пани есмь? Вы ожидать пани? Ухо мое слышало: кенгуриха. Што есть кенгуриха?

Полицию всегда интересует, кто звонит и зачем эвонит, поэтому мы с пониманием отнеслись к вопросам герра Мульдгорда и удовлетворили его любопытство, – и в том, что касается Кенгурихи, и почему его называли пани. После чего он продолжил рассказ. Его «работник» притаился у «мерседеса», где надеялся поймать темную фигуру, но та сбежала в другую сторону, а слышавшиеся с той стороны звуки свидетельствовали о наличии второй машины, на

которой фигура и уехала. Следовательно, преступник имел сообщника и опасался засады. Единственная добыча полиции – «мерседес», как выяснилось, оказался украденным с автостоянки на бульваре Андерсена. Его хозяин спокойно спал и о краже ничего не знал. Полиция проверила – он вне подозрений.

– Аз умоляху и повелеваху, – строго сказал полицейский, обращаясь к хозяйке дома, – не иметь присно впредь гости!

Алиция с энтузиазмом поклялась, что впредь и вовеки веков не пустит на порог дома ни одного гостя. Пусть хоть на вокзале ночуют!

А полицейский веско продолжал:

– Пан скорбный голова и пани Белая Глиста аз паки прошу вон!

Последние слова услышала Белая Глиста, которая в этот момент вышла из комнаты. Не веря ушам своим, она уставилась на полицейского. А тот, боясь, что его не поймут, решительным жестом ткнул в нее пальцем и, прежде чем мы успели его остановить, повторил:

– Пани Белая Глиста и тот пан зело прошу и повелеваю – прочь! Вон!

У Белой Глисты перехватило дыхание. У нас тоже. Никому из нас не пришло в голову, что датчанин может всерьез принять за фамилию прозвище, которым мы пользовались в своем узком кругу и которое составляло нашу сладкую тайну. Интересно, что теперь будет? Бобусь ограничится скандалом или порвет с Алицией все отношения?

За Белой Глистой с треском захлопнулась дверь.

– Ну уж теперь-то они обязательно уедут! – выразила Зося общую надежду.

Немного смущенная Алиция махнула рукой:

– Ну и черт с ними! Я Бобусю и в глаза скажу, что я о нем думаю. У меня не дом свиданий!

А господин Мульдгорд, не подозревая, что натворил, как обычно после очередного преступления, приступил к выявлению обстоятельств оного. Его интересовало, почему Эва в Алициной пижаме спала на диване и почему Алиция не спала в собственной кровати. Правда, он сам советовал так поступить, но вот теперь допытывался: сделали мы это исключительно по его совету или были какие другие обстоятельства?

Несколько выведенные из равновесия происшествием с Глистой, мы неосторожно сообщили ему больше, чем намеревались, и подозрительный Джузеппе неожиданно всплыл на поверхность. Видя, что нет другого выхода, мы поведали о контактах Эдика с черным красавцем еще в Польше. Не выказав удивления, господин Мульдгорд записал наши показания в своем блокноте, побранил за то, что раньше этого не сказали, похвалил за принятые меры предосторожности и удалился.

Бобусь до такой степени ударился в амбицию, что даже оставил чек на сумму, возмещающую гибель магнитофона. Белая Глиста покинула дом Алиции молча, стиснув зубы, никому не сказав ни слова. Вложив чек в конверт, Алиция отослала его жене Бобуся. Пришли два стекольщика, принесли стекло и вставили его в раму. В одиннадцать часов в доме воцарилось блаженное спокойствие.

– Схожу-ка я, пожалуй, на работу, – решила Алиция. – Оттуда позвоню в больницы, узнаю о здоровье наших пострадавших. А вы смотрите за домом, неизвестно, что он еще выкинет.

Вскоре она позвонила и сообщила, что с жертвами все в порядке. Владя с Марианной жалуются на диету; Торстена, наверное, завтра уже выпишут; Агнешке и фру Хансен скоро разрешат говорить. Что же касается Эвы и стилета, то последний угодил в ребро, не дойдя до легкого. Эва в сознании, но очень нервном. Рой бесценно просиживает у изголовья жены и пытается целовать ее пятки. Последнюю акробатическую несурязицу мы восприняли как метафору – дескать, Джузеппе там уже делать нечего.

– До чего же мужики глупы! – ворчала Зося. – Некоторых только преступление в состоянии образумить.

Я всецело была согласна с подругой:

– Вот именно! Если бы не стилет, мотался бы Рой сейчас бог знает где. И не говори, железное здоровье нужно для общения с ихним братом...

– Ты имеешь в виду этих двух или мужиков вообще?

– Вообще. А что касается Эвы и Роя, так ведь у них все было до сих пор в порядке. Никакого беспокойства ни им самим, ни их знакомым. И какая муха их укусила?

– Если не Эва убийца...

– Трудно предположить, что сама себя пырнула стилетом в спину.

– Я и говорю. Если не она убийца, то, возможно, Рой. Хотя эта кандидатура совершенно бессмысленная. У Эвы хоть какие-то мотивы были, а у него?

– Откуда мне знать? Может, что и было, только мы не знаем. Я вот думаю: а может, этот тип, Джузеппе, воспользовался созданным положением в своих личных целях, а Эву пытался убить из ревности или из мести...

– ...и вонзил кинжал туда, где у Алиции должно быть сердце, – возразила Зося. – И не иначе как собственное сердце ему подсказало, что в эту ночь Эва спит на диване в Алициной пижаме? И что в дом свободно можно проникнуть через разбитое стекло? И у него был сообщник со второй машиной?

– Да, – согласилась я. – Слишком много фактов против. Знаешь, мы с тобой просто поразительно умно вычисляем, кто не мог быть убийцей. Значительно хуже обстоит дело с теми, кто мог...

Вскоре на полицейской машине за Павлом приехал посланец герра Мульдгорда. Павлу хотели предъявить Джузеппе, который оказался в распоряжении полиции, и установить, он или не он пытался вместе с Эдиком проехаться угольным фургоном в Варшаве по улице Гагарина. Судя по паспорту вышеупомянутого Джузеппе, в Польше он бывал. Жутко важный Павел поехал.

Из ведерка, временно (уже несколько лет) висевшего на калитке вместо почтового ящика, Зося вынула утреннюю почту.

– Тебе письмо, – сказала она, подавая мне конверт. – Вроде его ты ждешь? – И с неодобрением поглядев, как я нервно разрывала конверт, добавила: – Ох, боюсь, совсем ты, девка, голову потеряла. Хоть он мужик что надо, ничего не скажу, но чтобы до такой степени одуреть... Кончится тем, что выйдешь за него замуж!

– Что касается одурения, ты права. А вот замуж... Сама знаешь, какая из меня жена! Зачем же терять хорошего человека? А если ты уж обязательно хочешь знать правду...

Тут я спохватилась, что и без того разболтала больше, чем надо.

– ...если уж ты обязательно хочешь знать правду, то в этом письме может быть нечто, проливающее свет на все здешние преступления. Я могу, конечно, ошибаться, но мне кажется...

Зося разволновалась так, что мне стало ее жалко. Выбросив в мусорное ведро чашку с блюдцем, которые она держала в руках, Зося

опустилась на стул и воскликнула:

– Нет, ты неисправима! Опять ввязалась в какую-то аферу! А этот твой! Такой приличный на вид мужчина... Так кто же он? Читай скорее!

Я попыталась буквально выполнить ее желание, но от быстрого чтения было мало толку. Покачав головой, я вернулась к началу письма.

– Нет. Чтобы понять, надо, наоборот, читать медленно.

Я трижды прочла письмо. С трудом заставив себя отказаться от прочтения в четвертый раз фрагментов абсолютно личных, я сосредоточилась на фрагментах общего плана. Зося высилась надо мной, как палач над жертвой.

Смерть Эдика, как явствовало из письма, привлекла внимание весьма ответственных товарищей. Под какой фамилией представился Эдику тип в красной рубашке, до сих пор не удалось выяснить. Однако и без фамилии ясно, что личность этого типа весьма подозрительна, что он связан с преступной организацией – мне ее не назвали – и что он сотрудничает с человеком из нашего окружения в Аллероде. Поначалу этим человеком считали Алицию, но последние события доказали ошибочность такого предположения. Точными данными отправитель письма не располагал. Этим человеком мог быть как мужчина, так и женщина. Нам рекомендовалось соблюдать самые строгие меры предосторожности, ибо дело намного серьезнее, чем мы думаем, и убийца ни перед чем не остановится. Утешало меня во всей этой афере одно: действия преступной организации не были направлены непосредственно против моей страны, свою гнусную деятельность она развивала на территории других государств, а в нашем ограничивалась лишь финансовыми махинациями. По-моему, и этого достаточно: что хорошего в финансировании международных аферистов? Итак, сообщалось в письме, среди нас находится один из членов преступной организации, мужчина или женщина – неизвестно. Его отличительные признаки: а) много путешествует по свету и б) никаких подозрений не вызывает.

Вот и все сведения, которые мне удалось почерпнуть из письма.

Зося ждала, ждала и не выдержала:

– Так и будешь сидеть с блаженным выражением на лице? Может, скажешь, что в письме?

Я коротко изложила ей содержание письма и ехидно добавила:

– Если бы не путешествия по всему свету, твоя кандидатура была бы самой подходящей: подозрений не вызываешь, с преступным типом могла контактировать в Польше, Эдика знала...

Зося шуток не понимала:

– ...а людей убиваю на расстоянии, телепатически или еще как, ведь нахожусь в другом месте! По мне, самой подозрительной является Анита, но наверняка это не она, и именно потому, что самая подозрительная. А вот Эва – вне подозрений, и очень может быть преступницей. По всему свету мотается по делам службы – раз! Подозрений не вызывает – два! Черного парня знает – три! А пырнуть ее мог её же сообщник – для маскировки. Обрати внимание, уж на что были благоприятные обстоятельства, а она отделалась легче легкого!

– Совершенно не вызывает подозрений и Рой, – задумчиво произнесла я. – Вот уж к кому никак не придерешься! А теперь рвет на себе волосы, потому как по ошибке зарезал собственную жену... И вообще, не понимаю, что за организация? Какая уважающая себя организация станет совершать такие идиотские преступления?

– Значит, эта организация не уважает себя, – сделала вывод Зося. – Вот интересно, опознает ли Павел черного парня?

Мы в нетерпении высматривали Павла, но вернулся он поздно, почти одновременно с Алицией, и в очень плохом настроении.

– Поставили передо мной двадцать штук одинаковых черных парней и все до одного в красных рубахах, – жаловался он. – И откуда только набрали столько одинаковых? Правда, не очень-то одинаковых. Главное – ни один не подходил. А самое плохое, был среди них паршивец Джузеппе, мне его специально потом показали. Так это не он.

Я, разумеется, очень расстроилась.

– Что же, получается, Эва тут ни при чем? И тогда какого черта мы с тобой столько времени торчали в «Англетере»? Только время даром потеряли.

– Ну, не совсем даром, – успокоила Зося. – Жизненный опыт никогда даром не дается. А ты на ярком примере убедилась, к чему приводит любовь, так что учти...

– Лучше ты учти, ведь теперь нам надо быть особенно осторожными. Бобусь со своей Глистой из нашего дома съехал, и

осталось нас совсем немного. К тому же мы не знаем, какой способ убийства изобретет на сей раз преступник, ведь стилет второй раз он уже тоже отработал...

Положившись на педантичность нашего убийцы, который в качестве орудия убийства лишь дважды использовал один и тот же прием, мы спокойно пообедали. Отраву, стилет, огнестрельное оружие можно было смело исключить. Молоток тоже. За обедом мы ломали голову, что он еще выкинет, но ничего не придумали. Павел настаивал на изготовлении ловушки, уверяя, что проект им уже разработан, не хватает лишь двадцати крон.

Хоть Алиция с поистине ослиным упрямством игнорировала грозящую ей опасность, мы с Зосей твердо решили: каждую ночь она будет менять место спанья, а на постель, где она спала накануне, будем класть специально сделанную куклу.

В семь вечера неожиданно приехал Енс с бумагами, которые Алиция должна была подписать поздно ночью. Оказалось, ему удалось получить их раньше, чем предполагалось, и, учитывая Алицины жизненные трудности, он благородно с нее начал сбор подписей.

Пока Алиция вела со своим родственником деловую беседу, мы занялись общеплезным трудом. Из старого одеяла, тряпок, нескольких рулонов туалетной бумаги, парика и ночной рубахи Алиции мы изготовили куклу, что должна была изображать Алицию. Получилась просто куколка!

Зося в своей комнате сшивала отдельные фрагменты нашего шедевра. Алиция закончила разговор с родственником, простилась с ним и, сев на диван, достала из сумки нераспечатанную пачку сигарет.

– Холера! – сказала она, с треском разрывая пачку. – Ну и удовольствие мне предстоит!

Это прозвучало столь зловеще, что я с тревогой взглянула на нее:

– Что за удовольствие?

– Устроить званый вечер для Херберта и его жены. Они уже давно напрашивались на ужин по-польски, а я все увиливала. А вот теперь выяснилось, что Херберта обязательно надо привлечь по делу о наследстве, а как я к нему с этим обращаюсь, если увиливаю от званого вечера?

– Не понимаю, почему тебя этот вечер так нервирует? Подумаешь, ужин на две персоны!

– Да ведь ужин по-польски!

– Как это понимать? Все должны упиться вдрызг и хором петь «Шла дзевечка до лясечка»?

– При чем тут песня! Еда должна быть польская. Потрошки или бигос.

– Потрошки разве что свои собственные пригостишь, а бигос я ведь тебе привезла!

– Мало привезла! – вздохнула Алиция. – Я уж почти все съела, осталась только одна банка. Вот разве еще борщок приготовить...

Я все-таки никак не могла уразуметь, в чем же проблема. Пришлось Алиции, выведенной из терпения моей тупостью, объяснять своими словами. Все дело, оказывается, в жене Херберта. Выяснилось, что этот скромный простой парень женился на аристократке, родственнице самой королевы, и, принимая ее в гостях, надо проявлять чрезвычайный такт, делая вид, что не знаешь о ее королевском происхождении, и в то же время принимать ее по-королевски. Короче, изысканность и вместе с тем непринужденность, черт ее подери! Избави бог показать, что приготовлено нечто особенное, специально для нее, но все должно быть на уровне...

До меня наконец дошло. Ну точь-в-точь анекдот о трубке и сигаретах. В Дании говорят, что в молодости датчанин курит трубку, так как не может позволить себе курить сигареты – они в Дании очень дорогие. Потом он уже может позволить себе курить сигареты. А потом может позволить себе опять курить трубку...

– Да, что-то в этом роде, – согласилась Алиция. – Вот были бы вы с Зосей графини, очень бы это пригодилось. Ну, нет худа без добра, зато Зося поможет мне устроить ужин по-польски и наготовит бигос.

– А когда ожидается этот вечер?

– Да надо устраивать поскорее. Дело не ждет, а без Херберта оно не продвинется ни на шаг, с Хербертом же без ужина о деле не поговорить. Хорошо бы завтра, ну, в крайнем случае, послезавтра.

– До завтра бигос никак не сделать, так что только послезавтра. Какой это будет день? Пятница? Очень хороший день. Пошли, поговорим с Зосей на предмет бигоса.

Покладистая Зося выразила согласие приготовить этот деликатес, но заявила, что капусту надо ставить на огонь уже сейчас. Поскольку я собиралась лечь позже всех, то согласилась присмотреть за чугуном и

выключить газ перед сном. Алиция колебалась, удобно ли в полдесятого звонить Херберту, мы ее убедили, что время вполне светское, она позвонила, и Херберт с радостью принял приглашение на долгожданный ужин по-польски.

Вечер проходил в милой домашней обстановке. Я прикидывала, на какую лошадь поставить на бегах в четверг, то есть завтра. Павел открывал банки с квашеной капустой, Зося мыла сушеные грибы. Алиция прошла в свою комнату и выскочила оттуда, как ошпаренная.

– Вроде вы все здесь? – не совсем уверенно спросила она. – Кто же тогда, черт возьми, спит в моей комнате?

Естественно, первое, что пришло нам в голову, – опять какой-то посторонний труп в нашем доме! Но тут мы вспомнили об изготовленной нами кукле и успокоились. Хотя Алицию предупредить все-таки следовало бы, а мы забыли.

– Велено соблюдать осторожность, – спокойно разъяснила Зося. – Все равно ты там спать не будешь.

– А где?

– В погребке, в ванной, где хочешь, только не на своем месте. А на твоём месте будет наша имитация.

– Правда, хороша? – не выдержала я. – Можешь пощупать ее.

Алиция молча вернулась в свою комнату и внимательно осмотрела имитацию.

– Вы всерьез думаете, что ее можно принять за меня? Морда у нее...

– Ты же сама приняла. Ишь, какая требовательная! Интересно, какую еще морду можно сделать из туалетной бумаги? А если даже убийца и не попадет на нашу удочку, поймет, что это не ты, не станет же он тебя по всему дому искать!

Зося меня поддержала:

– Значит, так. Вы с куклой будете меняться местами. Раз она там, а ты, например, на диване, потом она на диване, а ты там...

– Но сегодня я там?

– Нет! Сегодня она там, а ты здесь.

Алиция подчинилась требованиям общественности и приготовила себе постель на диване. Зося с Павлом пошли спать. Капуста развонялась на весь дом. Желая немного выветрить ее запах, я приоткрыла дверь на террасу и при этом обнаружила, что идет дождь.

Хорошо, Бобуся и Белой Глисты уже нет в доме, иначе мне пришлось бы под дождем бегать вокруг дома.

– Иоанна, ты, случайно, не видела, куда я дела сигареты? Вроде у меня была целая пачка, – спросила Алиция.

– Была, я сама видела. Ты распечатала ее при мне.

– А откуда я ее взяла?

– Из своей сумки.

Алиция вывалила на стол содержимое своей сумки. Сигарет там не оказалось. Она встала и заглянула под стол, поискала на письменном столе, потом в своей комнате, потом в прихожей, в ящичке под зеркалом. Я с неодобрением наблюдала за ней, и меня кольнуло недоброе предчувствие. Вытащив из своей сумки пачку своих сигарет, я обнаружила, что их осталось всего две штуки.

– Сколько? – с надеждой спросила Алиция.

– Две последние. Дам тебе одну, мне все равно не хватит.

– Фи, с фильтром, – недовольно бросила Алиция, закуривая драгоценную сигарету.

– Во сколько закрывается киоск на станции? – с тревогой спросила я.

– В девять, уже поздно. Только автомат остался. Ну, ничего не поделаешь, придется идти к автомату. А тут еще дождь как назло.

Я решила пожертвовать собой и прогуляться за сигаретами к ближайшему автомату, который находился у магазина сразу за перекрестком. Мы с Алицией наскребли четыре кроны в нужных монетах. Обув сапоги и взяв зонтик, я отправилась в путь. В автомате не оказалось ни моих «люков», ни Алициных «викингов», поэтому я купила десять штук единственных сигарет, какие там были, без фильтра.

– Но ведь ты куришь с фильтром, – удивилась при виде их Алиция.

– Но ты любишь без фильтра. Я человек благородный и жертвую собой для других. А дождь не такой уж и сильный. Послушай, не сделать ли нам кофе?

– Знаешь, хорошая мысль. И, может, кофе хоть немного заглушит эту капусту...

За кофе я ей изложила содержание полученного мною письма. Алиция попыталась связать концы с концами:

– Меня все больше интересует, кто же он такой, твой хахаль? Преступная организация... Ну при чем тут мы? А вот что касается убийцы... Ну Эва теперь совсем отпадает. Рой? Нонсенс. Анита? Не верю. Нет, все-таки это кто-нибудь посторонний. Сидел в кустах...

– И посторонний так хорошо знает порядки в нашем доме и особенности твоего организма? Или, может быть, ты давала объявление в газетах? Вспомни, и Эдик кричал о том, что ты пускаешь в дом каких-то неподходящих людей. Заметь: пускаешь в дом! И что ты рискуешь! Тут как раз организация очень подходит.

– Да, я и забыла вам сказать, – вспомнила вдруг Алиция. – У меня был разговор с герром Мульдгордом. Он считает, что этот наш преступник – человек очень опытный в такого рода вещах. Он не оставляет никаких следов! Ну совершенно никаких! И очень осторожный. Они бы его уже давно поймали, если бы он все свои преступления совершал одинаковым методом или повторялся чаще двух раз. Сейчас они увеличили фотографии того кудлатого типа и будут всем предъявлять для опознания. А вот ни о какой организации он мне не говорил. Похоже, ни о чем таком они и не подозревают.

– И напрасно. А преступник из тех, кто много ездит по свету и не вызывает подозрений.

– С чего ты это взяла?

Я вытасила письмо и зачитала вслух его подлежащие оглашению фрагменты. Затем попыталась прижать подругу к стенке:

– Алиция! Ты что-то знаешь! Вспомни же, наконец, что ты делала в последние пять лет! Может, где была, может, кого встретила, может, заметила что подозрительное? Да отвечай же! Где ты была?

– В Швейцарии, – ответила Алиция. – В Вене. В Париже, во Флоренции, в Монте-Карло. В Амстердаме и в Стокгольме. На севере Норвегии. В Варшаве.

– Да-а. Ездишь много по свету и не вызывает подозрений. Признайся, может, преступник все-таки ты?

– Я уже и сама начинаю подумывать – уж не я ли? А что действую часто во вред себе, так просто по дурости. Ну, например, когда собственную машину изничтожила или собственный дом чуть не взорвала...

И опять перебирали мы с ней возможные кандидатуры, и опять ни к чему путному не могли прийти. Капуста воняла зверски. В ажиотаже

изысканий мы и не заметили, как искурили сигареты. Пришлось перетрясти опять все сумки в поисках следующих четырех крон. Теперь пожертвовать собой предстояло Алиции.

– Нет, ты все-таки скажи, – бубнила она, влезая в сапоги, – кто же этот твой хахаль?

– Рекорд всей моей жизни. Тот самый роковой блондин, которого мне предсказали три гадалки. Выдумала я его.

– Что ты сделала?

– Выдумала. Как волшебную сказку. Слушай: в одно прекрасное утро поехала я в лес, чтобы набрать букет цветочков...

Заинтригованная Алиция задержалась в прихожей с зонтиком в руках:

– И там ты его встретила?

– Совсем наоборот. Там я застряла в таком болоте, в котором могла и корова свободно утонуть. Машина буксовала и буксовала.

– А какая нелегкая занесла тебя в это болото?

– Ну не нарочно же я в него въехала! По виду незаметно, что болото, сверху все выглядело совсем сухо и даже привлекательно – травка, цветочки...

Некоторое время я молча предавалась сладким воспоминаниям.

– Нет, не так. Не так все началось. Началось все гораздо раньше. Судьбе было угодно вмешаться в мою жизнь в другом месте, причем так коварно... Ладно, принесешь сигареты, тогда доскажу.

Алиция шагнула во влажную ночную тьму. За разговором мы и не заметили, что оделась она весьма странно: старые резиновые сапоги, какая-то замызганная бесформенная кацавея. По рассеянности она прихватила старый зонтик, из которого во все стороны торчали спицы. Я еще минуту посидела, предаваясь сладким воспоминаниям, которые в соответствии с развитием событий становились менее сладкими и все более тревожными. И тут на их фоне возникли столь же тревожные ассоциации с действительностью. Осторожность! Мы обязаны быть предельно осторожными! Ну не кретинки ли? Выходить Алиции ночью из дому, одной, в дождь и тьму?

В чем была, отчаянно стуча туфлями без задников и то и дело теряя их, я выскочила через калитку на улицу. Ночную темноту несколько рассеивал свет далеких уличных фонарей. В их свете я увидела почти на самом перекрестке стоящую у тротуара машину, а

возле нее шевелились черные тени. Одна из них держала над головой странный предмет, похожий на растрепанную метлу или зонтик с торчащими спицами. Я уже открыла рот, чтобы заорать на всю улицу, но передумала: глупо и опасно. Так и не закрыв рта, я молча, в полной тишине, помчалась к машине. В полной тишине, если не считать, конечно, отчаянного стука деревянных подошв моих домашних туфель по мокрому тротуару. Машина вдруг взревела мотором и оттолкнувшись от тротуара, умчалась вдаль, а на перекрестке осталась одинокая фигура с метлой над головой.

– А ты чего выскочила? – допытывалась Алиция, когда мы обе уже сидели в прихожей, проникнув в дом через раскрытое окно на террасе, ибо дверь, как выяснилось, я, выбегая, захлопнула.

– Сердце подсказало, – ответила я, обтирая мокрые туфли туалетной бумагой. – Только дурак мог отпустить тебя одну в такую пору. Знаем ведь, что наш убийца упрям, как дикий осел в капусте. Что там было?

– Я не очень поняла, то ли они хотели меня увезти, то ли прикончить на месте, – ответила Алиция, пытаясь привести в порядок зонтик. – Интересно, чего это из него спицы повылезали? Я и не заметила.

– Оставь зонтик в покое! Толком расскажи, откуда взялась машина.

– Не знаю. Когда я уже возвращалась с сигаретами, она подъехала сзади, затормозила рядом со мной. Вышел какой-то тип, второй сидел за рулем. Тот, что выскочил, вроде собирался на меня кинуться, но как меня увидел, вроде расхотел.

– Почему, интересно? Ты ему не понравилась? Произвела на него плохое впечатление?

Отказавшись от попыток починить зонтик, Алиция бросила его в угол, вытащила из кармана сигареты и вдруг принялась глупо хохотать.

– Знаешь, похоже, я его обманула. Шла я себе спокойно и по дороге все о наших преступлениях думала. Рассматривала их в хронологическом порядке. Дойдя до фру Хансен, я, обрати внимание, рассудила так: если он в нее стрелял, вместо того чтобы сбежать, значит, она его видела. И он боялся, что она его узнала...

– О господи, оставь сейчас фру Хансен в покое! Говори о том, чтостряслось только что!

– Так ведь дело как раз в ней! Он выскочил из машины и спрашивает меня: «Фру Хансен?» А я ему, не подумав, в ответ: «Что вы! Ведь фру Хансен в больнице». Он будто малость опешил и спрашивает: «Как! Уже?» – «Конечно, – подтвердила я. – В нее стреляли». А тут ты выскочила и к нам ринулась, ну они и смотались. Только потом я подумала, что, может, это он обо мне спрашивал.

– Ну это лишь с тобой может случиться. Забыть, как себя зовут!

На сей раз Алиция разбила все рекорды своей рассеянности. И как такое вообще могло случиться? Вот я, к примеру. Забывала ли я хоть раз в жизни, что Хмелевская – это я? Подумав, честно признала – да, был такой случай, давно, правда, на похоронах моей светлой памяти прабабки. И перед глазами, как воочию, предстала могильная плита с собственной фамилией... Избавившись от этой малоприятной картины с некоторым трудом, я взглянула на Алицию, которая еще не успела переодеться, и вынуждена была признать:

– И то сказать, глядя на тебя никто не подумает, что это ты. Не везет этому бандиту! Других он принимает за тебя, а тебя за других. Думаешь, он в первую минуту поверил, что опоздал и тебя прикончил кто-то другой?

– Похоже на то. Мое сообщение его малость ошарашило, а тут сразу ты помчалась в атаку.

– Это как же понимать? В засаде он сидел со своей машиной, что ли? Откуда он мог знать, что ты пойдешь за сигаретами? И вообще, что ночью будешь выходить из дому?

– Чего ж тут не понять? Ведь я же собиралась ехать к Енсу. Может, он ждал, когда я буду возвращаться от Енса?

– Очень может быть! И его сбilo с толку, что ты вышла из дому вместо того, чтобы в него возвращаться. А тем более, что вышла не ты, а пугало какое-то. Интересно, откуда он мог знать о Енсе?

– Так я же сама говорила...

– Кому?!

Мы устали друг на друга, пытаюсь вспомнить, кто мог знать о предстоящем визите Алиции к Енсу.

– Говорила я с ним по телефону... – неуверенно начала Алиция.

– ...и говорила по-датски. А кто мог слышать? Вот тут сидели мы, наш дорогой герр Мульдгорд и Анита. Анита знает датский не хуже родного польского. А кто сидел у Енса?

– Не знаю. Придется, наверное, спросить его...

– А кому ты еще об этом говорила?

– Да все родственники знали!

– ...Рой пришел уже после разговора. Но мог стоять под окном и подслушать. А Рой ведь по-датски понимает...

– Ну вот опять те же – Рой и Анита...

– А вдруг это кто-то из твоих датских родственников? Вдруг Енс? Он тоже много ездит и не вызывает подозрений...

Алиция хотела выразительно постучать по лбу, но раздумала.

А потом все-таки постучала.

– Эдик кричал, что я пускаю в дом всяких таких и даже махнул рукой, а ведь Енса при этом не было.

– Зато накануне был. Эдик его видел. По пьянке мог перепутать. Вспомни, ведь он кричал: «И ему тоже скажу!»

Алиция задумчиво покачала головой.

– У меня такое ощущение, что мы с тобой топчемся где-то совсем рядом и никак не попадем, куда нужно. Тепло, еще теплее, горячо... Нутром что-то чую и не пойму что.

– Звони герру Мульдгорду, пусть он думает, это его обязанность. Может, машину опознают. Не по номеру, конечно, номер заменить – раз плюнуть, опознают по чему-нибудь другому. И вдруг они продолжают фотографировать?

На следующий день, отправляясь в Шарлоттенлунд на бега, я предупредила своих, что могу не вернуться, поскольку собиралась встретиться там со своей давней приятельницей и у нее потом переночевать. Не очень-то я люблю оставаться на ночь в незнакомом доме, но мы с ней так давно не виделись, что наверняка не успеем за вечер обо всем переговорить. Если же по какой-то причине с приятельницей мы не встретимся, то я вернусь домой – рано или поздно, скорее поздно.

С приятельницей я, правда, встретилась, но еще до бегов. В Шарлоттенлунд она ехать не могла, и я отправилась одна.

В этот день с лошадьми что-то стряслось: чуть ли не каждый забег приходилось начинать по нескольку раз – сплошные фальстарты, – так что последний проходил совсем ночью. Я выиграла какую-то мелочь, но и тут пришлось подождать, чтобы ее получить. Когда я шла к станции через лес, было совсем темно. То и дело спотыкаясь, я брела медленно и опоздала на поезд. Пришлось ждать следующего, так что на станции Аллерод я оказалась без десяти двенадцать, а к дому Алиции подошла уже в полночь.

Только тут я сообразила, что у меня нет ключа от входной двери – оставила его в кармане плаща, а поехала в костюме. Дом стоял темный, тихий, как будто вымерший.

Я постучала в дверь – сначала тихонько, потом сильнее. В доме ничто не шелохнулось. Нет, так не пойдет! Если же начну тарабанить, разбужу весь дом. Лучше разбудить кого-нибудь одного, постучав к нему в окно. К окнам Зоси и Павла пришлось бы лезть через кусты и по высокой мокрой траве – она, не кошенная с весны, вымахала по пояс. Попробую через террасу.

Поднявшись на террасу, я заметила, что окно в комнате Алиции слегка приоткрыто. Какое непростительное легкомыслие, сколько раз можно ей говорить! На всякий случай проверив остальные окна и убедившись, что они заперты, я решила воспользоваться единственным открытым для проникновения в дом. Неудачно получается, конечно, что окно именно в Алицину комнату. И не только потому, что могу нарушить сон или напугать человека, который и без

того постоянно недосыпает, а уж о состоянии нервов и говорить нечего, но еще и потому, что внезапно разбуженная Алиция может принять меня за убийцу и стукнуть каким-нибудь тяжелым предметом. Поэтому надо действовать как можно тише. Я вспомнила, что сегодня Алиция спит в своей комнате, а кукла в гостиной на диване.

Окна в доме открывались наружу, причем оконная рама поднималась целиком вверх, что, разумеется, затрудняло проникновение в дом, так как нечем было подпереть открытое окно, чтобы рама не опускалась. Сейчас оно было немного приоткрыто. В щель могла проскользнуть разве что змея, но рука пролезала.

Просунув руку и отцепив крючок, я с некоторым трудом приподняла вверх тяжелую раму и начала пролезать. Хорошо еще, что окна расположены низко. И плохо, что я в узкой юбке и на высоких каблуках. Надо было разуться. Ничего, потихоньку, потихоньку...

Так, теперь не мешало бы за что-нибудь ухватиться в комнате, не загреметь бы... Вот что-то, ага, вроде стул, одна рука свободна, на спинке стула какие-то беголки, не упустить бы раму, которую я держу правой рукой, не дай бог захлопнется, а у меня еще одна нога снаружи, если даже не отрезет, так перелом обеспечен, скорее эту ногу перебросить, вот так, теперь можно и локтем придержать раму, а, черт, зацепилась каблуком! Падая в комнату, я инстинктивно вытянула обе руки вперед и упустила оконную раму, которая мощным ударом ниже талии с силой толкнула меня, и я влетела в темную комнату головой вниз, возможно, выкрикнув несколько ругательств.

Падая, я что-то опрокинула, что-то опрокинулось на меня, что-то свалилось мне на голову. Вся я оказалась заляпанной чем-то мокрым, липким и противным. Что бы это могло быть, черт возьми? И почему не проснулась Алиция от этого грохота? В слабом свете уличного фонаря я разглядела у себя на юбке, на руках, на коленях какие-то темные пятна. Я взглянула на кровать Алиции. Те же страшные темные пятна на простыне, прикрывающей скрюченное неподвижное тело...

Ни шевельнуться, ни крикнуть, ни вздохнуть. Этот темный вымерший дом...

Трясущимися руками я никак не могла нашарить на стене выключатель. Выскочив в прихожую, я, наконец, попала на него ладонью. Пятна на юбке красные, руки все в крови...

Что же это такое? Есть ли кто живой в этом доме? Ноги подо мной подкосились. Последним усилием воли я дотащи́лась до ближайшей комнаты, толкнула дверь и зажгла свет. Это оказалась комната Павла.

Кажется, я трясла его за плечо. Кажется, я что-то кричала не совсем человеческим голосом.

Павел вскочил, ничего не понимая, и тоже заорал нечеловеческим голосом. Оставив его в покое, я ринулась к Зосе и столкнулась с нею в дверях.

– Помогите!! Спасите!! Алиция!! Там Алиция...

В коридоре вспыхнул свет, и к моему воплю присоединился страшный вопль Зоси, разносясь эхом по округе. Никогда не предполагала, что в щуплом теле подруги кроются такие голосовые возможности! Отмахиваясь от меня руками, плача и истерически хохоча, она безостановочно выкрикивала одну и ту же фразу:

– Все красное! Все красное!! Все красное!!!

Я пыталась потащить ее за собой в комнату Алиции, но Зося не давалась и вырывалась изо всех сил. Ничего не понимая, я кричала одно, что была в состоянии произнести:

– Алиция!!! На помощь!!!

В дверях соседней комнаты появилась Алиция – живая, в прекрасном состоянии, абсолютно здоровая и абсолютно ничего не понимающая. Отчаянный крик застрял у меня в горле, я отпустила Зося и, чувствуя, что вот-вот упаду, оперлась о стену.

Абсолютное непонимание на Алицином лице сменилось ужасом. Со сдавленным криком она кинулась ко мне:

– Мать божия! Что с тобой? Зося! Павел! На помощь!

– Все красное!!! – не переставая выла Зося.

– Павел! Воды!

Адская суэта поднялась в только что тихом доме. К моему изумлению, все бросились ко мне с явным намерением спасти, как будто я собиралась вот-вот испустить дух. Меня силой затащили на диван, невзирая на мое отчаянное сопротивление и попытки рассказать о том, что я обнаружила в комнате Алиции. Чей же труп там лежит?! Мой активный протест убедил их в конце концов, что я вовсе не собираюсь умирать сию минуту и вообще держусь неплохо.

– Вы что, спятили? – орала я. – Да отпустите же меня! Делать вам нечего?

С непонятной для меня радостью все трое в упоении восклицали:

– Она жива! Иоанна жива!

Спятели они, что ли?

– Жива, конечно! С чего это мне помирать? Вы что, с ума посходили? Не меня ведь убили, а Алицию! То есть и не Алицию, а опять кого-то постороннего!

– Она жива! Иоанна жива!

Накричавшись, мы все малость сбавили темп и притихли.

– Так что же такое приключилось? – я уже отчаялась получить вразумительный ответ. – Почему, разрази меня гром, я не могу жить?

– О боже, и она еще спрашивает! – возмутилась Зося. – Да ты посмотри на себя в зеркало!

– Иди, иди, посмотри! – поддержала ее Алиция. – Сразу перестанешь удивляться.

Она оказалась права. Посмотрев в зеркало, я сразу же перестала удивляться и вообще с трудом поверила, что это я. С ног до головы вымазанная в чем-то темно-красном, с перекошенным лицом, с раскроенной надвое головой, я и в самом деле производила впечатление человека, нуждающегося в срочной медицинской помощи.

– И к тому же ты орала во всю глотку «На помощь!» – с упреком сказала Алиция. – Я вообще не понимаю, как ты в таком состоянии можешь еще жить! Голова разбита, столько крови потеряла. В таком состоянии человек не может ни двигаться, ни говорить, разве что он уже не человек, а привидение.

– Это я не понимаю, как ты можешь быть жива! – обиделась я. – А если не ты, то кто же убитый лежит в твоей комнате?

– Ты была в моей комнате? Ну, тогда все понятно. Никто не лежит, ловушка сработала.

– Что?!

– Ловушка! Сработала! Тут на Павла напал припадок смеха.

– Ловушка! Мы поставили ловушку на убийцу! Значит, она слетела с полки!

– Павел! Немедленно успокойся!

– Не могу! Мировую ловушку мы смастерили!

Мы зажгли свет в комнате Алиции, и перед нами во всем безобразии предстало ужасное зрелище. Пол и кровать были залиты толстым слоем густой красной краски, в которую влипли черепки

битой посуды, мятые картонные коробки, кисти, тряпки и множество других предметов. Я угодила головой в лужу краски с черепками и тряпками, часть которых очень прочно прилипла к моей голове.

– И в самом деле, все красное! – не удержалась я. – А это смывается?

– Должно бы, – не очень уверенно ответила Алиция. – Хотя, кто его знает... Я еще не пробовала смывать, потому как ловушка слетела с полки, когда Зося с Павлом уже легли, и я боялась их разбудить. Как только я вошла в комнату, так ловушка и грохнулась. Моя ночная рубашка оказалась вся в краске. И халат тоже. Постель вся залита, не могла же я в ней спать! Поэтому сюда положила куклу, а сама перебралась на кровать в последней комнате. А когда ты, вся в крови, с разбитой головой ворвалась к нам, я совсем забыла про ловушку...

Зося пришла в ужас:

– Ты с ума сошла! Ведь это надо сразу же смывать! Когда засохнет, ни за что не отмоется! Павел, попробуй собрать с пола это безобразие. Возьми газеты. Да прекрати же дурацкий смех!

– Нет, давайте сначала с Иоанны счистим...

Уже через четверть часа мы убедились: никакое мыло, никакой стиральный порошок, никакой кипяток не справятся с проклятой краской. Они просто на нее не действовали. Чистый бензин действовал – от него краска размазывалась еще сильнее. Ладно, черт с ним, с костюмом, но очень хотелось смыть краску с рук, с ног, а особенно с лица. Вся надежда осталась на какой-то особый растворитель, купленный в свое время вместе с краской.

– А как же, покупала! – гордо сказала Алиция. – И даже помню, куда его засунула. Вон на ту антресоль. Павел, надо влезть на какую-нибудь табуретку.

Пока Павел ходил за табуреткой, Зося испытывала на мне молоко, спирт, ацетон и даже сок из одного лимона. Все напрасно.

– Скорее шкура слезет, чем эта проклятая краска! Зосенька, давай сначала попробовать на туфлях...

Зося стащила с меня вторую туфлю, первую уже держала в руке Алиция. Босой ногой я тут же размазала лужицу, которая успела натечь с туфель. Чего не коснусь, всюду оставляю за собой кровавые следы!

– О, и в самом деле все красное! – с удовлетворением констатировал Павел с высот табуретки.

– Не время сейчас заниматься колористикой! Доставай растворитель!

– Легко сказать! А как я открою эту антресолю? Ухватить не за что.

И в самом деле, дверцы антреселей были плотно закрыты, ни ручки, ни колечка, ни даже ключа, за который можно было бы потянуть, не было. Только у самого потолка что-то торчало в щели.

– Была на дверцах такая штуковина, за которую их можно было тянуть, да оторвалась, – задрав голову, сказала Алиция. – А потом они стали все время распахиваться, пришлось в щель засунуть бумагу и как следует захлопнуть. Теперь не открываются. Попробуй потянуть за кусочек закладки, вон он в щели торчит!

– Никак не ухвачу, больно маленький.

– А ты клещами или плоскогубцами ухвати, – посоветовала я. – Зося, дай ему клещи, я не могу.

– Да нет, можно ножом поддеть или вилкой. В щель влезут.

Задравши головы, мы все трое принялись советовать парню, чем лучше открыть дверцы. Не выпуская из руки моей туфли, другой рукой Зося подавала всевозможный инструмент. С помощью клещей и вилки Павел открыл наконец дверцу, выдернув торчащий в щели закрепляющий элемент.

О чудо! Растворитель во всей красе стоял на переднем плане, Алиция не перепутала. И какой замечательный растворитель! Он легко, безо всякого труда смыл проклятую краску. Только вонял сильно. Вскоре вонять начала я.

– Алиция, а там не написано, как долго выветривается этот запах? – с беспокойством спросила я.

– И с туфель смывает! – радостно ответила Алиция. – Нет, это теперь на долгие месяцы. Я потому и держу его на антресолях, а не в комнате. Так что сама выбирай – останешься в краске или будешь вонять.

– Сама не знаю. В темноте так можно и красной оставаться.

– Зося, ну как, с одежды сходит?

– Сходит, но мало этой бутылки, на всю постель не хватит. Да и в самом деле, смердит ужасно, больше не выдержу. Аж в носу щекочет...

Павел под потолком чихнул. Он все еще стоял на табуретке и рассматривал то, что вытянул из щели клещами.

– Крепко сидело! Сложено в несколько раз... Вонь всегда поверху идет.

Он опять издал чих, такой мощный, что чуть не слетел с табуретки.

– А ты слезай оттуда! Сколько можно торчать без дела. Я просила тебя с пола собрать краску, – кипятилась Зося. – Завтра званый ужин, Херберт придет со своей женой, а тут и краска, и этот запах.

– О господи! – ужаснулась Алиция. – И в самом деле, Херберт! К черту мою комнату, оставьте все, как есть, тут бы навести порядок!

Павел попытался закрыть дверцы антресолей, но у него ничего не получилось. Как он их ни захлопывал, они тут же распахивались и покачивались, издевательски поскрипывая.

– Ну что ты там возишься! Воткни снова в щель то, что их держало.

– Не влезает, слишком толстое.

– Так разверни пополам, будет потоньше.

Павел послушно развернул, но теперь оказалось слишком тонко. Павел попытался сложить по-другому.

– Алиция! – сказал он вдруг со странной интонацией в голосе. – А ты знаешь, что это?

– Не знаю и знать не хочу, – нетерпеливо ответила Алиция. – Видно же, что какая-то бумажка. Может, кусок газеты.

– Нет. Это конверт. Какое-то письмо. Нераспечатанное.

Алиции было не до того, она как раз заканчивала очистку подошвы моей туфли.

– Чего пристал? Видишь, некогда. Сложи втрое, если вчетверо слишком толсто, и закрой, наконец, дверцы, меня раздражает их скрип. Иоанна, ты не возражаешь, если вот тут, по канту, останется немного красного?

– На туфле пусть остается, – я отобрала у Зоси кусок ваты. – Разреши, кожу с собственного лица я сама себе сдеру.

– Алиция! – заорал Павел, видя, что до нас не доходят его слова. – Это письмо тебе! Нераспечатанное!

До Алиции наконец дошло.

– Скажите пожалуйста! – удивилась она. – Письмо. Что оно там делает? От кого?

– Не знаю, адресата нет.

– Ну и не надо! Ради бога, закрой, наконец, дверцы и слезай, столько еще дела! – сердилась Зося.

– Ну вот, теперь и я приклеилась! Павел, и в самом деле закрепи дверцы письмом, как было, и слезай. Иоанна, замучилась я с твоей юбкой. Может, выкрасишь ее в красный цвет, и дело с концом?

– Ага. И блузку. И жакет. Да и туфли тоже, зачем тогда ты их оттирала? Раз уж все красное... Интересно, из чего вы сделали эту адскую смесь?

– Из краски с клеем... – начала было Алиция, но Павел ее перебил:

– ...и я должен был разлить ее у порога. Мы хотели, чтобы он вляпался и оставил следы... – Павел наконец воткнул сложенный вчетверо конверт в щель, кулаком прихлопнул дверцы и слез с табуретки.

– Он так надоел мне со своей ловушкой, что я вспомнила об этой краске, – продолжала Алиция, дергая на мне юбку. – Послушай, ты бы ее сняла, можешь переодеться, вот халат. Хотя нет, ведь у тебя еще руки...

– ...и ноги, – огорченно дополнила Зося.

– Мы хотели сделать так, чтобы следы были заметны, – с воодушевлением излагал свою идею Павел, – и чтобы не очень легко стирались...

– Ничего не скажешь, у вас отлично получилось.

– Мы добавили в краску клей и хорошенько перемешали...

– Павел! Сколько раз повторять – берись за пол! – Зося решительно воткнула ему в руку большой кусок ваты. – Не хватает еще, чтобы эта Хербертова аристократка тут к чему-нибудь приклеилась! Да не там, куда ты пошел? Здесь, в кухне, вытирай! И в прихожей! И около сортира. Там, где Иоанна наследила.

– По всему дому успела, – ворчал Павел.

– Очень трудно было смешивать, – жаловалась Алиция. – Как я ни старалась, немного вылилось на пол. И я тут же приклеилась. Тогда я поставила банку на полку... Нет, банку я поставила на стол, а на полку – миску. Я хотела подмешать еще немного клея, но тут банка упала. Размазывалось все по-страшному, ну мы и решили оставить все как есть до утра, посмотреть, будет ли дальше пачкаться или засохнет. А потом они пошли спать, Я тоже легла, и вот тут свалилась миска,

сначала на меня, а с меня на пол. Я пыталась стереть с себя краску, но лишь больше измазалась, ну, чистое наказание, вроде этой краски все больше делалось, плюнула я на нее и вообще ушла из комнаты. А в западню попала ты. Какого черта ты вообще полезла в окно?

– Ключи забыла. Думала, вы спите, не хотела вас будить.

– И в самом деле тебе это удалось.

От всех нас потребовалась каторжная работа, чтобы по крайней мере по квартире можно было передвигаться без риска влипнуть в краску. Свою измазанную одежду я подбросила к куче с грязным постельным бельем из комнаты Алиции. Какое счастье, что сумка мне мешала и я оставила ее на террасе! Хоть она уцелела. Ох, в недобрый час придумала я «все красное»...

* * *

Хлопоты по приготовлению изысканного и в то же время свойского ужина по-польски отнимали у нас все силы. Дел было невпроворот, и они множились как кролики весной. Херберт со своей Анной-Лизой должны были прибыть к семи. К этому времени нам предстояло не только доварить бигос, но и как следует проветрить квартиру. Капустный запах был прочно закреплен вонью растворителя. Алиции пришлось купить еще одну бутылку, ибо утром обнаружилось, что надо отчистить от краски и диван, на который меня силком заволокли, и дверь в Алициной комнате, о которую я опиралась в изнеможении. Особенно нас беспокоил благоухающий диван. Зося безуспешно пыталась забить запах краски то с помощью спирта, то духов, то кофе. И каждый раз, обнюхивая мягкую мебель после очередной операции, с горечью убеждалась, что ничто не помогает.

Павла огорчало другое:

– Жалко, что в диване не было клопов, все до одного бы повымерли.

– И в самом деле, гости подумают, что я тараканов морила. Надо что-то придумать. В такую атмосферу я гостей не пущу, – волновалась Алиция.

Я предложила испробовать лук. Если пропитать диван луковым соком, все остальные ароматы померкнут. Или чесноком...

– Спятила! Вот уж лук будет совсем невыносим! – запротестовала Зося.

– Это чеснок совсем невыносим, а лук может пахнуть вполне аппетитно. Сделаем на ужин салат из помидоров с луком, гости подумают, что пахнет от салата.

– Так ведь на диване мы будем кофий пить, – скептически заметила Алиция. – Кофе с луком, это, знаешь ли...

В итоге, после всех процедур, наш диван по запахам смело мог конкурировать с любым восточным базаром. Правда, с базаром, на котором только что провели дезинфекцию. Капуста давно отступила на дальний план. Мы устроили в доме сквозняк, пооткрывав все окна и двери. Павел стоял над благоухающим диваном и обмахивал его газетами. Все готовящиеся к вечеру блюда мы обильно сдабривали

луком для оправдания атмосферы. По инерции Алиция чуть было не заправила им и мороженое.

Ценой невероятных усилий нам все-таки удалось уложиться с подготовкой к семи часам. По счастливому стечению обстоятельств Херберт и Анна-Лиза были сильно простужены. Нам здорово повезло! Поначалу они вроде сделали несколько попыток что-то разнюхать своими сопливыми носами, но вскоре от этих попыток отказались и производили впечатление людей, вполне свыкшихся с нашей атмосферой.

Ужин проходил в очень приятной обстановке. Гости в бигосах совершенно не разбирались, поэтому искренне нахваливали наш и с аппетитом его уничтожали. Некоторые затруднения возникли лишь к концу ужина. Борьба со смрадой отняла у нас слишком много сил, и мы не успели накрыть стол в гостиной. Кофе, сливки, десерт, пирожные, чашки, блюдца все еще находились в кухне, и надо было их перебазировать на длинный журнальный столик у дивана в гостиной. Проблема заключалась в том, как перебазировать. Большой обеденный стол, за которым мы сидели, в разложенном состоянии полностью преграждал выход из кухни. Передавать упомянутые выше предметы над головами гостей нам представлялось не очень аристократичным.

– Зося, через ванную и ту комнату, – вполголоса произнесла Алиция, не прекращая оживленного разговора с Хербертом на тему о наследстве.

Задернув небрежным жестом занавеску, отгораживающую кухню, Зося скрылась с кофейником в дверях ванной. Отвлекая внимание Анны-Лизы, я втянула ее в разговор о модах на французском языке и пнула под столом Павла. Тот незаметно смылся из-за стола, и я краем глаза увидела, как в противоположных дверях он принимает от Зоси кофейник и кофейный прибор. Поскольку Алиция не могла их видеть и волновалась, я успокоила ее:

– Порядок. Зося накрывает на стол.

– Скажи ей, что свечи в сундуке, лежат сверху.

Полностью разделив отрицательное мнение Анны-Лизы в том, что касается теперешней моды на юбки, я ухитрилась передать Павлу информацию о свечах.

– Все на столе, не хватает только десерта, – отрапортовал Павел, садясь на свое место непринужденно и вполне великосветски. Теперь

встала я.

– Занимай гостей, а десертом мне надо заняться самой.

По знаку, данному мною, Алиция переместила гостей к журнальному столику, ни на минуту не прекращая занимательнейшего разговора о наследстве. За мороженым она достигла своей цели: Херберт сам, по собственной инициативе выразил желание заняться этим делом.

Окольными путями – через ванную, уборную, коридорчик и соседнюю комнату – на стол поступали недостающие угощения, конфеты и пирожные. Бодрящий аромат кофе смешался с крепким запахом дивана. Херберт и Анна-Лиза принялись подозрительно часто чихать.

За кофе выяснилось, что я уже довольно хорошо понимаю датский язык. Передав аристократическую даму Зосе, я подседа к Алиции, чтобы послушать, о чем это можно столько времени так оживленно болтать. Оказалось, они с Хербертом вспоминали то время, когда мы с Алицией еще жили в доме родителей Херберта на площади Святой Анны.

– Сейчас родители стали наводить порядок в доме, – рассказывал Херберт Алиции, – и на чердаке обнаружили твои вещи.

– Какие вещи? – удивилась Алиция.

– Сверток какой-то. Они просили сказать тебе об этом. Чтобы ты забрала.

– Скажи пожалуйста! – удивлялась Алиция. – Интересно, что бы могло быть в этом свертке? Спасибо, я позвоню им и как-нибудь заберу.

Херберт покачал головой.

– Ты не дозвонишься, они сейчас живут в Хюмлебеке. Хочешь, я сам возьму сверток и передам тебе? Ведь все равно нам придется завтра или послезавтра встретиться по наследственным делам.

Алиция с благодарностью приняла его предложение. Я бестактно вмешалась в разговор, так как он показался мне важным, а я не была уверена, что все правильно поняла. Оказалось, все правильно.

– Если твои вещи до сих пор лежат в их доме, значит, ты оставила их пять лет назад. Что же такое, скажи на милость, ты могла забыть и не вспоминать столько времени?

– Мне самой интересно, – ответила Алиция. – Только потому мне и хочется заполучить этот сверток, а так, ведь наверняка мне те вещи уже не нужны.

Поздним вечером гости покинули дом, рассыпаясь в благодарностях за чудесный ужин и без конца чихая. В прихожей вонь была и вовсе непереносимая. Оказалось, Зося в спешке оставила там бутылку с остатками растворителя. Алиция проводила Херберта и его жену до машины.

– Вот интересно, как подействует наш смрад на их насморк? – задумчиво произнес Павел. – Излечит или наоборот?

– Поставь эту проклятую бутылку на место, – приказала ему Зося. – Мыть посуду сегодня не будем.

Павел не успел выполнить приказ, так как зазвонил телефон. Он поднял трубку.

– Алиция, тебя! Герр Мульдгорд.

Мы бросили все дела и стали ждать, когда Алиция закончит разговаривать с полицией. Вдруг что-нибудь новенькое!

– Черта с два! – повесив трубку, раздраженно сказала Алиция. – Так ничего и не узнали! Хотя иногда мне кажется, что он все-таки что-то от меня скрывает...

– Полиция всегда скрывает, – заметила я, – так уж им положено. А кроме того, что скрывают, ты больше ничего нам не сообщишь?

– У Аниты на вчерашний вечер нет алиби. У Роя тоже нет. Енс звонил не от себя, а от одного знакомого, у которого в тот момент как раз сидел гость. Иностранец. Полиции он уже давно не нравится. Этот гость слышал наш разговор и мог сделать выводы. Полиция фотографировала, правильно мы думали. Машина – «мерседес», в ней сидел человек в больших очках и в кепке, надвинутой на лицо. Который выходил из машины, может быть кудлатым. Ну, тем самым, что тогда крутился возле дома без определенной цели. А может и не быть. И еще полиция интересуется, не пришел ли мне счет из магистрата за стрижку живой изгороди. Не приходило ничего такого?

Мы в один голос заверили, что ничего такого не приходило.

– Ну так придет. Кроме того, сказал – они предприняли какие-то потрясающие новые меры, так что в следующий раз преступник уж обязательно попадется.

– А кто-то из нас должен стать добровольной жертвой? – поинтересовалась Зося.

– Не знаю, – вздохнула Алиция.

– Наверное, было бы лучше, если бы я все-таки отыскала это чертово письмо от Эдика.

Мы тоже вздохнули.

– Да, Павел! – встрепенулась Зося. – Поставишь ты, наконец, бутылку на место?

Павел с любопытством взглянул на мать:

– Ты по аналогии вспомнила о том письме?

– О каком письме?

– Ну о том, которое заткнуто в дверцы антресолей. Я же вам вчера говорил.

Три бабы молча уставились на него. Пришло письмо, Алиция хотела его распечатать, но тут кто-то ей помешал... Она никак не могла вспомнить, куда его сунула... А дверцы антресолей все время распахивались... Павел!!

Павел уже был на табуретке. Мы кинулись к нему и, мешая друг другу, подавали необходимый инструмент. Павел вырвал письмо из щели клещами, чуть заодно не сорвав дверцы с петель. Алиция выхватила у него из руки помятый конверт.

– Письмо Эдика! Матерь божия! – только и могла она произнести.

Эдик писал:

«...И вот еще о чем мне хотелось тебе сообщить. Впрочем, скоро я приеду и тогда обо всем расскажу подробно. А сейчас предупреждаю только, не очень-то доверяй всем подряд. Слишком ты доверчива. А я тут случайно узнал, что эта особа для тебя совсем не подходящая компания. Ну, та, что на фотографиях, сделанных в ее день рождения, ты еще показывала мне снимки, когда последний раз приезжала в Польшу. Вспомни, на двух фотографиях ты, эта особа и большое животное, а на одной – только ты с ней. Так вот, эта особа общается тут с одним подозрительным субъектом, которому въезд в Данию заказан, а если выяснится,

что и она вместе с ним занимается махинациями, у тебя будут большие неприятности. Этого комбинатора тут уже взяли под наблюдение, твою знакомую – пока нет, но береженого бог бережет. И вообще она редкая свинья, водит за нос друзей и знакомых и своего мужа тоже надувает, и мне это очень не по душе. Так вот, посмотри, кто это, и больше с ней не встречайся...»

– Ну, дальше приветы, поцелуи и прочая мура, – сказала Алиция, зачитав нам письмо вслух.

Потрясенные, мы молчали. Потом Зося потребовала зачитать еще раз.

Алиция послушно зачитала.

– Я, она и большое животное, – в раздумье повторила она. – Какое животное? Может, лошадь? Иоанна!!

– Вот слово даю, у меня всего одна-единственная фотография с лошадью, – поспешила я отвести от себя угрозу. – Помнишь, я сижу на лошади. Мне девять лет, и тебя я еще тогда не знала!

Зося была очень недовольна манерой изложения Эдика:

– Ну неужели нельзя было написать по-человечески? Большое животное на дне рождения, подозрительный субъект – что нам это дает?

– Очень много дает! – не согласился с ней Павел. – Такой простор для дедукции! Алиция, на чьих днях рождения ты была?

Алиция не разделяла его энтузиазм:

– Разве сосчитаешь! Человек сто наберется, и почему-то на днях рождения любят фотографироваться. Вот, может, муж... Эдик пишет, у нее есть муж. Впрочем, у многих женщин есть мужья...

– Не о том вы говорите! – вмешалась я. – Фотографии – вот главное. Раз ты показывала их Эдику, значит, они у тебя есть. Будем искать три фотографии с одной и той же особой, и чтобы на двух из них было животное.

Грустно качая головой, Алиция устремила мрачный взгляд на нижнюю полку стеллажа, забитую многочисленными коробками с фотографиями, фотопленками и слайдами. Годы потребовались Алиции для приведения этого хозяйства в порядок, и вот на днях весь

труд пошел насмарку, когда вместе с магнитофоном и герром Мульдгордом рухнул стеллаж и содержимое коробок повываливалось и смешалось.

– Ну что ж, по крайней мере, у нас будет занятие на ближайшие три дня, – меланхолично заметила Зося. – Беремся за работу, или как?

– Не ищите лошадь! – предупредила я. – Главное, не дать себя сбить с толку этой лошадью. С таким же успехом это может быть слон, верблюд, корова или большой баран. Алиция могла фотографироваться бог знает в каком обществе, от нее всего можно ожидать! Так что искать надо с Алицией и какой-то бабой, а животное уже в последнюю очередь.

Рассвет застал нас за работой. В отдельную кипу мы складывали все фотографии, на которых Алиция была запечатлена в компании с женщинами и животными. Животных, правда, было обнаружено немного, зато почти каждое казалось подозрительным. Много времени отняла у нас фотография, на которой Алиция фигурировала вместе со своей французской приятельницей Соланж и ее мамой, причем почтенная старушка держала в объятиях крупного кота. Разглядывая снимок, Алиция выразила сомнение:

– Правда, эта фотография у меня уже давно, и я вполне могла ее показать Эдику. Но вот можно ли этого кота охарактеризовать как крупное животное? Вы как думаете?

Привлекли наше внимание и две фотографии, представляющие Алицию в обществе Торстена, который совал морковку слону. Фотографии сделаны были в копенгагенском зоопарке.

– Есть животное, – констатировала я. – И, несомненно, крупное. Только вот у Торстена нет мужа, которого можно было бы надувать...

Уже настало утро, когда мы отобрали несколько подходящих снимков, которые соответствовали всем требованиям. На одном Алиция с Эвой были изображены на копенгагенской улице на фоне конных королевских гвардейцев, необходимого атрибута каждого торжественного события в Дании. Второй представлял Алицию с Эльжбетой на фоне коровы во владениях наших хороших датских знакомых. И, наконец, на третьем Алиция с Анитой сидели в каком-то саду в обществе огромного пса.

– Все условия соблюдены, – угрюмо сказала Алиция, рассматривая фотографии.

– Тут день рождения короля и большие животные, тут день рождения наших знакомых и животное, тут день рождения Генриха и тоже животное. Которая же из них?

– Эльжбета не в счет, – твердо сказала я. – У нее мужа нет. Остаются Эва и Анита, то есть мы вернулись на исходные позиции. Надо искать дальше, из тех же серий. Вряд ли это отдельные снимки. Постарайся найти пленку!

– А что, мы так и не пойдем спать? – возмутилась Алиция.

– Не пойдем! – Зося была настроена по-боевому. – С меня достаточно этих ужасов, надо положить им конец! Павел, ты можешь лечь спать, мы обойдемся без тебя.

Зевающий во весь рот Павел проявил благородство.

– Мучиться, так уж всем!

– Хорошо, что завтра суббота! – вздохнула Алиция. – То есть сегодня суббота, не надо идти на работу.

И мы дружно, в сосредоточенном молчании, принялись одну за другой просматривать на свет проявленные фотопленки. Тут надо отдать должное Алиции: безалаберная по натуре, в своем любимом хобби она навела строгий порядок. Теряя и забывая все на свете, она никогда не потеряла ни одного негатива, ни одной пленки, ни одной фотографии. Все они были помечены и разложены в идеальном порядке. На каждой пленке – дата, место и количество сделанных фотографий. Если бы не катастрофа с магнитофоном, поиски заняли бы у нас не более получаса. Во всяком случае, мы твердо знали – если есть фотография, должна быть где-то и пленка.

– Есть! – воскликнула Алиция, чуть ли не носом вода по пленке. – Вот она!

– Есть! – воскликнула в тот же момент Зося, разглядывая на свет длинную черную ленту.

– У тебя что?

– День рождения короля, – ответила Зося. – Здесь ты, Эва и чертова прорва лошадей. В основном задом. А у тебя?

– Анита с собакой на дне рождения Генриха. На всей пленке только три кадра с ней, из них два с собакой. Проверьте!

Мы по очереди внимательно просмотрели обе пленки. На королевских торжествах Алиция, Эва и лошади представлены были во множестве кадров. На рождении Генриха Алиция и Анита фигурировали только на трех кадрах. На одном – они вдвоем, на двух – при них ошивался большой пес.

Мы попытались сосредоточиться, что после бессонной ночи далось нам с большим трудом.

– Получается, что Эдик имел в виду Аниту, – выразил общее мнение Павел.

– И что же дальше?

– Вот именно, – согласилась Зося. – То, что на фотографии она снялась с собакой, еще не доказывает, что именно она совершала преступления.

– А где же другие фотографии? – поинтересовалась я, рассматривая внимательно пленку. – У тебя только одна фотография из всей пленки. А где остальные?

– Знаете что, пошли-ка лучше пить кофе, – сказала Алиция. – Не знаю, где остальные. Должны быть здесь. Странно, что их нет. Может, после кофе какая-нибудь светлая мысль придет в голову.

Единственная светлая мысль, которая пришла в наши головы после кофе, – позвонить господину Мульдгорду. Пришло время посвятить его во все наши личные тайны, с которыми мы сами не в силах оказались разобраться. Алиция решила передать ему письмо Эдика, пусть сделает с него фотокопии, а я – познакомить полицейского со сведениями, почерпнутыми мною из личной переписки. Наверняка пригодятся датской полиции.

– Анита? – рассуждала Зося за второй чашкой кофе. – Вот уж не думаю. Взбалмошная баба, какой из нее убийца?

– Анита? – вторила ей Алиция. – Нет, тут что-то не то. Ну, прочитали мы письмо Эдика, ну, нашли ее на фотографии, а дальше что? Ведь я о ней ничего такого не знаю. На кой черт ей понадобилось меня убивать, если я живая ничем ей не угрожаю?

– Давайте, я ее прямо спрошу, – предложила я. – Если преступник – она, то должна знать причину.

Мое предложение вызвало общее одобрение. Никто из нас как-то не подумал о том, что обращаться с таким вопросом к подозреваемому лицу – не лучший метод расследования. Из нас трех я была ближе всех

с Анитой, поэтому вполне естественным представлялось, что именно я ей позволю и спрошу, в чем, собственно, дело? Для нас, наоборот, неестественным было предположение, что Анита могла совершить девять тяжких преступлений в нашем доме. Такое идиотское предположение просто не укладывалось в сознании, мы не могли воспринимать его всерьез. Скорее уж Эва... Эта женщина возбуждала сильные страсти и сама была их жертвой. А Анита всегда довольна жизнью, и не очень-то ее волнует, что в этой жизни происходит...

– Анита? – Я безжалостно вырвала ее из сладкого предутреннего сна. – Послушай, мы тут немного подумали, и у нас получилось, что убийца – ты. Что скажешь?

Анита отчаянно зевнула в телефонную трубку и без особого удивления произнесла:

– Скажи пожалуйста! А как это у вас получилось?

– Долго рассказывать. Никто другой не подходит, только ты.

– Только я, говоришь? И что, полиция уже едет за мной?

– Еще нет. Мы в полицию не сообщили, потому что никак не можем понять, из-за чего ты так взъелась на Алицию. Почему тебе обязательно надо ее прикончить? Можешь ты нам это прояснить?

– Понятия не имею, – сказала Анита и опять зевнула. – А прояснять что-либо в такую рань вообще не в состоянии. Неужели вы не могли немного обождать? Если хотите, к обеду я придумаю несколько причин. Может, у меня хобби такое...

– Да нет, скорее, ты в чем-то запутана, но в чем – не знаем. И откуда такая настойчивость по отношению к Алиции – тоже не знаем.

Анита вдруг как будто проснулась.

– О господи, у вас опять что-то стряслось? Опять кого-нибудь убили? Погоди, погоди, дай совсем проснусь. Что у вас случилось?

– Да нет, пока ничего нового.

– А почему же тогда вы не спите в такую рань? Я уж подумала, как минимум, трех прикончили. Не заболели ли вы там все?

– Просто мы вычисляли убийцу и вычислили тебя. Алиция настаивает на том, что ничего такого о тебе не знает и не понимает, за что ты так? Мы тоже не понимаем.

– Не переживайте! – попыталась утешить нас Анита. – Я и сама себя иногда не понимаю. Знаешь, ты меня жутко заинтриговала,

пожалуй, я к вам сегодня выберусь. Только сейчас дай мне еще поспать...

Я пересказала подругам разговор с Анитой.

– Не кажется ли вам, что мы все же ужасно бестактны? Звонить человеку в семь утра для того, чтобы спросить его, не он ли убийца? – начала Зося, а Алиция подхватила:

– Звонить человеку в семь утра – это в любом случае бестактность, чтобы не сказать свинство. Если это не она, придется тебе перед ней извиняться.

Хороши подружки!

– Анита ведь журналистка, значит, привыкла работать в любое время суток. А кроме того, это не она. Глупо мы придумали.

Я пересказала подругам разговор с Анитой. Алиция вытащила письмо Эдика и принялась перечитывать его в двадцатый раз.

– Да, не она. Вот тут Эдик ясно пишет о фотографиях, «сделанных в ее день рождения», а та фотография со дня рождения Генриха. Эх, напрасно ты ее разбудила.

– В таком случае мы напрасно потеряли ночь! – рассердилась Зося. – Вы как хотите, а я пошла спать. Не знаю, стоит ли звонить полицейскому. А впрочем, позвони, не одним же нам мучиться.

Алиция стала звонить, а я села писать письмо и даже до двенадцати успела отправить его, сбегав на почту. Наверняка получилось сумбурное, ну да ладно.

Господин Мульдгорд приехал после двенадцати. Мы вручили ему письмо Эдика, вручили фотографию Аниты с Алицией и собакой, вручили фото пленку. Изучив представленные документы, он погрузился в глубокие размышления и наконец произнес:

– Аз глаголю зело много.

И, опять помолчав, закончил:

– Не моя афера.

На этом окончательно замолк, и мы с Алицией напрасно ожидали продолжения.

– И в самом деле, очень много сказал! – не выдержала Алиция.

Герр Мульдгорд уселся в кресле поудобнее и, как мне показалось, с сожалением вздохнул.

– Не моя афера, – повторил он. – Истинно глаголю: моя афера есть убийство. Сия афера имея бысть для моих коллегов такожде приятелев.

Два лета вспять изловили еси человек зело нехорош исполняху подлая работа для краев заморских. Его же должно во смирение привести паки заключати под стража. Вотще! Во оноже время человек сей утекаху прочь...

Прервав свой рассказ, господин Мульдгорд с сомнением посмотрел на нас. Мы слушали, затаив дыхание.

– Тайна сия велика есть, – предупредил нас полицейский.

Мы хором заверили его, что никому не скажем. Немного успокоившись, он продолжал:

– Подлая работа. Наркомания. Для бизнесмены в Греция.

Алиция лучше нас разобралась в актуальных больных проблемах Скандинавии, поэтому первая поняла полицейского:

– Международная контрабанда наркотиков!

Герр Мульдгорд энергично несколько раз кивнул головой, подтверждая ее догадку, и продолжал:

– Человек сей бысть особа вельми важная. Он есть. Он имея помощь наша отчизна. Помощь сия велика есть, особа сия есть неведома. Полиция имея информация о великая любовь сей человек и сия особа...

– Ну, значит, это не Анита! – сделала вывод потрясенная Алиция. – Если большая любовь, значит, Эва!

Взяв в руки фотографии с Эвой и лошадьми, герр Мульдгорд еще раз вдумчиво их изучил, после чего просмотрел пленку и перечитал письмо Эдика.

– Послушайте, – спохватилась я. – Это снято в день рождения короля? Ты точно помнишь, короля, а не королевы?

Алиция засомневалась:

– Я думала, короля, а вот теперь и не знаю... «Ее день рождения». А ну-ка, покажите карточку, какое там время года?

Внимательно изучив фотографию, мы вместе с полицейским пришли к выводу, что снято весной. Насколько можно было судить по попавшим в объектив веткам деревьев – весна, а значит, день рождения королевы!

Полицейский для верности решил сделать несколько увеличенных фотографий, но тут же нас разочаровал:

– Увы! Джузеппе Грассани не есть сей человек. Приятели мои обзрели его.

Сложив аккуратно фотографии, пленку и Эдигово письмо и тыча в них перстом, он продолжал:

– Аз воздвигнул причина для подозрения, зело малая причина. Полиция не имея присно истинные доводы. Приятели мои ведати особа убивец, аз ведаю такоже.

Мы не задохнулись лишь потому, что не были верены, правильно ли поняли полицейского.

– Что вы сказали? – невежливо переспросила я. – Вы знаете, кто убийца?

Полицейский вежливо подтвердил:

– Воистину аз ведаю. Такоже полиция датская. Увы, особа сия есть зело мало знатная...

Мы были возмущены. С каких это пор преступником должна быть непременно аристократическая оба? Мало знатная для них, видите ли... А то, что эта особа пыталась прикончить восемь человек...

– Девять! – поправил нас Павел.

– ...девять человек! Это для них не имеет значения? Сколько же надо иметь на своем счету жертв, чтобы датская «полиция» соизволила заинтересоваться особой преступника? Девяносто?

– Пошто девяносто? – удивился господин Мульдгорд. – Токмо пятьдесят восемь. Особа ведаем, довод не имеем.

Мы были поражены:

– Откуда же пятьдесят восемь?

Видя, что проговорился, полицейский перестал темнить и счел нужным немного приоткрыть служебную тайну. Из его пояснений мы поняли: полиция должна обезвредить преступную группу – таинственную особу и черного парня. Сделать это можно, лишь заполучив бесспорные доказательства их преступного сотрудничества. Преступник вычислен полицией методом дедукции, то есть чисто теоретически, на основе косвенных улик. Эти улики свидетельствуют о том, что девять жертв в Аллероде и десятая на автостраде для преступника – тьфу, семечки, ибо на его счету как минимум пятьдесят восемь преступных акций. А доказать невозможно. И невозможно предпринять решительные действия, хотя время не терпит. А таинственная особа не столь мало знатная, сколь мало значима для полиции.

– Пани, – господин Мульдгорд указал пальцем на Алицию, – зело велика информация имея небо вещь. Память ваша воистину кладезь бесценный. Явите нам память вашу!

Относительно Алициной памяти мы бы многое могли порассказать полицейскому, да только вряд ли ему это пригодится. Сообщение полицейского до такой степени заморочило нам головы, что мы даже не спросили, кто же убийца, раз уж ему это известно.

Общие чувства выразила Зося:

– Ум за разум заходит! Я не знаю, что они знают, но раз у них доказательств нету, значит, знают они то же самое, что и мы! И опять двадцать пять – Анита и Эва, Эва и Анита! Неужели нельзя выбрать одну из них?

– Такова есть цель и пожелание, – отвечивал герр Мульдгорд, подтверждая тем самым Зосину правоту.

– А нельзя ли к этой цели добраться через того черного парня? – спросила я.

– Так ведь неизвестно даже, тот ли это парень, который встречался с Эдиком в Варшаве. Ведь Павел его не опознал!

– Интересно, как я мог его опознать, если его тут нет? – возмутился Павел. – А я опознал бы даже на фотографии. Морда у него такая, заметная...

Герр Мульдгорд тяжело вздохнул.

– Увы! Полиция не имеет добрые фотографии, имеет зело подлые. Добрый фотография бысть похищен тайно.

Алиция попыталась утешить полицейского:

– Даже если бы Павел распознал парня на фотографии, что это даст? Как доказать, что он встречался тут с Эвой или Анитой? На лице ведь у него не написано...

– Рассказал бы, что ли, о великой любви! – опять невежливо заметила Зося. – Кто кого любит? Ведь и правда, если большая любовь, тогда никуда не денешься – Эва. Аните, насколько я знаю, на любовь наплевать.

Господин Мульдгорд удовлетворил ее желание:

– Любовь великая оной особы к человеку сему.

– Никуда не денешься, значит, Эва! Как жаль, что именно она так упорно на меня охотится. Но о ней я ничего такого не знаю!

Вскоре господин Мульдгорд удалился, унося с собой фотографии, пленку и письмо Эдика в надежде, что его приятели и коллеги из других отделов полиции что-нибудь из них почерпнут. Мы остались сидеть огорченные и недоумевающие.

– А что, собственно, происходит в этой Греции? – спросила я. Уж очень странной казалась мне связь между событиями в этой далекой стране и домиком Алиции в Аллероде.

Алиция, пожимая плечами, ответила:

– Толком не знаю. Известно лишь, что греки к чертям собачьим выгнали своего короля с королевой, а это очень не понравилось в Дании, потому как королева – сестра Маргариты. Сейчас там все смешалось, а когда в стране такое, процветают всякие темные делишки.

– Прогонять такую красивую королеву – свинство! – возмутилась я.

Зоя заметила:

– Кажется, король выехал добровольно.

Алиция продолжала:

– Уедешь, когда такое делается! И за свою красивую королеву опасался. А теперь там процветают торговля наркотиками и другие темные дела.

Меня совершенно удовлетворило объяснение Алиции, так как я делами никогда особенно не интересовалась, зато с увлечением следила за перипетиями жизни разных высокопоставленных особ.

Затем мы начали спор на тему: сказал или не сказал господин Мульдгорд нам всю правду о преступнике? Поскольку нас было четверо, а голоса разделились поровну, ни к какому заключению мы так и не пришли. Алиция с Павлом были «за», мы с Зосей – «против». В поддержку своего мнения каждый из нас приводил неопровержимые аргументы. Я, например, придерживалась версии, что герр Мульдгорд вкупе с другими приятелями и коллегами делает ставку на ошибку, которую в конце концов допустит излишне уверенный в себе преступник, а значит, полиция не станет информировать кого ни попадя, чтобы не спугнуть его. Зоя же была уверена, что полицейский просто-напросто, как и мы, не знает, кого выбрать – Аниту или Эву.

Во второй половине дня приехала, как и обещала, Анита. В последний момент мы вспомнили о просьбе полицейского не

разглашать тайну о Греции и сообщили Аните только о письме Эдика, которое наконец-то отыскалось, и о том, что теперь кандидатками в преступники остались лишь она и Эва. Похоже, Аниту не столько испугало, сколько заинтересовало наше сообщение, и она лишь спросила, когда же мы сделаем окончательный выбор.

– А вот это никому неизвестно, так что можешь пока спать спокойно. Нет доказательств.

– А какие доказательства вам нужны? Скажите, может, я смогу их вам предоставить...

– Ну, например, докажи, что ты знакома с тем типом, которого Эдик встречал в Варшаве. Может, у тебя где завалялась фотография – ты с ним в обнимку? Или любовная переписка?

– Нету, к сожалению, но можно изготовить фотомонтаж. У вас есть фотография типа?

– Ни у кого ее нет.

– Да ты можешь просто нам признаться, – предложила я.

– Видно, ничего другого не остается, – вздохнула Анита. – В конце концов одной из нас придется признаться. Вы меня убедили, ничего другого не остается. А из вас никто этого типа не знает?

– Даже если и знает, то не знает о том, что знает.

– Жаль. И очень вас прошу – если в следующий раз опять меня вычислите, звоните в более подходящее время...

До понедельника мы жили спокойно. В понедельник Павла опять вызвали в полицию, и он на протяжении нескольких часов занимался разглядыванием фотографий. Кого только ему не показывали! Полиция рассчитывала, что он опознает преступника, и у них будет наконец фотография, ибо на единственной имеющейся в распоряжении полиции он был снят со спины, в пальто и шляпе. Между шляпой и воротником пальто отчетливо просматривалось ухо. Вот это ухо, увеличенное до сверхъестественных размеров, и велено было опознать Павлу. Естественно, парень очень возмутился, вернувшись домой:

– Спятели они, что ли! Нешто я в ушах разбираюсь? Пустили ухо на всю стену, не поймешь даже, ухо это или что другое, откуда я знаю, его ухо или чужое?

Во вторник вечером мы с нетерпением ожидали возвращения Алиции из Копенгагена с конференции по вопросам наследства. С

нами вместе Алицию ожидал и герр Мульдгорд с каким-то загадочным выражением лица. Алиция вернулась поздно и в плохом настроении.

– Не только у меня склероз! – раздраженно пожаловалась она. – У Херберта тоже, кто бы мог подумать, такой ведь еще молодой! Мне не терпится узнать, что в свертке, я и этой дурацкой встречи по наследству с трудом дождалась, а он, видите ли, забыл! Его жена, видите ли, возит его в машине, а на встречу Херберт пришел пешком. Договорились, он мне завтра его привезет, если получится. Или послезавтра. Если, конечно, опять не забудет. А у вас есть что-нибудь новенькое?

С новеньким, оказывается, приехал полицейский. Можно упрекать его в медлительности, но дело свое он делает добросовестно, каждую мелочь проверяет. Им было установлено со всей очевидностью, что, во-первых, магистрат Аллерода не посылал своего сотрудника стричь живую изгородь Алиции, и, во-вторых, никто, абсолютно никто не мог опознать человека, запечатленного на снимке. Тут полицейский извлек уже известные нам фотографии, сделанные в тот день, когда состоялось нападение на Агнешку. Теперь отдельные фрагменты фотографий были увеличены до невероятных размеров, наверное, как то ухо. Павел тут же прокомментировал методы работы датской полиции:

– Мания у них такая, что ли, – все увеличивать!

Мы послушно с чрезвычайным вниманием оглядели предъявленные нам увеличенные снимки человека в рабочем комбинезоне. Усы, короткая борода, клочковатые брови пробиваются кое-где над темными очками. Кепка надвинута на лоб, лицо скрыто в тени. Комбинезон вроде как оттопыривается в некоторых местах, обувь на очень толстой деревянной подошве. Ясно, камуфляж! На самом деле этот человек может быть ниже ростом, худее, с гладко выбритым лицом. Или вообще женщиной.

Увеличенные фрагменты представляли различные части тела подозрительного индивидуума. Так, на одной фотографии мы узрели гигантскую пятку, вернее, часть пятки. Но и этой части, по словам господина Мульдгорда, для специалистов оказалось достаточно, чтобы дать заключение: на ногах подозрительного индивидуума были не мужские носки, а дамские колготки, вероятнее всего, черного цвета. На другой фотографии отчетливо смотрелся кусочек горла, по своей

субтильности тоже навряд ли мужского. Остальные фрагменты были такими расплывчатыми, такими смазанными, что мы наотрез отказались определять их половую принадлежность.

– В одном я уверена твердо, – заключила Алиция, – счет за стрижку кустов мне не пришлют!

Уходя, полицейский сообщил, что предъявит нам для распознавания увеличенные фотографии Эвы и Аниты. По его мнению, это поможет нам сделать окончательный выбор. Мне казалось, это говорится лишь для того, чтобы держать нас в состоянии нерешительности. Для чего-то ему это было нужно.

– Вот если бы сейчас на нас напали, пока Эва лежит в больнице, мы бы знали, что это Анита, – рассуждал Павел. – Так нет, как назло никаких покушений!

– Замолчи, еще в недобрый час напророчишь! – одернула сына Зося.

Я попыталась выстроить логическую систему умозаключений. Итак, – случайно или не случайно, это неважно – Эдик встретился в Варшаве с человеком, который занимался противозаконной деятельностью в пользу греческих воротил наркобизнеса. Эдик узнал, что этому человеку в его противоправной деятельности помогает знакомая Алиции, и встревожился за Алицию, ведь ее могли припутать к делу. Он приехал сюда с целью предупредить Алицию, но по пьяной лавочке проболтался о том, что знает, и стал трупом. Если бы после этого погиб лишь Эльжбетин Казик, который из любви к ней прятался в кустах и мог видеть момент убийства, все было бы ясно и понятно. Преступник убивает Эдика, чтобы заткнуть ему рот, и убивает Казика, чтобы тот его не выдал. Но ведь мы совершенно точно знаем – Казик съел отравленный виноград по ошибке, преступник, вне всякого сомнения, охотится за Алицией и вот уже несколько недель делает все возможное, чтобы отправить ее на тот свет. Вывод может быть один: Алиция для него представляет опасность. Чем же Алиция может быть опасна для преступника?

После ухода полицейского я согнала в кучу Алицию, Зося и Павла и велела им думать. Они даже не очень сопротивлялись, понимая, что изобилие происшествий в Аллероде и неуверенность в своем будущем обязывают принять самые неотложные меры.

– Дело не в письме, – рассуждала Зося. – Письмо нашли, прочли, и что с того?

Алиция возразила ей:

– Преступник ведь мог не знать, о чем именно Эдик написал. А вдруг бы в письме было обо всем подробно написано?

– Я бы письмо вообще оставила в покое. Ведь мы уже на эту тему думали и пришли к выводу, что его проще найти после смерти Алиции, чем при ее жизни, и поняли – дело не в письме. Дело в чем-то другом. Алиция, ты должна знать этого человека! Покопайся в своем прошлом, ты обязательно должна была видеть его или с Анитой, или с Эвой, но не отдаешь себе в этом отчета. Или еще с кем-нибудь другим видела его. Ну, напряги свою память! Пошевели мозгами!

– Аниту я видела с ее первым мужем. Кстати, ты тоже его видела. Светлый блондин, типичный скандинав. Мог перекраситься, но вряд ли и нос переделал...

– Минутку, – прервал Павел, – а может, он думал...

– Давайте уж говорить «она», – перебила сына Зося. – Ясно ведь, что надо выбирать из двух баб, так давайте уж прямо говорить.

– Давайте, – согласился Павел. – Может, она думала, что Эдик рассказал Алиции больше, чем на самом деле, поэтому Алиция знает обо всем от Эдика, и нечего ей копать в своем прошлом? Или привез и передал Алиции что-то такое, что заставит ее обо всем догадаться? Именно Алицию и никого другого.

– Ты меня явно переоцениваешь, – проворчала Алиция. – Ни о чем я не догадываюсь...

– Потому что Эдик ничего не привез!

– Как же ничего! Водку привез.

– Водка тебя ни о чем не заставляет догадываться? Ни на какие мысли тебя не наводит?

– На всякие мысли наводит, да только мысли все посторонние...

Ну вот, и опять мы зашли в тупик. Я предложила Алиции еще раз просмотреть все фотографии, старые записные книжки, календари с записями, старые письма, старую обувь...

– ...старые сумки, старые перчатки, старые шляпки, – насмешливо продолжила Зося.

– Нечего иронизировать! Я говорю серьезно.

– Из всего перечисленного я смогу, кроме фотографий, просмотреть лишь старые календари и шляпы, – меланхолично заметила Алиция. – Так получается, что я случайно помню, куда их сунула. Сомневаюсь, что это что-то даст, но попробовать можно.

– У тебя сохранились старые шляпы? – заинтересовалась Зося.

– Сохранились. Они в большой коробке. Позавчера мне пришлось доставать чемоданы с антресолей, так я эту коробку оттуда вытащила, и теперь она стоит в подвале мастерской.

– Что ты говоришь! А ну-ка покажи!

На этом и закончились наши попытки путем рассуждений прийти к какому-то выводу, столь необходимому в свете грозящей нам опасности. Впрочем, удивляться тут нечему. Алиция всегда любила шляпы, знала в них толк, в прежние годы у нее водились поразительно красивые экземпляры, она никогда не выбрасывала те, что уже не носила, а покупные и заказные модели дополняла собственными оригинальными идеями и в результате собрала очень неплохую коллекцию. К сожалению, даже ее самые близкие друзья были лишены возможности наслаждаться видом этой коллекции, ибо содержалась она, как правило, в местах труднодоступных и хозяйке не хотелось ее извлекать.

По нашей просьбе Павел приволок из подвала картонную коробку таких громадных размеров, что еле протиснулся с ней в дверь прихожей, и грохнул на пол у зеркала. Мешая друг другу, мы все втроем, как коршуны, набросились на нее.

Анита постучала и вошла в дом в тот момент, когда мы уже успели эффектно принарядиться. У Зоси на голове была белая панاما с черной вуалькой, на мне – зеленый бархатный берет с длинным пером, а на Алиции – потрясающая ярко-красная шляпа с широкими полями. Не знаю почему, но мы с Зосей в наших очаровательных головных уборах выглядели так, что нас немедленно следовало изолировать от общества, а от Алиции просто глаз нельзя было отвести.

Анита окаменела на пороге, а глаза ее вспыхнули сверхъестественным блеском.

– Ну, знаешь ли! – вместо приветствия воскликнула она. – Ты должна в этом ходить!

– Ты должна в этом ходить! – подхватили мы с Зосей. – Алиция, не смей снимать ее с головы. Тебя просто не узнать!

– И спать мне в ней?

– И спать! И мыться! И на работе сидеть! Алиция, не смей ее снимать! Посмотри в зеркало! Ну, видишь, что ты сама на себя не похожа?!

– А к чему я ее надену? Она ведь ни к чему не подходит.

– Как это не подходит? А к светло-серому костюму?

– А к старому бежевому пальто?

– И к тому, цвета гнилой зелени! – поддержала нас Анита. – Сейчас модны смелые цветовые сочетания. Алиция, ты должна ее носить! Просто грех, чтобы такое чудо пропадало!

– Алиция, ты должна ее носить! Без этой шляпы на глаза мои не показывайся!

– Носи, иначе и знать тебя не хочу!

Под нашим дружным напором Алиция заколебалась. Бросив робкий взгляд в зеркало, она еще пыталась возражать:

– Я в ней буду себя глупо чувствовать...

– Но ты же ее носила!

– Так это было десять лет назад...

– Ну и что? В ней ты и выглядишь на десять лет моложе!

– На пятнадцать лет!

– Она тебе так идет, что слов нет! Ты просто обязана ее носить! А сейчас все фасоны в моде.

С горящими глазами Анита кинулась на Алицию, сорвала с нее шляпу и надела на собственную голову, поморщилась, сдернула и опять нахлобучила на Алицию задом наперед. Оказалось, задом наперед Алиции еще лучше. Под давлением общественного мнения протесты Алиции звучали все слабее. Павел не выдержал и пошел спать.

– Послушайте, из-за ваших шляп я чуть не забыла, из-за чего приехала, – спохватилась Анита. – Можно было и позвонить, но я теперь все время езжу по трассе Копенгаген – Хиллерод, так что к вам мне по дороге. Я не оставила у вас свою зажигалку?

– Зажигалку? Вроде нет. Нам не попадалась.

– Посмотри там на полке. Если и забыла, мы могли положить ее только туда, – рассеянно ответила Алиция, не отрываясь от зеркала. А

мы не отрывались от нее.

Анита обыскала полку под портретом прадедушки.

– Нет. А я так надеялась, что у вас ее забыла. Значит, потеряла. Жаль, мне ее подарили. Ну как, будешь ты носить шляпу или нет?

Алиция неуверенно взглянула на нас с Зосей. Вид у нас, как видно, был решительный, и она поняла, что отрицательный ответ может стоить ей жизни.

– Мегеры! Черт с вами, буду...

– Не смей ее снимать!

Алиция послушно оставалась в шляпе и после ухода Аниты. Мы с наслаждением продолжали копаться в коробке со шляпами. Зося извлекла из нее маленькую круглую шляпку без полей, в бело-синей гамме, и очень обрадовалась.

– Я ее помню! Ты носила ее, когда первый раз поехала в Копенгаген.

– Я была в ней и в мою первую поездку во Флоренцию. Она у меня тогда еще в фонтан свалилась. Помню, у меня была фотография, я наклонилась над фонтаном...

Алиция вдруг замолчала и уставилась на Зосю страшным взглядом. Зося с тревогой взглянула на себя в зеркало и на всякий случай робко стянула с головы шляпку.

– В чем дело? Ее нельзя примерить? Так предупредила бы...

Алиция задумчиво почесала в затылке, сдвинув шляпу на одно ухо:

– Интересно, а куда подевались мои флорентийские фотографии? В той куче они вам не попадались?

– Слайды попадались.

– Нет, слайды я делала в следующую поездку. А тогда были только обычные фотографии. Я помню, целых две пленки...

– Ну, знаешь, если уж ты начинаешь фотографии терять...

Тут мне вспомнилась одна вещь:

– Послушай, это случайно не те пленки, с которыми было столько хлопот, когда мы еще жили на площади Святой Анны? Тебе тогда надо было обязательно сделать фотографии, чтобы кому-то послать, а ты никак не могла взять пленку из проявки, потом никак не могла решиться, какие именно кадры отпечатать, а потом все не было времени заняться фотографиями...

– Ты думаешь, именно флорентийские пленки? Помню, действительно я все не могла выбрать время, чтобы забрать проявленные пленки из фотомастерской. А ты не помнишь, чем дело кончилось?

– В Варшаве таких фотографий не было, это точно, – твердо заявила Зося.

– Так что я тут ни при чем. В Варшаве ты никакими пленками из Флоренции не занималась.

– Здесь их тоже нет. Вспомни, где еще могут быть твои фотографии.

– Больше я их нигде не держу. Так где же они?

– Думаю, именно их возит Херберт в своей машине, – ядовито сказала я. – Лопнуть мне на месте, если это не они в его таинственном свертке.

– Знаешь, ты, пожалуй, права, – задумчиво согласилась Алиция. – Да, да, права! Теперь припоминаю, я собиралась сделать фотографии разного размера и упаковала пленки, чтобы отдать их в фотомастерскую. А потом они бесследно исчезли...

Зося поправила у нее на голове съехавшую набок шляпу и опять залюбовалась подругой. В этот момент скрипнула калитка, послышались чьи-то шаги и раздался стук в дверь. Поскольку мои подруги были заняты шляпой – Алиция пыталась ее снять, а Зося ей мешала, дверь открыла я.

– Добрый день! – сказала, входя, Эльжбета. – Они что, дерутся? Боже, какая шляпа!

Эльжбеты мы не видели уже больше двух недель. За это время у нас произошло множество интереснейших событий, но все они отступили на второй план перед чудо-шляпой. Эльжбета тут же примерила ее, и оказалось, что ей она идет, пожалуй, больше даже, чем Алиции.

– Ты собираешься ее носить? – каким-то сдавленным голосом поинтересовалась она у хозяйки.

– Сомневаюсь, – ответила Алиция, восторженно глядя в зеркало на Эльжбету в шляпе. – Правда, эти мегеры насели на меня, но я им не поддамся. Думаю, носить ее следует тебе.

Из-под красных полей Эльжбетины глаза сияли невыносимым блеском. Честное слово, было что-то в этой шляпе необыкновенное!

– Может, дашь хоть поносить?

– Да бери ее совсем, иначе они от меня не отвяжутся. Как она тебе идет!

Сильно развитое в нас с Зосей чувство справедливости подавило в зародыше готовый вспыхнуть протест. Действительно, шляпа как будто была создана для Эльжбеты! В глубине души мы сомневались, что заставим Алицию ее носить, за десять лет ее вкусы здорово изменились. Не пропадать же такому шедевру, а уж Эльжбета будет в ней ходить точно! Пришлось примириться с решением хозяйки.

Не сводя глаз со своего отражения в зеркале, Эльжбета сообщила последние новости: Казик почти здоров, скоро выйдет из больницы, ее полиция освободила из-под домашнего ареста, и она сможет вернуться наконец в Стокгольм, но до этого надо обязательно передать кое-кому кое-какие мелочи, кое-кто еще не приехал, и она просит разрешения оставить эти мелочи пока у Алиции, чтобы кое-кто по приезде мог за ними зайти. Сейчас она их с собой не принесла, ибо, не знает, разрешит ли Алиция.

– Это кое-что очень большое? – осторожно поинтересовалась Алиция, наученная горьким опытом, ибо слишком часто подобные мелочи оказывались узлом размером с хороший шкаф.

– Нет, совсем небольшое, поместится в обычную хозяйственную сумку. Сунь куда-нибудь, что-бы тебе не мешало, хоть в подвал.

– Ну ладно, приноси.

Эльжбета сказала, что в таком случае принесет свои мелочи завтра вечером, и, не снимая шляпы, покинула наш дом, так и не поинтересовавшись событиями последних недель. Мы вернулись к прерванному разговору, и я опять надела на Алицию:

– Чем больше я думаю о том свертке, который Херберт возит в машине, тем больше убеждаюсь – не иначе, это те самые флорентийские пленки. Тебе, пожалуй, стоит забрать у него наконец этот сверток.

– Завтра же заберу, я с ним и так на завтра договорилась встретиться. Только ведь в свертке, кроме пленок, должно еще что-то быть. Интересно, что?

– Узнаешь, когда заберешь. А пока давай опять вспоминай, о чем таком интересном ты можешь знать... Да спрячьте, наконец, эти шляпы, мешают сосредоточиться! Ну, думай, думай, Алиция! Шевели

мозгами! Может, в поездке по Европе ты случайно увидела Эву или Аниту при каких-то подозрительных обстоятельствах? Может, кто из них, оглядываясь на все стороны, тайком отклеивал пакет, спрятанный под столиком в ресторане? Или опять же тайком, в маске, прокрадывался в кабинет дипломата либо важного чиновника?

– Господи, какую ерунду она несет! Уши вянут от твоих глупостей! – удивилась Зося, складывая в коробку шляпы.

– Да я же только выдвигаю предположения! Ну, скажите на милость, что еще может быть опасно для преступника? Какие другие подозрительные обстоятельства...

– Постой-ка! – возбужденно прервала меня Алиция. – Кажется, я и в самом деле что-то такое видела!

Наморщив лоб и сдвинув брови, она усиленно стала вспоминать. Мы затаили дыхание и не шевелились, чтобы неосторожным движением не сбить ее с мысли.

В конце концов я не выдержала:

– Так что ты такое видела, холера тебя возьми?

– Видела, да вот никак не могу вспомнить. Вроде бы Аниту, но вот когда и где... Может, в Риме, а может, и в Париже. Или еще где. Случайно увидела и только один раз, это точно, но вот когда и где... Мелькнуло какое-то неясное воспоминание, вроде с чем-то связанное... Никак не ухвачу.

– А ну-ка, повтори свои глупости еще раз! – потребовала Зося.

Я повторила и еще несколько добавила. В задумчивом уныния Алиция разглядывала банку с маринованными огурцами. Ничего не вспомнив, она тряхнула головой и вытащила один огурец.

– Нет, никак не вспомню. Как будто дело было на какой-то почте, и то ли она, то ли я отправляла письмо. Но вот она была не в маске, это точно. И не кралась по-шпионски. Да и вообще, я могла ее видеть здесь, в Дании, например, на почте в Кобмагергаде.

– Нет, никаких нервов на тебя не хватит! – рассердилась я и оставила ее в покое.

Весь следующий день прошел спокойно. Ближе к вечеру Павел решил привести в порядок живую изгородь. Правда, убийца отлично ее подстриг, но не всю. Ту часть, которая выходила на улицу у дорожки, он не тронул, оставив в прежнем безобразном состоянии. Диспропорция слишком бросалась в глаза, вот Павел и взялся

подровнять кусты. Мы с Зосей ломали голову в кухне над проблемой ужина, когда Павел постучал в окно и крикнул, что идет Алиция. Сообщение удивило нас.

– Так рано? – удивилась Зося. – Ведь она же еще должна была встретиться с Хербертом.

– Ну, конечно, как всегда, забыла. И, значит, опять не взяла у него свертка.

– А у нас еще и ужин не готов! Оно и лучше – приготовим что полегче. Я берусь за рыбу, а ты ставь на газ картошку.

Только я поставила кастрюлю с картошкой на плиту и зажгла газ, как с улицы донесся шум мотора, визг тормозов и отчаянный крик Павла. Зося уронила на пол мороженую рыбу и с воплем «Павел!!» кинулась к двери.

Я все-таки выскочила из дому первая, успев еще подумать, что, если Зося и грохнетя в обморок, займусь ею потом. Треск захлопнувшейся двери, а потом и калитки свидетельствовал, однако, о том, что она не грохнулась, а несется за мной. Мы увидели Павла, наклонившегося над женщиной, которая в неестественной позе лежала на тротуаре, причем ее голова и плечи скрывались в кустах живой изгороди. Рядом валялась красная шляпа с огромными полями...

Когда мы подбежали, Павел уже помог Эльжбете подняться. Вся исцарапанная, в разорванной одежде, она держалась за кровоточащий локоть и не могла ступить на правую ногу, однако не потеряла обычного своего спокойствия. На ее лице отражались не страх и боль, а просто легкое удивление. Зато Павел был взволнован за двоих. Бледный, дрожащий от возбуждения и пережитого страха, он сам едва держался на ногах. С трудом переводя дыхание, отрывистыми фразами он попытался сообщить нам, что же произошло.

– Я все видел! – выкрикивал он. – Машина на большой скорости! Наехала специально! Свернула на тротуар! Наподдала сзади так, что она отлетела в кусты! Я сам видел! Я свидетель!

– Как же она осталась в живых? – Зося не нашла сказать ничего умнее.

– Я в этом не виновата, – вежливо извинилась Эльжбета. – Сама удивляюсь. Вроде как в последнюю минуту он раздумал и толкнул меня как-то боком. Ой... Надеюсь, не сломана?

Она попыталась ступить на правую ногу и даже сделала несколько шагов, опираясь на Павла и сильно хромая. Потом остановилась и с гримасой боли осмотрела локоть:

– Ничего страшного, немного содрана кожа.

Я набросилась на Павла:

– А все ты! Покушений, видите ли, никаких нет, захотелось ему покушения! Накаркал!

– Он вырвался откуда-то из-за угла и на полной скорости вырулил на тротуар! Специально за ней! А потом дал газ и был таков.

– Покажи-ка локоть... Ого! И ногу покажи! Идти сможешь? Надо немедленно перевязать! Счастье, что тебя отбросило на мягкие кусты...

– Не очень-то мягкие, – с легкой гримасой поправила Эльжбета. – Я услышала – мчится машина и оглянулась, наверное, отскочила, и он меня толкнул боком. Может, крылом или краем буфера, не заметила. И вот тут больно... Стойте, а где же шляпа?

Я подняла шляпу и отыскала в кустах ее сумочку и большую хозяйственную сумку.

– Разумеется! Опять красное! – констатировала Зося, с отвращением глядя на шляпу. – Не могу уже видеть этот цвет! Брось эту гадость...

– Да вы что? – с горячностью, совершенно ей не свойственной, запротестовала Эльжбета. – Я и так пострадала, так еще и шляпы лишиться?!

– Дуры мы с тобой, Зоська! Как не подумали вчера, что такое может случиться? Можно было предвидеть.

Когда через час Алиция вернулась домой, Эльжбета уже сидела на диване перевязанная, вся оклеенная пластырями, с компрессом на ноге, припухшая в некоторых местах и посиневшая в других, но в целом не слишком пострадавшая. Зато ужин очень пострадал – картошка совсем разварилась, а по разбросанной на полу рыбе прошелся Павел. Пришлось на скорую руку что-то изобретать.

– Итак, это Анита! – говорила Алиция. – Красная шляпа разоблачила ее окончательно и бесповоротно. Кроме нас, о ней знала лишь она. Знала, что я буду в красной шляпе. И охотилась за мной.

– А вот и нет! – рявкнула Зося и для пущего эффекта грохнула сковородой о плиту. – Недавно звонила Эва!! Спрашивала, ходит ли

Алиция в этой распрекрасной шляпе, черт бы их всех побрал!!

– Как это Эва? – мы были ошарашены.

Успокоившись немного, Зося оставила сковороду в покое и рассказала более-менее связно, как было дело. Оказывается, вчера, после визита к нам, Анита ненадолго заехала в больницу навестить Эву и рассказала ей об Алициной шляпе, описав ее во всех подробностях. На нее, Аниту, такое впечатление произвела красота шляпы и красота Алиции в шляпе, что в больнице они только об этом и говорили, и Эва, конечно, не выдержала и позвонила узнать, носит ли ее Алиция.

– Не иначе как они обе в сговоре и делают это нарочно, – раздраженно закончила Зося свой рассказ.

– За рулем сидел мужчина, – сказала Эльжбета.

– Мужчина?! Да, ты ведь оглянулась! Может, хоть что-нибудь заметила и запомнила?

– Запомнила. Перчатки.

– Какие перчатки?

– Его перчатки. Единственное, что заметила – его руки на руле. В перчатках. Могу описать.

– Ну так опиши! Наконец будут приметы преступника!

– Темно-серые, очень темные. Почти маренго. Автомобильные перчатки, такие, знаете, с дырой на тыльной стороне руки и маленькими дырочками вокруг. Толстые швы прошиты черной ниткой. Коротенький манжет застегивается на пуговичку. Черную. Их я опознаю, если надо.

– Гениально! – выдохнул Павел. Мы тоже были поражены.

– Как ты сумела их так хорошо разглядеть?

– Сама не знаю. Только их и видела. Впечатление было такое, что на меня мчатся перчатки. До сих пор стоят перед глазами. Он двумя руками ухватил баранку с левой стороны. Если вам очень хочется, могу дать показания.

– Обязательно! – крикнула Алиция, вскакивая с места. – Сейчас позвоню в полицию.

Через полчаса прибыл герр Мульдгорд в обществе двух сотрудников полиции, записал показания Эльжбеты, осмотрел место происшествия, покачал головой и определил характер повреждений,

которые, по его мнению, получила машина. Только после его отъезда мы вспомнили о свертке Херберта.

– Херберт забыл его на работе, – безнадежно махнула Алиция рукой. – Он помнил о том, что надо забрать его из машины, на которой ездит жена, и забрал, а потом забыл на работе. Я встретила Хербертом у адвоката, и мне совсем не улыбалось ехать после всего к нему в контору. Мы с ним договорились, что завтра он мне его завезет.

– Никаких нервов с вами не хватит! – простонала Зося и, чтобы отвести душу, набросилась на Павла: – Ты зачем крикнул нам в окно, что идет Алиция?

– Так ведь шляпа же! – отбивался Павел. – Когда я вчера отправлялся спать, вы как раз постановили, что Алиция должна ее носить. Я еще в первый момент не мог понять, откуда тут Эльжбета, я был уверен, что Алиция...

– Убийца тоже был уверен, – бестактно радовалась Алиция.

Поскольку Эльжбета все-таки здорово пострадала – была вся разбита и передвигалась с большим трудом, мы решили, что ночевать она останется у нас.

Мы долго думали, где бы ее устроить на ночь, чтобы больше не подвергать опасности покушения. И совершенно напрасно тратили время, знали ведь, преступник не предпримет никаких новых акций, пока не убедится, что опять напал не на того, на кого хотел. В конце концов мы уложили ее в комнате, где до этого размещались Владя с Марианной, потом Агнешка, потом Бобусь с Глистой. На кровать Алиции положили куклу, а сама Алиция постелила себе на диване. Все двери и окна мы старательно заперли. Теперь можно было спать спокойно.

Как всегда, я последняя воспользовалась ванной, погасила свет и тоже собиралась лечь в постель, но раздумала – очень хотелось пить, в горле совсем пересохло от эмоций. Задернув занавеску, чтобы свет не разбудил Алицию, которая уже тихонько похрапывала, я протянула руку, чтобы зажечь в кухне свет, но вместо выключателя угодил в банку с солью, стоящую на полочке. Инстинктивно отдернув руку – терпеть не могу брать соль пальцами, вечно забивается под ногти, – я столкнула банку, которая свалилась на пол, по дороге задев висящую сковородку и свалив ее тоже.

Через полминуты в кухне были все, за исключением Эльжбеты. Зося с Павлом выбежали из коридорчика, Алиция запуталась в занавеске. Я наконец нашла выключатель и зажгла свет.

– Совести у тебя нет! – стонала Зося, держась за голову. – Что ты вытворяешь?

Ей вторила Алиция:

– Ты решила всех нас прикончить?

– Не прикончить, а всего-навсего выпить чашку чаю, – виновато ответила я. – Идите к черту спать, я тут сама приберу. Не нашли другого места для соли?

Они разошлись, я навела в кухне порядок, выпила чашку чаю и на цыпочках пошла к себе в мастерскую, проверив по дороге, дышат ли Алиция и Эльжбета. Дышали.

Только я заснула, как тут же меня разбудил страшный шум – какой-то треск, скрежет железа, звон разбитого стекла. Адский шум доносился вроде бы из комнаты Зоси. Кубарем скатившись с катафалка, я промчалась через соседнюю комнату, отметив, что Эльжбета проснулась и села на постели, столкнулась в коридорчике с Алицией и Павлом и рванула дверь Зосиной комнаты. В слабом свете ночника я увидела Зося, которая, чертыхаясь, пыталась освободиться от каких-то веревок, опутавших ее.

– Жива! – только и могла я произнести.

– Черт бы побрал все эти меры безопасности! – Зося чуть не плакала от ярости.

Включив свет, я увидела на полу у кровати безобразную кучу – разбитое стекло (в основном бутылочное), какие-то железки и консервные банки. Зося пыталась распутать на ногах бечевку.

– В чем дело? – изумленно допытывалась я. – Что ты делаешь?

– Ничего! – раздраженно проворчала Зося. – Будят меня всякие среди ночи, шум поднимают!

– Так это от шума побилось? – заинтересовался Павел.

– А ты помолчи! Я не могу спать при закрытом окне, вот и сделала себе сигнальную установку, чтобы в окно не влезли. Из-за тебя забыла и сама в нее влезла!

– А как? Сама полезла к себе через окно? – удивилась Алиция. – Зачем?

– Отпуск называется! – бушевала Зося. – Следующий я проведу, запершись в погребе! И ничего красного я не брала, никакой чертовой краски, только вот эти бутылки, обвязала их бечевкой, а ее прикрепила к окну, если кто попырует влезть, бутылки свалятся прямо на железки. Специально их подложила, чтобы больше шума было. Захотела попить, встала и запуталась в бечевке! И вообще, пошли вы к черту! Ложитесь спать! Лучше посмотрите, что там с Эльжбетой.

Когда Зося в таком состоянии, можно нарваться на грубости, поэтому мы послушно оставили ее одну и отправились по своим комнатам, по пути объяснив Эльжете, что случилось.

– А какие в вашем доме еще сигнальные установки? – невозмутимо поинтересовалась Эльжбета. – Меня интересуют прежде всего те, которые перед ванной и туалетом. Не исключено, что мне понадобится пойти туда... Так чего мне не пугаться – когда завоет, зазвонит или еще чего?

– Бог с тобой, ничего не завоет и не зазвонит! – заверила ее Алиция. – Хотя, кто знает... Вы там ничего не устанавливали?

– Ничего, лопни мои глаза! – поклялся Павел.

– Отстань! – проворчала я, взбираясь на катафалк.

Прошло не больше пяти минут, когда отчаянный крик снова заставил нас вскочить. Вроде бы Алиция... Один короткий отчаянный крик – и ничего больше. И тишина!

Я чуть не вывихнула руки, когда искала выключатель под картиной. Диван был пуст! Где Алиция? Из коридорчика слышались встревоженные голоса бегущих Зоси и Павла. Я не успела как следует испугаться, ибо разглядела Алицию в темной прихожей.

– Ох, извините меня, пожалуйста, – сокрушенно вымолвила Алиция, – я немного ошиблась...

Зося не могла вымолвить ни слова. Ноги ее не держали, она беспомощно пыталась нащупать рукой какую-нибудь опору. Павел подхватил ее и бережно усадил в кресло. Я упала в соседнее.

– Что значит ошиблась? Вместо того, чтобы лечь спать, начала вопить? Перепутала процессы?

– Да нет... Я забыла, где сплю. Немного поговорила с Эльжбетой и пошла... Да, кстати, как Эльжбета?

– Спасибо, ничего, – вежливо отозвалась стоявшая в дверях Эльжбета.

– Слава богу! Потом, значит, сходила в ванную, потом попила воды – еще подождала, пока пойдет холодная, а потом пошла напрямик в свою комнату и села на постель. То есть, вообразите только, уселась на кого-то!

– На куклу, на кого же еще!

– Ну да, но я-то о ней забыла! А вы представляете, что такое сесть в собственной постели на кого-то! И что за идиотская выдумка с этой куклой! Кажется, я слегка вскрикнула...

– Слегка! – возмущенно фыркнула Зося, а Павел добавил:

– Я уж думал – ну, на сей раз уж точно убили кого-то! Так еще никто не кричал!

– Никто еще не садился на куклу...

– Нас здесь пятеро, – уныло произнесла Эльжбета. – Похоже, каждый по очереди должен поднять шум. Когда моя очередь и что именно я должна делать?

– Ничего ты не должна. А ты, Павел? Хочешь?

– Я спать хочу, – ответил Павел и душераздирающе зевнул.

– Знаешь, Алиция, я больше не выдержу, – сказала Зося. – Честное слово, не выдержу! Делай, что хочешь – ищи, проверяй, вспоминай, но если ты не в состоянии этого сделать, если ты не в состоянии даже забрать у Херберта собственный сверток, если ты не в состоянии разоблачить преступницу, я сама начну убивать!

– Только, пожалуйста, не сегодня! – взмолилась Алиция. – С завтрашнего дня, ладно? А сегодня давайте поспим хоть немного.

– Боюсь, не получится, – усомнилась я. – Думаю, не стоит и пытаться. Я буду очень удивлена, если этой ночью в Аллероде больше ничего не случится, например, пожар...

– Не успеет, – возразил Павел, глядя в окно. – Светает.

И в самом деле, пожара не случилось, хотя при нашем состоянии нервов достаточно было малейшего пустяка, чтобы все опять вскочили в тревоге на ноги. Будь у Алиции собака или кошка, нас бы поднял на ноги и стук хвоста о пол, и чесание за ухом...

События последней ночи заставили Алицию предпринять более энергичные усилия для получения таинственного свертка, хотя не было никакой уверенности, что он чем-то поможет. В результате Алицию целый день никак не мог поймать герр Мульдгорд, которому она срочно понадобилась.

Несколько Алициных нервных телефонных звонков побудили Херберта бросить в конце концов все дела и мчаться к ней со свертком. В это же самое время Алиция, будучи не в силах дожидаться, сама поехала к нему. Они разминулись, каждый вернулся к себе ни с чем. В том числе и герр Мульдгорд, который бросился вдогонку за Алицией. В этих догонялках победил Херберт, который решил подождать Алицию на станции в Аллероде и встретил ее, когда та выходила из поезда. Он подвез ее к дому, отказался войти, так как очень спешил, и чуть было в этой спешке не забыл вручить ей причину догонялок.

Алиция переступила порог дома, с торжеством потрясая свертком:
– Вот он! Но если тут окажутся старые чулки, которые я собиралась отдать в мастерскую по поднятию петель, уж и не знаю, что сделаю!

Мы жадно набросились на сверток. В нем оказались: маленький карманный польско-итальянский словарь, записная книжка-календарь пятилетней давности, одна клипса из каких-то зеленых камешков, очень оригинальной формы, небольшая шкатулка из разноцветных кусочков дерева, пропавшие флорентийские две пленки и несколько снимков.

– Ну вы прямо как изголодавшиеся гиены, – заметил Павел, глядя, как мы выдираем друг у дружки обретенные фотографии.

– Вот она! – обрадовалась Алиция. – Видите, у меня шляпа свалилась в фонтан!

В этот момент герр Мульдгорд постучал в дверь. Открыл ему Павел, мы были слишком заняты. Вместе с полицейским прибыл какой-то незнакомый нам человек, судя по виду – важная персона. Господин Мульдгорд с присущей ему вежливостью пытался соблюсти правила приличия и представить нам незнакомца, но тот, пренебрегая всеми правилами приличия, набросился на упомянутую выше клипсу – вот уж точно, как шакал на падаль!

Не так просто было объяснить официальным лицам, откуда у нас эти фотографии, откуда клипса, а мы, в свою очередь, не понимали, что надо новому официальному лицу. Понемногу разобрались. Новое лицо оказалось действительно самым важным.

– Помню, конечно, – давала показания Алиция, очень довольная, что хоть это помнит. – Все эти вещи, в свертке, я привезла из Флоренции. Вот эту клипсу, как сейчас помню, я нашла на почтамте,

там я еще встретила Аниту. Ах, подробнее? На клипсу я просто наступила, почувствовала – на что-то наступила, смотрю – клипса, очень красивая, я и взяла ее. Почему не выбросила? Ну, она показалась мне красивой, да и глупо выбрасывать золото....

– Эй! – прервал Павел ее показания. – Смотрите, вроде это Анита!

Алиция махнула ему рукой, чтобы замолчал и не сбивал ее, ибо важное лицо в этот момент потребовало от нее сообщить ему самые точные сведения: когда именно она была во Флоренции, какого числа и во сколько встретила Аниту, во сколько нашла клипсу. Не будь под рукой календаря, Алиция ни за что бы не ответила на эти вопросы, а так – пожалуйста! С чувством глубокого удовлетворения она ответила почти на все вопросы, давая показания то по-датски, то по-польски, так что я почти все поняла.

– Семнадцатого мая, – говорила Алиция, заглядывая в свою записную книжечку-календарик, – с почтамта я отправляла открытки, сразу все, хорошо помню, поэтому и была там на почте всего раз. Во сколько? Минутку, во сколько же это было? В этот день у меня записана встреча со Стефаном, в 11 часов, а потом я и пошла на почту, ну, приблизительно в половине первого.

Почему-то это ее сообщение очень взволновало герра Мульдгорда и важное лицо. Они несколько раз, на разных языках проверили, правильно ли поняли Алицию, не ошибается ли она и сможет ли подтвердить свои показания под присягой.

– Эй! – это уже я прервала их беседу, ибо присоединилась к Павлу и тоже рассматривала снимки. – Эй! Мне тоже кажется, что это Анита. Скажи им, пусть взглянут, ведь неплохое доказательство.

У меня тут же отобрали и фотографию, и лупу. На фотографии была запечатлена одна из очаровательных старых улочек Флоренции, – неровная мостовая, два ряда домов. Из двери одного выходит женщина. Придерживая дверь, она, отвернувшись, что-то говорит, обращаясь к тому, кто находится в доме. Одной ногой женщина уже ступила на тротуар, вторая еще на ступеньке. Фигурка очень маленькая и недостаточно четкая, но весьма похожая на Аниту.

Теперь оба представителя власти потребовали от Алиции припомнить, какого числа и в какое время были сделаны снимки.

Проникшись ответственностью, Алиция сделала над собой сверхъестественное усилие и вспомнила.

– Утром. Вот этот, с Анитой, и вот эти, – она ткнула в кадры пленки, – до самого фонтана. Мы со Стефаном вышли из гостиницы и пошли на почту. А по дороге фотографировали. И потом я уже пошла на почту... Ой, нет! Тут на пленке есть еще один кадр, последний, недодержанный, Стефан решил щелкнуть, когда мы уже вошли в почтамт, проверить, не осталось ли свободных кадров. Я не стала делать с него фотографии. А потом уже фонтан. Он как раз возле почты...

Господин Мульдгорд встал со стула и торжественно пожал руку Алиции.

– Днесь ведаем все! Се доводы, коих недоставало. Аз вещаху: пани есть вместилище тайны! Воззри! Се присно искал убивец.

– Что именно? – не поняла Алиция.

– Сии доводы! – герр Мульдгорд по очереди указал на клипсу, фотографии и записную книжку. – Се искал убивец! Воистину в кротости души твоея мудрость твоя велика есть, яко доводы пребываху иное место, не сокрыты в доме!

– Что вы говорите! Значит... Значит, это все-таки Анита...

Герр Мульдгорд глубоко вздохнул:

– Воистину так! Драма ея велика. – Он оглянулся на товарища, нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу, и поспешно закончил:

– В недолгое время аз притекаху и остальные вешти смиренно разъясняху.

И оба официальных лица, на ходу кланяясь и прощаясь, чуть не вприпрыжку покинули наш дом, унося с собой вещественные доказательства. Мы остались сидеть за столом, потрясенные и ошеломленные.

– А я и не сомневалась никогда, что я очень умная, – сказала наконец Алиция не очень уверенно.

– Трудно поверить! – прошептала Зося. – У нее железные нервы...

– Вообще-то она и в самом деле ко всем случаям подходит... – начал было Павел, но Алиция возразила:

– И вовсе нет! Анита как раз не подходит. Сами слышали, он говорил о какой-то великой любви, вот уж это к Аните никак...

– Я говорю – к случаям подходит. Помните, тогда, стояла на дорожке, просто отбежала немного и остановилась, мы ведь не слышали, чтоб кто-то еще продирался сквозь заросли и прыгал через

живую изгородь! А в другом случае знала, что окно разбито! А в третьем случае, когда молотком ударила Агнешку, Алиция ей сама сказала, что возвращается домой! А еще раньше затаилась в прихожей и слышала разговор Алиции с Эльжбетой, и тогда же свистнула ключи! И о красной шляпе знала!

– Ну, допустим, а при чем здесь большая любовь?

Я не выдержала, кинулась к телефону и набрала номер Аниты. Ведь сегодня господин Мульдгорд не требовал сохранения тайны!

– Послушай, это что же происходит? – возмущенно спросила я. – Оказывается, это все-таки ты! Спятила ты, что ли?!

– А, так вы уже узнали? – немного нервно отозвалась Анита. – А я все надеялась, что Алиция так и не вспомнит... За мной следят, сбежать я уже не смогу. Черт побери все на свете!..

– Господи Иисусе! Но почему? Что тебе втемяшилось в голову?

– Потому что для меня только одно имело значение... Единственное во всем мире, – холодно и спокойно пояснила Анита. – Все остальное уже ничто! И какое мне дело до всех прочих людей? Тебя я тоже могла бы убить, если бы это потребовалось... Пожалуй, тебя даже следовало убить, ведь ты одна знаешь, я тебе когда-то говорила... Э, да пропади оно все пропадом!

Потрясенная, я медленно положила трубку. Алиция, Зося и Павел вопросительно смотрели на меня.

– Похоже, у нее нервный припадок, – сказала я. – Сидит дома, не убежать, ее стерегут, и вроде плачет.

– Так из-за чего она этим занималась? – спросила Алиция. – Не иначе как чокнулась.

Очень непросто переварить мысль о том, что жестоким хладнокровным убийцей оказался человек, который столько лет считался нашим близким другом. Потрясение было слишком сильно, в себя мы более-менее пришли лишь на следующий день. К приезду господина Мульдгорда немного привели в порядок взбудораженные чувства.

Свое прибытие герр Мульдгорд обставил необычайно торжественно: вручил нам цветы и всем по очереди пожал руки, после чего разложил на столе штук двадцать фотографий интересных брюнетов. Было на что посмотреть!

– Вот он!! – дико завопил Павел, схватив одну из них. – Я узнал, это он!!

– И я его знаю! – воскликнула в свою очередь Алиция, вырвав у него из руки фотографию. – С этим греком я познакомилась в Венеции, уже давно, а потом встретила во Флоренции.

На фотографии был представлен молодой мужчина – тот самый тип красавцев-брюнетов, который я не выношу.

Павел вдруг обиделся:

– А говорили, что у них нет его фотографии!

– Не было! – пояснил полицейский, вроде бы сам удивляясь. – Днесь заутро прибывать фототелекопия из Варшавы. Датская полиция не ведати, какова особа присылать телекопия и ради какова причина.

Я уже открыла рот, чтобы просветить датскую полицию относительно таинственного варшавского отправителя фотографии, но вовремя спохватилась и закрыла, не проронив ни слова. Герр Мульдгорд предъявил для опознания еще один комплект снимков, отснятых с пленки Алиции и увеличенных.

– Воззрите на сие! – велел он нам. – С тцанием и со вниманием!

– Видишь, – сказала я Алиции, – как просто отпечатать пленку, не надо из этого делать проблему на пять лет, да еще гонять с ней туда и обратно Херберта.

– Заткнись.

Три фотографии представляли Аниту. При таком увеличении ее легко было узнать. На снимке, где она выходила из дома на старинной улице Флоренции, в ее ухе мы увидели клипсу в натуральную величину, точно такую же, на которую вчера накинлось важное лицо. На этой же увеличенной фотографии в темной глубине дома просматривалась чья-то неясная фигура, возможно, рокового брюнета. На двух других фотографиях черный красавец был заснят рядом с Анитой, причем оба раза эта пара не была объектом съемки. В одном случае снимался фонтан, а они оказались на втором плане, в другом – интерьер почты. Честно сказать, интерьер вышел так себе, зато в его глубине запечатлелась потрясающая сцена: Анита оглядывалась, а черный красавец закрывал почтовый ящик, номер которого виднелся отчетливо. Полицейский постучал пальцем по фотографии:

– Сие разуметь так: тайное место уготворяху еси себе. Искони полиция многие края заморския сие место искала многие лета. Его же

ради тьмы и тьмы работников полиция поиски учинили. Вотще! И се зрю днесь сие тайное место на ваши зело пользительные документы.

– Уж нашего приятеля Стефана я бы на ее месте непременно убила, – заметила Зося. – Это же надо так угодить со своим фотоаппаратом!

Полицейский взял другую фотографию и ткнул пальцем в увеличенное изображение клипсы:

– В доме сим имети место убивство в час урочный. Изделие сие один экземпляр полиция находить место убивства, другой экземпляр бысть у пани.

– Странно, как еще меня полиция не стала подозревать! – удивлялась Алиция.

Полицейский продолжал, указав перстом на черного парня:

– Есть то зело важная персона для подлая работа. Зело важная! Подлая работа твориху вкупе с ваша дама. А пани, – тут он наставил перст на Алицию, – знать все и вся.

– Правда, – признала Алиция. – Факт, я их видела вместе во Флоренции и в Риме, Аниту и этого грека. Но затем Анита полгода пребывала в Израиле...

– Отнюдь, – перебил ее полицейский, – дама сия пребываху в оно же время в Греция.

– В Греции? – удивилась Алиция. – А мне сказала, едет в Израиль на полгода. По дороге заехала в Италию, и надо же! Наткнулась на меня. Она еще просила тогда никому не говорить, что я видела ее в Италии, дескать, могут быть неприятности на работе... Мне и в голову не приходило, что тут такое... Впрочем, я скоро вообще обо всем этом забыла. Какое имеет значение, в Греции ли Анита или в Риме?

– Исполнясь отчаяния... – начал было полицейский, но Зося перебила его:

– Не могу понять две вещи. Во-первых, откуда Эдик узнал обо всем, а, во-вторых, зачем она это делала. Ну зачем помогала этому типу в его подлой работе? С ума сошла, что ли? Какое ей-то дело до торговли наркотиками? Ведь, насколько я поняла, ей даже прибыли никакой это не приносило.

– Истинно говорю вам – любовь великая, – пояснил герр Мульдгорд с грустью.

– Полиция весть имеет: дама в душе своея любви ради смиренно претерпевает для сей грек...

– Анита? Кто бы мог подумать!

– Все бабы с ума посходили со своими любовями! – кипятилась Алиция. – У Эвы – трагедия, великие страсти. Анита от любви убивает направо и налево. Иоанна из-за любви приезжает не вовремя ко мне. Прямо эпидемия какая-то!

– Все нормально, это ты одна ненормальная, никаких человеческих чувств, вот и теперь не можешь понять самых простых вещей. У Аниты всегда был пунтик на почве брюнетов, а получалось что? Первый ее муж был блондином, Генрих тоже блондин, и уж когда наконец ей подвернулся настоящий брюнет, она в него вцепилась мертвой хваткой. А потом ведь не известно, может, он ее силой заставлял...

– Известно! – прервал меня герр Мульдгорд. – Полиция весть имея, убивец сей твориху вельми много насилие. Несметные богатства уготворя еси себе и имея один потомок. Дама породиху сей потомок. Брак не был освящен, ништо не было истинно, токмо всуе багрили пути их кровь и смерть.

Вроде бы уже ничто не должно было нас удивлять, и тем не менее информация полицейского ударила нас как обухом по голове. Потомок? У Аниты потомок? Убедившись, что мы правильно его поняли и речь действительно идет о ребенке Аниты и черного бандита, мы не могли поверить в такое.

Полицейский заверил нас, что полиция располагает достоверной информацией и чистосердечными признаниями самой Аниты. Так постепенно стали проясняться мотивы преступлений в Аллероде.

Теперь, задним числом, мне вспомнились какие-то давние разговоры с Анитой, какие-то ее намеки, которым тогда я не придала должного значения, попросту пропустила мимо ушей и забыла, а вспомнила вот только теперь. А ведь говорила она о какой-то большой любви в своей жизни, о каком-то человеке, из-за которого и разошлась со своим первым мужем, любви запутанной, сложной, не очень-то счастливой. Я думала, все это уже давно забыто и предмет ее чувств давно исчез с горизонта, а вот поди ж ты!

У Алиции была своя концепция:

– Если он такой ужасно богатый, тогда я еще, пожалуй, пойму Аниту, но просто в большую любовь поверить не могу, хоть убейте. Чтобы из-за простого красавца идти на такие преступления... Нет, это не для Аниты.

Общими усилиями, с помощью господина Мульдгорда, мы восстановили ход событий. Побуждаемая страстными чувствами к брюнету, Анита стала с ним сотрудничать, причем, похоже, соглашалась на все. По его наущению она вышла замуж за Генриха, ибо ей потребовалось датское подданство. Случилось это в тот период подлой карьеры предмета ее чувств, когда во многие страны Европы въезд для него оказался закрытым и понадобился надежный компаньон. Тут совершенно бесценной оказалась для него помощь Аниты – датской гражданки и журналистки, с ее постоянными загранкомандировками. Анита имела возможность свободно общаться со множеством нужных людей, провозить наиболее ценную контрабанду, не возбуждая ни малейших подозрений. Она выполняла любые требования возлюбленного, участвовала в похищениях и преступлениях, на все послушно соглашалась и боялась лишь одного – как бы он ее не бросил. Чтобы привязать его крепче к себе, она родила сына и отказалась от всех прав на ребенка, отдав греческой бабке. Именно тогда она провела в Греции семь месяцев (распространив слухи, что едет в длительную командировку в Израиль). Обманывала мужа, обманывала всех нас. Хуже смерти было для нее разоблачение, ведь тогда она бы потеряла своего красавца. И ради него шла на любые преступления.

Одна глупая фраза в устах пьяного Эдика грозила разрушить ее хрупкое счастье, свести на нет все ее усилия, навсегда перечеркнуть планы на будущее. Не задумываясь, она прикончила Эдика.

– После всех преступлений, которые она совершила вместе со своим бандитом, это убийство уже не представляло для нее особой проблемы, – сказала я, а Зося добавила:

– Не каждый решится на такое дело, тут уж нужно иметь в себе склонность, характер соответствующий. Я всегда говорила, что она эгоистка. Для нее главным было собственное желание – удержать брюнета. Любой ценой! Остальное не имело значения. Ради этого совершенно спокойно истребила бы пол-Европы.

– А теперь признается во всем, ибо терять ей нечего – бандит в руках полиции, остальное не важно, для нее жизнь кончена. Вот только откуда Эдик мог знать обо всем?

Павел перебил Алицию:

– Что вы все «Анита, Анита»! Ведь вместе с ней тут орудовал какой-то мужчина. На Эльжбету наехал мужчина...

– А! – встрепенулся герр Мульдгорд. – Память моя што кладезь иссохший. Аз молю, аще дама под машина обозреть соизволит сии доводы. – Он извлек из портфеля пакет. – Все иные особы да будут правды ради честные свидетели!

Без ненужных эмоций и без малейших колебаний Эльжбета из десяти пар предъявленных ей перчаток выбрала одну. Герр Мульдгорд удовлетворенно кивнул головой.

– Воистину так! Есть то ихний работник, зело малая... э... рыбина.

– Понятно. Помощник по мокрому делу.

Затем полицейский информировал нас, что после допроса в полиции Анита отправлена на обследование в психиатрическую клинику и получено разрешение на свидание с ней кого-нибудь из нас одного.

– Иди ты! – в один голос сказали Алиция с Зосей. – Может, она сама скажет, откуда Эдик о ней узнал.

Несколько дней прошли в терзаниях и сомнениях. Этично ли наносить визит убийце и преступнице, пусть даже и давней приятельнице? Не расценит ли она мой визит как знак нашего прощения ее подлым поступкам или, того хлеще, как знак их одобрения? А, может, вообще бестактно расспрашивать ее о злодеяниях и лучше сделать вид, что ничего такого не было? Совершенно запутавшись в сложных морально-психологических проблемах, я уже и не знала, кого иду посещать – закоренелую преступницу или просто свою не совсем здоровую психически приятельницу?

С первых же слов Анита рассеяла все мои сомнения. Она уже отошла после первого шока и обрела былую уверенность в себе.

– Дуры вы все, как я посмотрю, – безапелляционно заявила преступница. – Лично я ничего против Алиции не имею и даже люблю ее. Мне вовсе не хотелось ее убивать.

– А чего же тебе хотелось? Сделать ей приятное, устранив из ее дома излишек гостей?

– А что, скажешь, не было излишка? Но дело обстоит не совсем так. Теперь я уже могу тебе сказать... Мне не хотелось ее убивать, но я должна была это сделать.

Она тяжело вздохнула. Я слушала, боясь проронить хоть слово.

– Когда мы с Алицией случайно встретились во Флоренции, я ведь знала, что она щелкает там свои idiotские фотографии, и на одной из них может быть Анджей...

– Какой еще Анджей?

– Ну, этот, мой... Его зовут Андреас. Фотографии, где он заснят вместе со мной, – единственная реальная опасность раскрыть нашу связь. Я не могла этого допустить. Слишком велика была для него угроза. И еще надо было отыскать и забрать ее записную книжку, я ведь знаю, она все записывает, память у нее никудашная, без записей уже ничего бы не вспомнила. В здешней полиции мне удалось выкрасть единственную его фотографию, которой они располагали. Украсть из полиции было просто, у них все разложено по полочкам, а вот разыскать что-либо у Алиции – каторжный труд. Поэтому и нужно было ее прикончить, а потом спокойно обыскать весь дом. Ну, и еще я боялась – она сама их найдет и вспомнит что не надо. А всех остальных мне очень не хотелось обижать. Ох, ты представить себе не можешь, сколько сил и хлопот это стоило, как трудно было при этом никого не убить.

– Но ведь Эдика ты... того...

Анита опять вздохнула.

– Тут я совершенно потеряла голову, – призналась она, искренне сожалея о содеянном. – Мне надо было, чтобы он замолчал, причем немедленно, я не знала, как это сделать, ну и... Перестаралась немного.

Вот так стали понятными поразительная невезучесть нашего убийцы и подозрительно частые стечения счастливых обстоятельств для его жертв. Меня радовало, что хоть в этом у Аниты проявились нормальные человеческие чувства. Ей никого не хотелось обижать...

Анита охотно ответила на все мои вопросы. Выяснилось, что ей неизвестно, из какого источника почерпнул Эдик свою информацию. Для нее самой это было неожиданностью. На прощание она попросила

меня передать Алиции, что просит у нее прощения за попытки лишить ее жизни.

– А в общем-то, ты и сама, наверное, понимаешь, – я ненормальная, – закончила Анита. – Поверь, я давно утратила способность рассуждать здраво, и никакая клиника меня не излечит. И ничего мне не сделают... Хотя жизнь моя все равно пропащая.

Она знала, что говорила. В Дании правосудие исходит из того, что всякий преступник – человек чокнутый, и гораздо чаще направляет на лечение, чем в тюрьмы. Я же и сама чуть было не поверила в психическую неполноценность Аниты, если бы не эта, столь безошибочно избранная ею линия защиты...

Я попросилась и уже была в дверях, когда она меня задержала:

– Послушай, будь добра, скажи мне, ради бога, где она это прятала?

– На чердаке у знакомых, на площади Святой Анны, – рассеянно ответила я, с трудом продираясь сквозь сумбур в голове – Анитины преступления, ее признания, ее неуравновешенная психика. – И вообще, Алиция понятия не имела, что у нее это есть. Если бы не Херберт и если бы не ремонт чердака... Послушай, а зачем тебе понадобилось убивать фру Хансен? Она тебя узнала?

– Стала бы я убивать ни в чем не виновную старушку... Она меня не видела, но поперлась в комнату, где я была, и через минуту увидела бы. Пришлось принимать меры. Ох, если бы я знала, что это лежит на площади Святой Анны! Ну, Алиция! Никогда не знаешь, что она может выкинуть!

Через два дня пришло письмо от двоюродной сестры Эдика, его единственной наследницы. Внутри находился запечатанный конверт. Двоюродная сестра сообщала, что конверт она обнаружила в кармане старого Эдикова пиджака, а поскольку на письме написан адрес Алиции, она сочла своим долгом переправить его адресату, полагая, что тем самым исполнит волю покойного.

Конверт был жутко измят и заляпан какой-то бурой жидкостью, которую мы после долгих споров идентифицировали как смесь вишневки с кофейной гущей. Письмо внутри конверта было залито тем же.

– Должно быть, здорово был пьян, когда писал, – ворчала Алиция, разбирая каракули.

В неровных строках буквы налезали одна на другую, кое-где сливаясь в один большой клубок, расшифровать который не было никакой возможности. Многие слова расплылись от вишневки, другие не были дописаны, знаки препинания вообще отсутствовали. Понадобилось немало времени, что-бы понять общий смысл письма. Оказывается, Эдик встретил знакомого времен своей молодости, когда после окончания войны мыкался по свету. По случаю счастливой встречи они устроили грандиозную попойку, во время которой, то ли на десятый, то ли на двенадцатый день друг молодости сболтнул лишнее. Пьяный Эдик понял, что кореш не в ладах с уголовным кодексом и вообще, скорее всего, шпион. Во-первых, теперь у него была другая фамилия. Во-вторых, он тайно пользовался варшавской квартирой Аниты. В-третьих, с презрением отзывался о безоглядно влюбленной в него женщине, которую ни в грош не ставил. Перед старым другом он не скрывал, что беспардонно использует в своих гнусных целях любящую Аниту, которую собирался бросить, как только она перестанет быть полезной. Правда, о своей шпионской деятельности он не сказал ни слова, хотя Эдику очень хотелось его расколоть, но тем не менее Эдик не сомневался в характере работы своего дружка. Большая часть Эдикова письма состояла из бессвязных восклицаний, свидетельствующих о сотрясающей душу автора внутренней борьбе: проявить лояльность по отношению к старому

корешу и собутыльнику или, наоборот, предупредить Алицию. В конце концов рассудил, что если даже он Алицию предупредит и она порвет со своей знакомой, его корешу ничего не угрожает.

– Написал письмо по пьяной лавочке, сунул конверт в карман пиджака и забыл о нем. А потом, уже протрезвев, написал второе письмо.

– Права была Анита, когда говорила, что бросит ее этот подонок и не задумается, – заметила я. – На редкость неприятный тип. Ох, недаром не люблю я таких красавчиков...

– Странно, что сболтнул Эдику лишнее, – удивлялась Зося. – Ведь опытный же мошенник...

– Так он же не знал, что Эдик знаком с Анитой. Он не знал даже, что мы с Эдиком давно знаем друг друга. И вообще, из этого следует, что я ему была до лампочки.

– И не только это, – добавила я. – Вспомните, они встретились в Польше, там этот мошенник наверняка не мог сбывать наркотики, значит, не занимался своим наркобизнесом, скорее всего проворачивал какие-нибудь мелкие торговые аферы. Польша для него – безопасная пристань, вот он и расслабился. Встретил старого друга. Дружок-алкоголик ничем не мог быть для него опасен, да и в самом деле, если бы Эдик не знал тебя... А так два мужика упились вдрызг, и один стал изливать другому душу, поведал только о своих сердечных делах.

– Жаль мне эту бедолагу Аниту, хотя, возможно, она и не стоит жалости.

С прощальным визитом пришла к нам Эльжбета. Она хромала уже почти незаметно. Вскоре после нее приехал Торстен, которого выписали из больницы несколько дней назад. Незадолго до него звонила из больницы Эва – она чувствовала себя уже неплохо и собиралась выписаться через неделю. Остальные жертвы покушений Аниты тоже понемногу выздоравливали. Мы жили теперь в атмосфере радостной эйфории. Висящая над нами черная туча опасности унеслась прочь, ничто уже не угрожало обитателям очаровательного домика в Аллероде. В саду цвели астры.

– Ну, мои дорогие, – говорила сияющая Алиция, – я считаю, теперь самое время раскупорить бутылку «Наполеона». Бобусь с Белой Глистой уехали, надеюсь, навсегда, Эва жива и ни в чем неповинна, вы живы, тетя не имеет ко мне никаких претензий, прочие жертвы живы и

здоровы, за машину мне возвращают ее полную стоимость. Лучше и быть не может!

Мы с энтузиазмом поддержали ее.

– Как хорошо, что уже не будет в этом доме никаких трупов! – радовалась Зося.

Алиция приготовила исключительно ароматный кофе, и мы в приятной, почти семейной атмосфере собрались за столом. От меня потребовали с подробностями рассказать о визите в психиатрическую клинику.

– Я так и не понимаю, чего она стояла тогда на дорожке с пистолетом в руке, – сказал Павел.

– А я разве тебе этого еще не объяснила? В тот вечер она собиралась застрелить Алицию через окно. Ты ей помешал, она убежала, мы гнались за ней. Прятать пистолет в сумку? А вдруг ее обыщут? Выкинуть? А вдруг на нем остались отпечатки ее пальцев, хорошенько их стереть времени не было. Вот она и вынуждена была держать его в руке – ничего другого не оставалось. Кстати, это тот самый, из которого она стреляла и во фру Хансен.

– А что она сделала со стилетом, которым пырнула Эдика?

– Выбросила в окошко машины, когда они возвращались домой. Генрих не заметил. Это был пружинный нож, а не стилет, знаешь, с таким длинным острием. И вообще, Анита располагала очень неплохим набором нужных инструментов. Во фру Хансен она стреляла потому, что не могла скрыться незамеченной, стреляла из укрытия, та ее не видела.

Алицию интересовало другое:

– А взрывную установку в шкафчике она тоже сама смастерила?

– Нет, ее установил помощник. Тот кудлатый тип, который стерег, пока она стригла твою живую изгородь. Кстати, она очень жаловалась: изгородь была страшно запущена... А у него действительно борода и усы были накладные, и парик на голове. У своего возлюбленного бандита она прошла неплохую школу – умела хорошо стрелять и даже бросать нож. Вот еще, чуть не забыла: Анита собственными глазами видела, как тогда, на почте во Флоренции, ты подняла ее клипсу. Только тогда она спохватилась, что и вторую потеряла, и сразу догадалась, где именно. И с тех пор жила в постоянном нервном напряжении.

– Так, значит, именно клипсу она все это время искала?

Я отхлебнула глоток коньяку. Пока я поднимала рюмку, отпивала и ставила рюмку на стол, они не сводили с меня глаз, ожидая ответа и боясь перевести дыхание. В наступившей тишине я услышала негромкий звук, как будто что-то капнуло.

– И клипсу тоже. Но прежде всего фотографии, сделанные Алицией во Флоренции, и ее записную книжку той поры. Она знала – без них Алиция ни в жизнь ничего не вспомнит и ничего не докажет.

Кап...

– Тогда я не понимаю, зачем ей еще во что бы то ни стало и меня надо было убивать, – сказала Алиция и тоже прислушалась.

– Ну как ты не понимаешь? Ведь ты – единственный человек, который видел ее вместе с черным парнем, и можешь опознать его.

Кап...

– Что-то капает, – сказала Зося.

– Я тоже так считаю. Павел, встань, закрути кран.

– Он закручен.

Кап...

Мы все замолчали.

Кап...

– Так где же это капает? – забеспокоилась Алиция. – В ванной?

Кап...

– Нет, похоже, в уборной.

Кап, кап, кап...

Темп капанья усилился. Мы сидели молча, пытаюсь установить источник звука.

Павел встал и выглянул в коридорчик.

– Здесь, – сказал он, зажег свет и замер, глядя на потолок.

Мы сорвались с мест.

Кап, кап, кап, кап...

На потолке, вернее, на антресолях, набухло и расползлось темно-красное пятно. Из него и из щели дверцы уже не капала, а текла тонкой непрерывной струйкой густая жидкость.

Мы вздрогнули от пронзительного крика Зоси. Она отпрянула и вопила, закрывая рукой глаза:

– Нет! Нет! Сколько можно? Ведь решили – уже все!! Я не могу!!!

– Странно, ведь Анита уже сидит! – удивилась Алиция.

Столпившись в тесном коридорчике, мы обалдело уставились на ужасное пятно, будучи не в состоянии пошевелиться. Первой пришла в себя Эльжбета.

– Боюсь, у нас нет другого выхода, – надо заглянуть на антресоли, – со вздохом сказала она.

– Или подождем полицию? Но мне кажется, кровь свежая, так что лучше...

– Боже! – простонала Алиция. – Кто же на этот раз?!

– Как же это могло случиться? На антресолях! – вслух размышляла я, чувствуя, как все тело покрывается холодным потом. – Он, что же, залез туда и там его прирезали? Или уже зарезанного затолкали на антресоли?

– Да нет же, это невозможно, – решил Павел. – Попробуй туда что-нибудь затолкать... Ну так что, звоним в полицию?

Мы позвонили. Господина Мульдгорда не оказалось ни на работе, ни дома. Посовещавшись, мы решили действовать сами. А вдруг несчастный еще жив?

С величайшей осторожностью, стараясь не ступить в лужу на полу, Алиция установила стремянку. На нее добровольно вскарабкался Торстен – ничего странного, его нервная система не была, как у нас, расшатана постоянным страхом и напряжением, он всего лишь раз пострадал в автокатастрофе. В одной руке держа фонарь, другой он осторожно приоткрыл дверцу антресолей. Оттуда хлынул поток густой темно-красной жидкости, подняв в луже на полу фонтанчики брызг. Мы дружно вздрогнули и уставились в темную глубину антресолей.

Торстен осветил туда фонариком.

– За сундучком, – кратко информировал он, и Алиция автоматически перевела.

Торстен кивком головы подозвал Павла, передал ему фонарик и жестом велел осветить, а сам до половины скрылся в темноте антресолей и начал там что-то передвигать. Потом высунул руку, отобрал у Павла фонарик и осветил что-то в глубине антресолей.

– Я так и не понял, что там такое, – слезая со стремянки, сказал он по-английски. – Алиция, похоже, это по твоей части.

– О мать божия! – странным голосом произнесла Алиция и, подобрав подол платья, полезла на стремянку. Включив фонарик, она заглянула внутрь антресолей.

– Так и есть! – мрачно констатировала она. – Весь вишневый сок вытек! Разбилась банка. Еще когда я заталкивала сюда сундучок, почувствовала, вроде что-то треснуло, но не было времени проверять. И как я забыла, что там стоит эта проклятая банка!

Думаю, Алиция еще никогда не была так близка к смерти, как в этот момент. Казалось, еще мгновение – и в нашем доме будет-таки свежий труп, на сей раз, наконец, Алиции. Зося дала исход чувствам в истеричном крике:

– Неужели теперь до конца жизни я только и буду видеть все красное?! Неужели у тебя не нашлось ничего другого – зеленого, фиолетового, голубого, черт знает какого, но не красного? Я не в состоянии больше глядеть на красное!

Зося напоили успокоительными каплями – к счастью, они не были красного цвета, и она продолжала уже тише:

– А еще говорили, Дания – спокойная культурная страна! И даже скучная! И я приехала провести свой отпуск в спокойной скучной стране, а тут вот, пожалуйста...

– Но ты же приехала к Алиции.

Щадя ее чувства, Торстен предложил быстренько осмотреть весь дом и устранить с глаз долой все предметы, которые могли бы своим цветом напомнить о недавнем кровавом прошлом. Алиция затолкала глубоко под кровать свой красный халат, обнаружив при этом под кроватью потерянную Анитой зажигалку.

Щадя чувства Зоси, я отказалась от мысли купить перед отъездом необыкновенной красоты говяжьё вырезку, о чем давно мечтала – какие бифштексы приготовила бы я из нее по приезде в Варшаву! Но как представила, что будет с Зосей, если она увидит ее, например, при таможенном досмотре...

Уже на вокзале, в последний момент, провожающая нас Алиция вспомнила, что остался еще один неясный момент:

– Да, я все хотела тебя спросить, откуда у них появилась его фотография?

– Чья фотография?

– Ну, черного хахаля Аниты, кого же еще?

А я-то надеялась, что об этом никто не спросит! Разумеется, я очень хорошо знала, откуда появилась фотография – та самая, которую в свое время похитила Анита и которой так не хватало датской

полицейской. Недаром свое последнее письмо в Польшу я отправила экспресс-почтой. А поскольку до приезда в Данию никак не могла предвидеть сенсационных событий в Аллероде, то не согласовала со своим блондином, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Вот почему я не могла дать прямого ответа на вопрос Алиции.

Зоя и Павел уже сидели в купе, я поспешила поставить ногу на ступеньку вагона.

– Ты же сама слышала, как полицейский рассказывал, получили по телеграфу, знаешь, это когда фотография получается из точек...

– Ты мне точечками голову не забивай! Кто им ее прислал? Ведь не запрашивали же они ее из Варшавы, им это и в голову не могло прийти. Зачем же Варшава высылала? Ясновидящие у них там, что ли?

Я поднялась на ступеньку.

– Ну, откуда мне знать? Наверное, не ясновидящие. Просто у них была фотография. Лишняя. Подумали – дай, вышлем, авось датчанам пригодится. Ведь черный бандит был у нас, тоже занимался чем-то неподходящим, наши власти любят порядок, и если кто занимается чем-то неподходящим, обязательно берут на заметку.

Алиция схватила меня за полу.

– Ты ведь писала своему письма? И о том, что тут делается, писала?

– Ну, писала, а что?

Алиция смотрела на меня проницательным взглядом. Ох, боюсь, не удалось мне ее обмануть!

– Так скажешь ты, наконец, кто он, этот твой?

– Вот всегда так, – недовольно пробурчала я. – Когда не надо – шибко умная, а когда надо было вычислять преступника, ничего не могла придумать...

– Не финти! Кто он?

– Я же говорила – один человек...

– Так это он прислал фотографию преступника? И у него было дело к Эдику? И ему нужна была фамилия бандита? Так ведь?

– Даже если и так, что из этого?

– Кто же он такой, черт побери? Во что ты влипла на сей раз?

К счастью, поезд наконец двинулся.

– Да ничего особенного! – высунувшись из двери, с облегчением прокричала я. – Это очень длинная и сложная история! Совсем, совсем

другая, которая еще неизвестно чем кончится! Я расскажу тебе обо всем в следующий раз!

Кондуктор захлопнул дверь вагона...

notes

Notes

Table of Contents

[Иоанна Хмелевская Всё красное](#)

[Действующие лица, живые, мертвые и потерпевшие](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[* * *](#)

[Notes](#)

